

Эрик Фрэнк Рассел

Оса

Аннотация

Оса – это диверсант, призванный с помощью простых, но эффективных средств, подорвать боеспособность враждебных для Земли планет. Так случилось, что такой «осой» пришлось стать простому землянину Джеймсу Моури.

Глава 1

Он проскользнул в комнату и, не говоря ни слова, уселся в предложенное ему кресло. На лице вошедшего застыло недоумение; он до сих пор не понимал, что же, собственно, происходит, и эта загадочность порядком надоела ему.

Здоровенный тип, сопровождавший его с самой Аляски, удалился, тихо прикрыв за собой дверь, и теперь он оставался наедине с мужчиной, восседавшим за обширным письменным столом. Небольшая табличка, прикрепленная к столу, извещала, что его владельца зовут Вильям Вулф. Имя не слишком

соответствовало его наружности: он смахивал скорее на лося, чем на волка.

Вулф произнес, спокойно и жестко:

– Полагаю, мистер Моури, вы имеете право требовать объяснений. – Он сделал паузу и добавил: – Вы их получите. – И он не мигая уставился на собеседника.

Целую минуту Джеймс Моури выдерживал этот испытующий взгляд. Затем спросил:

– Когда?

– Скоро.

Вулф продолжал рассматривать его. Неприятный, оценивающий взгляд словно проникал под кожу; а лицо собеседника было столь же теплым и выразительным, как гранитная поверхность могильной плиты.

– Вы можете встать?

Моури поднялся со стула.

Повернитесь.

Он нехотя повернулся.

– Пройдитесь по комнате.

Он сделал несколько шагов.

– Гм. Гм. – промычал Вулф, и в этом междометии не ощущалось ровным счетом ничего – ни одобрения, ни досады. – А теперь, мистер Моури, постарайтесь не удивляться. Я прошу вас, выгните ноги колесом. Да, да... А теперь сделайте несколько шагов в таком положении. Я не шучу, уверяю вас.

Вывернув колени насколько это было возможно, Моури неуклюже заковылял по комнате. Казалось, он скачет на невидимой лошади. Затем Джеймс снова уселся на стул и веско произнес:

– Надеюсь, что мне, по крайней мере, заплатят за это. Не в моих правилах кататься за три тысячи миль только затем, чтобы бесплатно покривляться на потеху публике.

– Не надейтесь. Здесь деньгами не пахнет, и вы не получите ни цента. Правда, если повезет, останетесь в живых.

– А если не повезет?

– Умрете.

– Вы чертовски откровенны, – отметил Моури.

– На этой работе приходится быть откровенным. – Вулф еще раз придирчиво оглядел гостя. – Вы справитесь. Да, я уверен, вы справитесь.

– Справлюсь с чем?

Сейчас объясню. – Открыв ящик, он достал несколько листков и протянул их через стол. – Для начала прочтите вот это. Так вы лучше поймете, чего мы, собственно, хотим от вас.

Моури взглянул на листки. Перед ним были машинописные копии газетных репортажей. Устроившись поудобнее на стуле, он медленно и внимательно прочитал их.

В первой заметке сообщалось об одном типе, учинившем переполох в Румынии. Сделал он это таким образом: встал посреди улицы, увлеченно уставился в небо и при этом громко выкрикивал нечто вроде: «Голубые огни! Смотрите, голубые огни!» Собрались зеваки, и некоторые из них тоже начали что-то кричать.

Скоро скопилась целая толпа. Народ прибывал с каждой минутой.

Вот уже зрители запрудили магистраль, затем все соседние улицы. Полиция пыталась разогнать толпу, но это только прибавило суматохи. Какой-то идиот вызвал пожарную команду. В толпе нашлось немало истериков, которые клялись, что видят или видели что-то странное над облаками. К месту происшествия устремились корреспонденты и фоторепортеры. Слухи росли, как снежный ком. Правительство послало военных летчиков на разведку. Паника распространилась на двести квадратных миль, а тот, кто вызвал ее, предусмотрительно смылся.

– Забавно, если не сказать больше, – заметил Моури.

– Читайте дальше.

Второй репортаж был посвящен дерзкому побегу из тюрьмы двух отъявленных убийц. Они угнали машину и успели проехать шестьсот миль, пока их не схватила полиция. На свободе они пробыли ровно четырнадцать часов.

В третьем подробно описывалась автомобильная катастрофа: трое погибли, один получил серьезные увечья и через девять часов скончался, машина полностью разбита.

Возвратив бумаги, Моури спросил:

– А я-то здесь при чем?

– Рассмотрим заметки в том порядке, в котором вы их прочитали, – начал Вулф. – Они подтверждают некое, давно известное нам, правило, хотя вы, возможно, его не знаете. Возьмем случай номер один. Этот румын не делал ничего противозаконного, абсолютно ничего – смотрел на небо и бормотал какие-то глупости. Но, тем не менее, он заставил засуетиться правительство. Да что там засуетиться! Они запрыгали, как блохи на раскаленной сковородке! Следовательно, при определенных условиях действие и реакция на него могут иметь абсолютно несопоставимые масштабы. Не делая ничего особенного, можно достичь результатов несравнимо больших, чем затрачивая значительные усилия.

– Ну, допустим. – согласился Моури.

– Теперь о сбежавших из тюрьмы. Их действия совершенно ординарны: перелезли через стену, схватили первую попавшуюся машину, гнали, как сумасшедшие, пока у них не кончился бензин, и наконец сдались полиции.

– Вулф наклонился вперед, и тон его стал многозначительным: – Но в течение четырнадцати часов в поисках было занято шесть самолетов, десять вертолетов, сто двадцать патрульных машин, бесчисленное количество телефонных линий и каналов радиосвязи, не говоря уже о полиции, депутатах, отрядах добровольцев, охотниках, следопытах, лесничих и национальных гвардейцах. Общее число участвовавших в операции в трех штатах составило двадцать семь тысяч человек.

– Фью! – присвистнул Моури, подняв брови.

– И, наконец, рассмотрим автомобильную катастрофу. Ее причина известна. Пассажир, умерший через несколько часов, перед смертью успел рассказать, что машина шла на высокой скорости и водитель не справился с управлением, потому что отмахивался от залетевшей в окно осы.

– Однажды со мной чуть не случилось то же самое.

Не обратив внимания на это замечание, Вулф продолжал:

– Вес осы – несколько граммов. Ее размеры по сравнению с человеком ничтожны, а силу можно вообще не брать во внимание. Единственное ее оружие – крошечное жало с каплей муравьиной кислоты, причем в данном случае она им даже не воспользовалась, тем не менее, убила четырех взрослых мужчин и превратила большую мощную машину в груды металлолома.

– Понимаю, – согласился Моури, – но все-таки причем здесь я?

– При том, – ответил Вулф, – что вы должны стать осой. Мы так хотим.

Откинувшись на спинку стула, Моури внимательно посмотрел на собеседника.

– Этот громила, который притащил меня сюда, был агентом Секретной службы – я видел его документы. Я нахожусь в правительственном учреждении, и вы, несомненно, чиновник высокого ранга. Но мне все же сдается, что вы сошли с ума.

– Возможно, – сухо ответил Вулф, – но я так не думаю.

– Вы хотите, чтобы я что-то сделал?

– Да.

– Что-то необычное?

– Да.

– Сопряженное с риском для жизни?

– Боюсь, что так.

– Причем бесплатно?

– Именно так.

Моури встал и потянулся за шляпой.

– Не знаю, как вы, но я пока не спятил.

– Вы спятили, – тем же бесцветным голосом сказал Вулф, – если вас устраивает перспектива быть уничтоженным сири.

Бросив шляпу, Моури снова сел.

– Что вы имеете в виду?

– Идет война.

– Кто ж этого не знает? – Он пренебрежительно махнул рукой.

– Мы воюем с Сирианской империей уже десять месяцев. Так пишут газеты. Так сообщает радио. Так трезвонят по видео. Так утверждает правительство. И я не вижу причин им не доверять.

– Если вы так доверчивы, то, возможно, проглотите и кое-что еще.

– Что же именно?

– Население Земли не склонно беспокоиться, пока война идет где-то далеко.

Правда, враг уже дважды атаковал Солнечную систему, но обе атаки были отбиты. Общественность верит в неуязвимость нашей обороны, и эта вера оправдана. Никакие силы противника не смогут сломить ее.

– Ну, так о чем же речь?..

– Войны выигрывают или проигрывают, третьего не дано. Но ведь обороняясь, мы не достигнем победы! – Неожиданно он с силой стукнул кулаком по столу, от чего ручка подлетела в воздух на два фута. – Нам нужно сделать гораздо большее! Мы должны захватить инициативу, уложить противника на обе лопатки и разделать под орех!

– Надеюсь, когда-нибудь так и произойдет...

– Может быть, – сказал Вулф. – А может быть и нет. Это зависит от многого.

– От чего же?

– Например, от того, сумеем ли мы разумно распорядиться нашими ресурсами – и в первую очередь, людьми. В том числе такими, как вы.

– А если конкретнее? – предложил Моури.

– Видите ли, в техническом отношении мы опережаем Сирианскую империю. В некоторых областях наше преимущество незначительно, в других мы намного их обогнали. Следовательно, мы способны создать лучшее оружие и более эффективные средства обороны. Но есть кое-что, о чем наша общественность не подозревает – просто потому, что никто не счел нужным ее проинформировать. Враг превосходит нас численно – на каждого землянина приходится двенадцать сири. Соответственно, они обладают количественным перевесом в вооружении в той же пропорции.

– Это точно?

– К сожалению, абсолютно точно, хотя пропаганда замалчивает подобные факты. Наш военный потенциал имеет качественное превосходство, у сири же преимущество количественное. Очень серьезная проблема; следует знать о ней и пытаться разрешить всеми возможными способами. Но мы же не можем начать плодиться, как мухи!

– Понятно. – Моури закусил нижнюю губу и задумался.

– Однако, – продолжал Вулф, – наше положение уже не выглядит столь безнадежным, если вспомнить, что один бездельник сумел вызвать переполох в правительстве, двое – на четырнадцать часов связать силы целой армии в двадцать семь тысяч человек, а крошечная оса уничтожить четверых гигантов и их огромную машину. – Он помолчал, наблюдая, какой эффект произвели его слова, и закончил: – Отсюда следует, что если подходящий человек в подходящем месте и в подходящее время нацарапает на стене пару слов, то сможет вывести из строя целую дивизию врага, будучи вооружен лишь куском мела.

– Хм-м. Вы собираетесь вести войну совершенно нетрадиционными методами...

– Это делает их еще более эффективными.

– ...и во мне хватает цинизма, чтобы воздать им должное. Такие фокусы всегда меня привлекали.

– Нам это известно, – сказал Вулф. Он взял папку со стола и перелистал страницы. – Когда вам исполнилось четырнадцать, вы были оштрафованы на сто сирианских гильдеров за то, что выразили свое мнение об одном из местных чиновников прямо на стене его дома, буквами в двадцать дюймов высотой. Ваш отец принес извинения, со ссылками на юношеское легкомыслие. Сири были оскорблены, но все же замяли дело.

– Я утверждал и продолжаю утверждать, что Разадут – продажный толстопузый лжец, – заявил Моури. Потом он уставился на папку. – Что это там у вас – моя биография?

– Да.

– Не слишком ли вы любопытны?

– Приходится. Считайте это частью платы за выживание расы.

Отложив папку, Вулф продолжал:

– Мы обладаем информацией о каждом жителе Земли. Не вдаваясь в технические детали, скажу, что мы почти мгновенно можем выяснить имена всех, имеющих вставные зубы, всех, кто носит обувь одиннадцатого размера, или всех появившихся на свет от рыжеволосых женщин. Ну и, конечно, выловить парней, которые попытаются увильнуть от призыва. Без особых хлопот мы можем выбрать любую нужную нам овцу из стада.

– И что, я и есть та самая овца?

– Это только сравнение. В нем нет ничего оскорбительного. – Его губы судорожно искривились, что означало, видимо, улыбку. – Сначала мы отобрали около шестнадцати тысяч человек, свободно владеющих несколькими сирианскими диалектами. После исключения из списка женщин и детей он сократился до девяти тысяч. Затем, шаг за шагом, мы отсеяли престарелых, немощных, слабых, ненадежных, не подходящих по темпераменту, слишком низкорослых, слишком высоких, слишком толстых, слишком худых, слишком тупых, слишком безрассудных, слишком осторожных и так далее. У нас осталось совсем немного кандидатур на роль «осы».

– Какие требования к ним предъявляются?

– Несколько; но главное – кандидат должен быть человеком невысокого роста, способным ходить чуть вывернув ноги, с ушами, плотно прилегающими к голове, и лицом сизого цвета. Другими словами, он должен выглядеть так, чтобы у сири не возникло никаких сомнений по поводу его внешности.

– Ни за что! – воскликнул Моури. – Ни за какие деньги! У меня розовая кожа, есть зубы мудрости и уши оттопыриваются!

– Лишние зубы можно вырвать. Хирурги удалят часть хряща и прилепят ваши уши и голове, не оставив никаких следов операции. Процедура безболезненная и простая, все заживет за две недели. Это мнение медиков, так что не спорьте. – Его губы снова искривились. – Что касается цвета кожи – с этим нет затруднений. Лица некоторых землян благодаря выпивке приобретают такой оттенок, который и не снился сири. Мы покрасим вас с гарантией на четыре месяца, а потом вы сможете поддерживать нужный цвет с помощью специального препарата.

– Но...

– Послушайте. Вы родились в Машаме, столице Диракты, материнской планеты, с которой началась космическая экспансия сири: ваш отец вел там торговые дела. Вы жили на Диракте до семнадцати лет, а затем вернулись на Землю. Сейчас вам двадцать шесть, ростом и телосложением вы не отличаетесь от сири, вы все еще великолепно говорите на их языке. Причем с превосходным машамским акцентом, что добавляет правдоподобия. Около пятидесяти миллионов сири отличаются таким же произношением. Мистер Моури, вы прекрасно подходите для той работы, которую мы собираемся вам поручить.

– А что, если я пошлю поручение к черту, да и вас заодно? – с любопытством спросил Моури.

– Было бы весьма жаль, – ответил Вулф холодно. – Военные времена заставляют вспомнить старую поговорку: один доброволец стоит тысячи призывников.

– Намекаете, что готовы сцапать меня по повестке? – Моури сделал раздраженный жест. – Дьявольщина! Так вот, добровольно я могу – но не терплю, когда меня заставляют что-то делать!

– Здесь об этом сообщается, – сказал Вулф, указывая на папку. – Джеймс Моури, двадцати шести лет, нрав – беспокойный, упрямый. Если загнать его в угол, способен обломать рога Сатане.

– Ну, слышу голос моего старика. Это что, он вам сказал?

– Наша служба не распространяется относительно своих источников информации.

– Хм, – Моури погрузился в мрачные размышления, затем спросил: – Предположим, я соглашусь. И что дальше?

– Мы направим вас в школу. Там в течение шести-восьми недель вы пройдете подготовку по специальному курсу, очень интенсивному и сложному. Предупреждаю, что заняты вы будете под завязку. Вас напичкают всем, что может пригодиться: оружие, взрывчатые смеси, саботаж, пропаганда, психологическая война, картография, ориентирование по компасу, маскировка, дзюдо, средства связи и еще добрая дюжина предметов. К концу обучения вы получите достаточно знаний, чтобы как следует попортить нервы противнику.

– А потом?

– Вас тайно забросят на одну планету, колонию сири, и ваша задача будет заключаться в том, чтобы доставить им максимум неприятностей.

Последовало долгое молчание. Наконец Моури произнес с некоторым сожалением:

– Однажды, когда мой отец был сильно не в духе, он сказал: «Знаешь ли, сынок, дураком ты родился, дураком и помрешь». – Он глубоко вздохнул. – Старик оказался прав. Ну что ж, я согласен.

– Мы знали, что вы примете такое решение, – невозмутимо ответил Вулф.

Они снова встретились через два дня после окончания тяжелого курса, который Моури прошел вполне удовлетворительно. Вулф приехал в школу и зашел в его комнату.

– Ну, как учеба?

– Садизм чистой воды, – ответил Моури, скорчив гримасу. – Эти два месяца меня доконали: я чувствую себя разбитым душевно и телесно.

– У вас будет масса времени для отдыха – путешествие продлится довольно долго. Вы отправляетесь в четверг.

– Куда?

– К сожалению, не могу сейчас сообщить. Вашему пилоту вручен запечатанный пакет с указанием пункта высадки, который он вскроет на заключительном этапе пути. В случае аварии или нападения противника он должен уничтожить пакет.

– Какова же вероятность, что нас могут перехватить?

– Небольшая. Ваш корабль намного быстрее, чем любой вражеский эсминец. Тем не менее, мы должны застраховаться от случайностей. Вы знаете о зловещей репутации сирийской службы безопасности – Кайтемпи. У них и гранитный валун исповедуется во всех смертных грехах. Если Кайтемпи схватит вас по дороге и сири узнают, куда вы направляетесь, они предпримут контрмеры и попытаются обезвредить вашего преемника прямо по прибытии на место.

– Моего преемника? По этому поводу у меня есть вопрос, на который, кажется, никто не собирается отвечать. Может быть, хоть вы меня просветите?

– Что за вопрос? – спросил Вулф.

– Я буду на той планете один, или вы посылаете туда и других агентов? Если там работают наши люди, то как я могу с ними связаться?

– Считайте, что вы – единственный землянин на многие миллионы миль,

– ответил Вулф. – У вас не будет контактов. Но зато вы не сможете никого выдать Кайтемпи. Что бы они ни делали, им не выжать из вас информацию, которой у вас нет. Возможно, вы изойдете кровавым потом, охрипнете от воплей и наврете им с три короба, лишь бы от вас отстали, но ничего полезного из вас не выжмут.

– Я предпочел бы, чтобы вы не смаковали эту перспективу, – заметил Моури с укором. – И все же я хотел бы знать, будут ли подобные мне «осы» действовать на других планетах сири. Это послужило бы мне утешением и моральной поддержкой.

– Но вы же не единственный курсант, проходивший тут обучение, не правда ли? Другие занимались здесь не только для того, чтобы составить вам компанию. – Вулф протянул руку. – Удачной охоты! Надеюсь, вы станете проклятием для наших врагов – и благополучно вернетесь назад.

– Я вернусь, хотя, кажется, это будет нелегко, – заверил его Моури, а про себя подумал: «Кажется, это вообще нереально...»

Рано или поздно Кайтемпи нападет на его след. И замечание Вулфа о «вашем преемнике» говорило, что потери учтены и запланированы – как и меры по замене тех, кому не повезло.

Тут ему пришло в голову, что он сам тоже является чьим-то преемником. Может быть, там, куда он направляется, какой-нибудь бедняга уже потел и вопил

под пытками в застенках Кайтемпи. В таком случае служба безопасности сири уже ожидает его прибытия. Возможно, именно сейчас радары обшаривают небо, а Кайтемпи облизывается в предвкушении следующей жертвы, остолопа по имени Моури, двадцати шести лет, беспокойного и упрямого.

Ну что ж, он добровольно дал согласие, пути назад нет. Похоже, ему предстоит стать героем именно потому, что у него не хватило смелости отпраздновать труса. Размышляя на эту тему, он постепенно пришел к философскому смирению и предавался ему несколько недель, пока не настал срок и капитан корвета не пригласил его в центральный салон.

– Хорошо спали?

– Только не последние дни, – признался Моури. – Двигатели грохотали сильнее, чем обычно. Ваш корабль так сотрясался, что вместо того, чтобы спать, приходилось изобретать новые ругательства.

Капитан криво усмехнулся.

– Вы преуспели бы в этом больше, если бы знали, что за нами гнались четыре сирианских эсминца. Мы вышли на предельную скорость, и они отстали.

– А вы уверены, что сири и теперь не следят за нами?

– Они исчезли из поля видимости наших детекторов – значит, нас они не видят. Их приборы менее совершенны.

– Слава Богу, – сказал Моури.

– Я вскрыл пакет. Мы будем на месте через сорок восемь часов.

– Где?

– Планета называется Джеймек. Слыхали?

– Да, ее изредка упоминали в сирианских программах новостей. Это один из пограничных миров их империи, если я не ошибаюсь, с небольшим населением и еще не освоенный полностью. Я никогда не встречал жителей Джеймса и почти ничего о нем не знаю. – Он почувствовал раздражение. – Вся эта секретность, конечно, замечательная штука, но гораздо легче освоиться на планете, получив о ней информацию заранее. Мое положение и так чертовски опасно, а отсутствие нужных данных может стоить мне головы. Возможно, это мелочь, но я почему-то дорожу своей головой.

– Вы получите всю информацию о Джеймеке, которая у нас есть. Вместе с приказом в пакет были вложены эти материалы, – капитан бросил на стол пачку бумаг, несколько карт и больших фотографий. Затем он указал на аппарат, стоявший у стены. – Это – стереоскопический проектор. Воспользуйтесь им, чтобы подыскать подходящее место посадки. Выбор целиком за вами. Мое дело – высадить вас в целостности и сохранности в выбранной вами точке и незаметно убраться.

– Сколько у меня времени?

– Вы должны указать нужный пункт не позднее, чем через сорок часов.

– А выгружаться? У меня есть кое-какое оборудование...

– На это дается двадцать минут, и ни секундой больше. Мне очень жаль, но ничего не поделаешь. Если мы приземлимся в штатном режиме посадки –

останется заметный след, который вскоре обнаружат с воздуха, и тогда за вами начнется охота. Придется зависнуть на антигравах. А они берут слишком много энергии, поэтому стоит поторопиться. Двадцать минут – самое большее, что мы можем себе позволить.

– Хорошо, – Моури пожал плечами в знак согласия, взял бумаги и начал читать. Капитан вышел.

Джеймек, девяносто четвертая планета, колонизированная Сирианской империей. Масса – семь восьмых массы Земли, но площадь суши почти в два раза меньше земной; остальное пространство занимает океан. Первые поселенцы появились в этом мире два с половиной столетия назад; в настоящее время население насчитывает около восьмидесяти миллионов. Несмотря на существование городов, железных дорог, космодромов и всех остальных признаков цивилизации, большая часть планеты пока не освоена и пребывает в первозданном состоянии.

Моури провел немало времени у стереоскопа, тщательно изучая поверхность Джеймека, не переставая при этом удивляться качеству и величине снимков. Кому-то пришлось здорово рисковать, занимаясь аэрофотосъемкой планеты с такого близкого расстояния. Во всякой войне на одного прославленного и увешанного орденами героя приходится сотня неизвестных, но не менее мужественных людей.

Через сорок часов он сделал выбор. Принять решение было нелегко. Любое место имело свои недостатки, еще раз подтверждая тривиальную истину, что идеальных укрытий не существует. Одно, великолепно расположенное со стратегической точки зрения, казалось легкодоступным для любопытных, другое было превосходно замаскировано, но слишком удалено от промышленных центров.

Капитан шагнул в салон со словами:

– Надеюсь, вы выбрали место на ночной стороне, иначе придется кружить около планеты до наступления темноты, а это нежелательно. В таких случаях лучше всего – совершить посадку и сразу же взлететь – прежде, чем они успеют засечь корабль и поднять тревогу.

– Здесь, – Моури показал точку на фотоснимке. – Правда, этот пункт гораздо дальше от дороги, чем мне бы хотелось – около двадцати миль, и все по девственному лесу. Каждый раз, когда мне что-нибудь понадобится, придется целый день добираться до тайника. Но с другой стороны, вряд ли туда кто-нибудь сунется, а это самое главное.

Вставив фотографию в проектор, капитан включил его и, сосредоточенно нахмурившись, стал разглядывать снимок.

– Вот тут, над обрывом?

– Нет, у подножия скалы. Видите – рядом с выходом скальной породы. Кстати, что это такое – здесь, чуть-чуть к северу?

Капитан взглянул еще раз.

– Трудно сказать наверняка; похоже на пещеры. – Он отошел от простора и взял микрофон внутренней связи: – Хэм, зайти, пожалуйста, в центральный салон.

Хэмертон, главный штурман, появился через минуту. Внимательно посмотрев на фотографию, он нашел отмеченное место и сравнил снимок с картой полушарий Джеймека. Затем он сделал быстрые вычисления.

– Мы успеем приземлиться тут в ночное время. Однако придется поспешить.

– Вы уверены?

– Если направиться прямо в эту точку, то останется даже пара часов в запасе. Но это непозволительный риск – их радарная сеть определит место высадки с точностью до полумили. Поэтому придется сначала опуститься к самой поверхности за нижнюю границу зоны действия радаров и двигаться на небольшой высоте. Отвлекающий маневр займет некоторое время, но если повезет, успеем завершить высадку за полчаса до восхода солнца.

– Давайте отправимся прямо на место, – предложил Моури. – Это уменьшит ваш риск, а меня, возможно, и не зацапают. Ведь я все равно рискую, не так ли?

– Чуть, – отрезал капитан. – Мы вошли в зону видимости их радаров. Они уже запрашивают нас, но мы не можем ответить, не зная кода. Очень скоро до сири дойдет, кто мы такие. Тогда они выпустят целую тучу самонаводящихся ракет, но, как обычно, слишком поздно. А как только мы опустимся ниже границы действия их радаров, они начнут поиск в радиусе пятисот миль вокруг точки нашего неожиданного исчезновения. – Капитан хмуро посмотрел на Моури. – И ты, приятель, будешь в самом центре этого круга.

– Похоже, вы в этом деле собаку съели, – заметил Моури, надеясь, что его собеседник попадет на удочку и кое-что прояснит. Не обратив внимания на приманку, капитан продолжал:

– Пока мы летим чуть выше верхушек деревьев, сири нас не засекут. Поэтому мы нырнем вниз за пару тысяч миль от места высадки и будем двигаться зигзагами. Моя задача – высадить вас в указанной точке так, чтобы об этом никто не узнал. Если мне не удастся ее выполнить, экспедиция теряет всякий смысл. Положитесь на меня. Идет?

– Конечно, – смущенно согласился Моури. – Как скажете.

Офицеры вышли, и он глубоко задумался. Внезапно прозвучал сигнал тревоги, Моури успел схватиться за поручни и висел на них, пока корабль бросало из стороны в сторону. Моури ничего не видел и не слышал, кроме глухого гула двигателей, но его воображение рисовало зловещий пучок инверсионных следов, которые оставляли несущиеся вверх ракеты, пятьдесят сверкающих стрел, устремившихся на запах чужого металла.

Сигнал тревоги звенел еще одиннадцать раз – и каждый раз он сопровождался воздушной акробатикой. Теперь можно было услышать слабый свист; это означало, что они вошли в верхние слои атмосферы. Корабль опускался, и свист постепенно перешел в негромкое гудение. Поверхность планеты приближалась.

Моури посмотрел на свои руки. Пальцы не дрожали, но ладони покрывала испарина, в позвоночнике покалывало, колени подкашивались, желудок сводили спазмы. Не дай Бог, стошнит при посадке на виду у всей команды. Хорош же он будет в таком случае...

Где-то далеко, на другом краю черной космической пустыни, находилась

некая планета, и жители ее здорово наловчились использовать компьютерный банк данных, а поэтому придется ему теперь засунуть голову в львиную пасть. Про себя он проклял компьютеры, тех, кто придумал их, и тех, кто ими пользовался. Выругавшись, он почувствовал себя лучше, но дрожь в коленях осталась.

Теперь, когда цель была так близка, философское восприятие ситуации, поддерживающее его до сих пор, улетучилось. Не находя себе места, он бесцельно слонялся по салону, иногда хватаясь за поручни, и от всего сердца мечтал послать эту затею ж черту.

Когда болтанка наконец прекратилась и корабль неподвижно замер на антигравях над заданной точкой, Моури начал испытывать фаталистическое нетерпение человека, обреченного врачами на сложную операцию, избежать которой невозможно. По нейлоновой лестнице он быстро соскользнул вниз, на землю. За ним последовали двенадцать членов экипажа корвета, которые тоже очень спешили, но по другой причине. Они работали как сумасшедшие, поминутно озабоченно поглядывая на небо.

Глава 2

Скала была частью высокого плато, вздымавшегося на четыреста футов над лесом. У ее подножья бурлил извилистый ручеек, окаймленный валунами и мелкой галькой. В скале неподалеку от берега виднелось отверстие, служившее входом в узкую глубокую пещеру.

В нее и перенесли тридцать дюральных цилиндров, выгруженных из кормового отсека корабля, аккуратно составив их у дальней стены крышками вверх – так, чтобы Моури мог легко разобрать оттиснутые на них номера. Закончив работу, двенадцать членов экипажа с обезьяньим проворством вскарабкались вверх по лестнице, которую тут же втянули за собой. Офицер помахал Моури рукой из открытого люка и крикнул на прощание.

– Задай им перцу, сынок!

Дюзы корвета фыркнули пламенем, и поток раскаленного воздуха взъерошил вершины деревьев на целую милю вокруг. Это был дополнительный, но неизбежный риск. Листья могли обуглиться, завянуть или изменить цвет – для патрульного самолета это послужит гигантской стрелкой, указывающей на место посадки. Корабль удалялся, быстро набирая скорость; он двигался над самой землей – сначала прямо, потом, следуя за изгибом долины, повернул ю северу.

Провожая его глазами, Моури догадывался, что корвет еще не скоро выйдет в открытый космос. Ради его безопасности капитан пойдет на дополнительный риск – корвет увидят в небе над несколькими городами и особо важными военными объектами Джеймека. Если повезет, с помощью этой тактики им удастся убедить противника в том, что земной корабль занимается аэрофотосъемкой и не собирается высаживать десант.

Клюнут ли сири на подобный трюк, станет ясно днем, а сейчас только занимался рассвет. Если начнется прочесывание местности с воздуха, значит,

несмотря на все ухищрения, у врага возникли подозрения. Впрочем, охота может начаться и в другом месте, вне поля его зрения и слуха.

Взглянув на темневший за ручьем лес, Моури решил, что пробираться по таким дебрям в полумраке не стоит. Он сел на валун и, ожидая восхода солнца, бросил взгляд в ту сторону, куда улетел корабль. Пожалуй, даже за мешок бриллиантов он не согласился бы оказаться сейчас на месте капитана корвета. Но, возможно, сам капитан не захотел бы поменяться с ним и за два мешка.

Через час он забрался в пещеру, открыл контейнер и вынул из него изрядно потертый кожаный чемодан, в сирианском происхождении которого не усомнился бы ни один эксперт. И неудивительно – ведь это был его собственный чемодан, купленный в Машаме на Диракте много лет назад.

Легко перепрыгнув через ручей, Моури вошел в лес и направился на запад, время от времени проверяя направление по карманному компасу. Против ожидания лес оказался не таким уж непроходимым и идти было сравнительно легко. Огромные деревья росли близко друг к другу, их кроны переплетались, образуя плотный навес, в просветах которого лишь изредка проглядывали клочки неба. К счастью, подлесок был редким. Он быстро шагал вперед, стараясь не спотыкаться о выступающие корни. Путешествие почти не утомляло его; вскоре Моури сообразил, что на Джеймеке его вес стал фунтов на двадцать меньше – и в такой же пропорции уменьшился вес его багажа.

Одолев двадцать миль и лишь раз устроив себе привал, чтобы перекусить, он выбрался к дороге, за два часа до захода солнца. Поставив чемодан за деревом у обочины, он уселся на него и наслаждался пятнадцатиминутным отдыхом, не спуская глаз с дороги. Пока он не заметил ни одного разведывательного корабля, бороздящего небо в поисках десанта с Земли. На дороге тоже было тихо; пока он отдыхал, никто не проехал ни в том, ни в другом направлении.

Передохнув, Моури привел себя в порядок, стряхнул грязь и листья с одежды, повязал свой шейный платок типичным сирианским узлом и, достав зеркальце, придирчиво оглядел себя с ног до головы. Его костюм, точная копия сирианского, не вызовет никаких подозрений; в этом он не сомневался. Сизая физиономия, приплюснутые уши и машамский акцент тоже были вполне убедительны. Но главная его защита – предубеждение, коренящееся в сознании любого сири; никто не заподозрит в нем переодетого землянина, просто потому, что это покажется слишком нелепым.

Удостоверившись, что он вошел в роль на все сто процентов, Моури выбрался из-под навеса густых ветвей, уверенно перешел дорогу и с другой стороны внимательно осмотрел место, где он вышел из леса, стараясь тщательно его запомнить. Лес надежно скрывал убежище, и одному Богу было ведомо, когда ему придется в спешке нырнуть сюда.

В пятидесяти ярдах на обочине дороги возвышалось огромное дерево, его ствол и толстые корявые ветви причудливо обвивала молодая поросль. Моури постарался в точности запечатлеть его в памяти, а для большей верности вывернул из земли плоский камень и установил вертикально рядом со стволом.

Получилось похоже на одинокое надгробие. Он с тоской посмотрел на камень

и легко представил высеченную на нем эпитафию: «Джеймс Моури – уроженец Земли, двадцати шести лет, беспокойный и упрямый. Задушен Кайтемпи». Возможно, это было предзнаменованием, знаком того, что он подписал свой смертный приговор. Но Моури не верил в предзнаменования, и это его утешило.

Стараясь не думать о Кайтемпи, он двинулся вдоль дороги; теперь походка Моури намекала, что ноги его обладают должной степенью кривизны. С этого момента ему необходимо стать сири – физически и психически. Он – Шир Агаван, лесничий, сотрудник Джеймекского Министерства Природных Ресурсов, государственный чиновник, освобожденный от воинской обязанности. Впрочем, он мог изготовить соответствующие документы и стать кем угодно.

Моури шел быстро и легко; солнце тем временем начало клониться к горизонту. Он собирался поймать попутную машину, но хотел сделать это как можно дальше от места, где вышел из леса, чтобы ненароком не привлечь к нему внимания. Как все разумные расы, сириане имели языки. Причем одни их распускали, а другие держали за зубами. А были и такие типы с невыразительными физиономиями, которым хорошо платили за то, что они внимательно слушали. И эти мрачные личности, сложив два и два, неизменно получали четыре. Сейчас Моури угрожали не ружья и орудия пыток, а слишком болтливые языки и внимательные уши.

Он успел пройти больше мили, прежде чем навстречу ему один за другим проехали два динокара и газовый грузовик. Он прошагал еще милю, прежде чем его догнала попутная машина. Это был еще один газовый грузовик, огромное, грязное, дряхлое чудовище, двигавшееся с грохотом, лязгом и фырканьем.

Встав на обочине, он поднял руку и напустил на себя ту высокомерную важность, которая производила безотказное впечатление на сирианских мелких сошек. Грузовик резко затормозил, окутав его облаком выхлопных газов. В кузове лежало тонн двадцать съедобных корнеплодов. Из кабины на него уставились два сирианца. Работяги – в обтрепанной мешковатой одежде, покрытой грязными пятнами.

– Я – государственный служащий, – важно сообщил Моури, окинув бедняг презрительным взглядом. – Мне нужно в город.

Сидевший с его стороны открыл дверь и подвинулся к водителю, освободив место. Моури взобрался в кабину и втиснулся на деревянное сиденье; которое было слишком узким для троих. Свой чемодан он поставил на колени. Грузовик взревел и двинулся вперед; сидевший посередине сири тупо уставился на чемодан.

– Похоже, вы – машамец, – осмелился начать разговор водитель.

– Правильно. Кажется, мы не можем рта раскрыть, не выдав себя.

– Никогда не был в Машаме, – продолжал водитель. Он говорил с певучим акцентом, характерным для уроженца Джеймека. – Хотел бы я прогуляться туда когда-нибудь. Говорят, замечательное место. – Он бросил взгляд на своего соседа. – Верно, Снат?

– Ага, – согласился Снат, все еще пожирая глазами чемодан.

– К тому же в Машаме, да и вообще на Диракте, гораздо безопаснее, чем здесь.

Может быть, мне там больше бы повезло. День сегодня выдался плохой, просто отвратительный. Правда, Снат?

– Ага, – подтвердил Снат.

– Почему? – спросил Моури.

– Этот соко, этот проклятый грузовик три раза ломался с утра и дважды застрял в грязи. Последний раз нам пришлось разгрузить его, чтобы вытащить, а затем загрузить снова. Нелегкая работа с таким грузом. Было чертовски тяжело. – Он сплюнул в окно. – Верно, Снат?

– Ага, – буркнул Снат.

– Случается, – сказал Моури сочувственным тоном.

– Ну, остальное вы знаете, – сказал водитель сердито. – Плохой сегодня был день.

– Что знаю? – осторожно спросил Моури.

– Да о новостях, будь они неладны!

– Я с самого утра в лесу. Там не узнаешь новостей.

– В десять утра по радио сообщили об увеличении военного налога. Как будто мы и так мало платим! Затем в двенадцать часов передали, что корабль спакумов шпионит в нашем небе. Им пришлось признать это, ведь мы не глухие, чтобы не слышать, как палят пушки, и не слепые, чтобы не видеть, куда они стреляют. – Он подтолкнул своего приятеля. – Правда, Снат?

– Ага, – промямлил Снат.

– Вы только представьте, вонючий спакумский корабль шныряет прямо над крышами! Вы понимаете, что это значит? Они определяют мишени для бомбардировок. Ну, я думаю, им не удалось улизнуть. Надеюсь, каждый спакум, пролезший сюда, нарвется на наши заграждения.

– Я тоже, – сказал Моури, усиленно изображая патриотизм. – А ты, Снат? – Он ткнул своего соседа под ребро.

– Ага! – Снат и на этот раз не имел возражений.

Итак, водитель продолжал жаловаться на неудачи и тяжелую жизнь, на тупоумие инженеров, проектирующих грузовики, на тяготы и дороговизну войны, а также не переставал удивляться наглости спакумов, появившихся над Джеймеком среди бела дня. Все это время Снат, стиснутый меж двух попутчиков, не сводил глаз с кожаного чемодана Моури и бурчал свои односложные ответы, когда его, что называется, тянули за язык.

– Можете остановиться здесь, – объявил Моури, когда они миновали городские пригороды и пересекли широкий проспект.

Грузовик затормозил и он спрыгнул, пробормотав на прощание:

– Долгих вам лет.

– Долгих лет.

Моури стоял на тротуаре и задумчиво наблюдал за громыхающей машиной, пока она не скрылась из вида. Ну что ж, он прошел первое небольшое испытание и не вызвал никаких подозрений. Ни водителю, ни Снату и в голову не пришло,

что он и есть тот самый «спакум» – «клоп». Это уничижительное прозвище землян не вызывало у Моури никаких отрицательных эмоций. С чего бы? Сейчас он был Шир Агаваном, стопроцентным сири, уроженцем Машамы.

Моури огляделся вокруг. Он прибыл в Пертейн, столицу Джеймека, город с населением, превышающим два миллиона человек. Крупнейший город планеты, центр гражданского и военного управления Джеймека, ядро вражеского укрепленного района. Именно поэтому потенциально он был самым опасным местом для деятельности разведчика – и в то же время самым многообещающим.

Достигнув центра города, Моури бродил там до сумерек, изучая расположение и внешний вид нескольких маленьких отелей. Наконец он выбрал один, на боковой улочке, что отходила от основной магистрали. Пожалуй, эта тихая, скромная на вид гостиница сгодится на первое время, пока он не найдет лучшего пристанища. Однако Моури не торопился требовать номер.

Сначала он хотел удостовериться, что с его документами все в порядке: если что-нибудь окажется не так, он сунет голову в петлю. Его снабдили микроскопически точными копиями документов, имевших хождение в Сирианской Империи девять или десять месяцев назад. Возможно, за это время произошли какие-то изменения и его бумаги уже недействительны.

Моури не хотел, чтобы это произошло в гостинице, за закрытыми дверями, словно в мышеловке. Улица казалась ему менее опасной. В крайнем случае он сможет бросить чемодан, а заодно в свою нелепую походку, и дунуть куда-нибудь, словно дьявол, преследующий девственницу. Итак, он спокойно прошел мимо отеля, исследовал близлежащие улицы и наконец наткнулся на полицейского. Быстро оглядевшись вокруг и наметив путь возможного отступления, он подошел и представителю местной власти.

– Простите, офицер, я здесь впервые, – сказал он, старательно изображая туповатого простака. – Я прилетел с Диракты несколько дней назад.

– А, так вы заблудились?

– Нет, офицер. Право, мне очень неловко. – Он пошарил в кармане, вытащил удостоверение личности и протянул его полицейскому. Мышцы на ногах у Моури напряглись; в любую минуту он был готов дать деру. – Понимаете, приятель из Пертейна сказал, что мое удостоверение недействительно. Теперь, говорят, требуют фотографию в голом виде. Но он, знаете ли, такой шутник – постоянно меня разыгрывает. Не знаю, верить ли ему.

Нахмурившись, полицейский внимательно изучил лицевую сторону плотной карточки, затем перевернул ее и не менее тщательно обследовал оборотную. Затем он вернул удостоверение Моури.

– Ваши документы в полном порядке. Передайте своему приятелю, что такого дурацкого правила не существует. И лучше бы ему поменьше болтать на эту тему. – Полицейский нахмурился еще сильнее. – Если он будет продолжать в том же духе, то скоро пожалеет. Кайтемпи не церемонится с теми, кто распространяет лживые слухи.

– Да, офицер, – сказал Моури, притворяясь испуганным. – Я скажу ему, чтобы он не валял дурака. Долгих лет.

– Долгих лет, – сухо ответил полицейский.

Ура! Он распахнул дверь отеля с таким видом, словно был его владельцем, и с достоинством обратился к портье:

– Мне нужна комната с ванной на десять дней.

– Ваши документы.

Он подал карточку.

Портье списал его фамилию, вернул документ и протянул Моури регистрационную книгу.

– Распишитесь здесь, – он указал на строчку.

Первое, что сделал Моури, очутившись в номере – с удовольствием вымылся. Затем обдумал ситуацию. Итак, он забронировал номер на десять дней, он сделал это для отвода глаз; в его планы вовсе не входило так долго оставаться на одном месте. Если порядки Империи действуют на Джеймеке, то еще до конца недели его судьба могла оказаться в руках какого-нибудь любознательного агента, регулярно проверяющего регистрационную книгу; он знал, что такие типы любят задавать коварные вопросы. Конечно, у него на все был готов ответ, но осе, забравшейся в чужой улей, не стоит привлекать внимания хозяев.

Он прибыл в Пертейн слишком поздно, чтобы в тот же день найти идеальное убежище. Завтра он приступит и поискам квартиры – лучше всего в районе, обитатели которого не имеют привычки совать нос в чужие дела. А сегодня он может посвятить вечерние часы осмотру города, изучению местности и прикидке своих будущих действий.

Перед тем, как выйти из гостиницы, он хорошо закусил. Для уроженца Земли пища показалась бы довольно странной и почти несъедобной. Но Моури поглощал ее с аппетитом, вспоминая о детстве. Покончив с ужином, он подумал, что здесь и самый опытный разведчик мог бы провалиться. Сирианская пища вызвала бы у него приступ тошноты.

Оставшуюся часть вечера он знакомился со столицей Джеймека, причем не столь поверхностно, как могло показаться со стороны. Он бродил по городу с напускной беззаботностью, запоминая все, что представлялось ему интересным и полезным. Но главная задача Моури заключалась в анализе общественного мнения и состояния умов различных групп населения.

В любом обществе, вступившем в войну, власть правительства – сильна она или нет – все же не абсолютна. В любой войне, насколько праведными ни казались бы ее цели, нельзя полностью мобилизовать общество на их достижение. Никогда в истории не велось еще военных действий, в которых высшее командование было едино, а рядовые сплотились, все как один, под его руководством.

Всегда существует недовольное меньшинство, которое выступает против войны по самым разнообразным причинам – таким, как эгоистическое стремление спасти свою жизнь, страх перед страданиями и болью; философское или моральное отрицание насилия; недоверие правительству; нежелание играть второстепенные роли; неуверенность в победе и боязнь поражения; психологическое неприятие ситуаций, когда на тебя могут орать по любому

поводу, и еще по тысяче и одной причине.

Ни одна политическая или военная диктатура не достигла стопроцентного успеха в выявлении и подавлении недовольных, которые обычно прячутся за стеной молчания и ждут своего часа. Итак, по теории вероятности, часть населения Джеймека должна иметь подобные настроения. К тому же кроме пацифистов и псевдопацифистов существуют преступные элементы, чья жизненная философия сводится к поискам легкой наживы и которые всеми силами пытаются избежать таких неприятных вещей, как массовые игрища на военном плацу.

«Оса» вполне может использовать всех тех, кто равнодушен к звукам боевой трубы и не желает маршировать под дробь барабанов. Даже если нельзя непосредственно обнаружить и использовать этих людей, важен сам факт их существования. Но сначала надо убедиться, что среди населения Джеймека действительно есть недовольные.

К полуночи Моури вернулся в гостиницу, уверенный, что в Пертейне имеется достаточное количество козлов отпущения. В автобусах и барах он перебросился парой фраз с тремя-четырьмя десятками жителей и подслушал обрывки разговоров еще сотни человек.

Их высказывания казались весьма патриотичными, и ни одно слово нельзя было толковать как прямое предательство или подрывную деятельность. Сильный, глубоко укоренившийся ужас перед Кайтемпи заставлял недовольных придержать языки; никто не жаждал привлечь к себе внимание этой организации. Но в речах многих можно было уловить легкий, почти незаметный оттенок крамолы. Когда два таких человека вступали в разговор, заговорщицкий вид выдавал их с головой, любой соглядатай распознал бы их в толпе с пятидесяти метров; однако их тон, жесты и полупафосы не представишь трибуналу в качестве состава преступления.

Да, все они – недовольные, алчные, самовлюбленные эгоисты, трусы и преступники – все они могут быть использованы в целях землян. Если не хватает собственных сил, следует воспользоваться слабостями противника.

Забравшись в постель и мысленно перебирая услышанное в этот вечер, Моури зачислил всех этих инакомыслящих в ряды мифической подпольной организации под названием Дирак Ангестун Гесепт – Партия Свободы Сириуса. Затем он назначил себя президентом ДАГ, ее секретарем, казначеем и исполнительным директором в планетарном секторе Джеймека. То, что члены партии понятия не имели о ее существовании и не участвовали в выборах президента, его ничуть не смущало.

Моури также абсолютно не беспокоило их нежелание своевременно уплачивать взносы в виде собственных голов, которые, рано или поздно, начнет собирать Кайтемпи. Если ему удастся заставить одних сири отслеживать и душить других, а те, в свою очередь, будут тратить энергию только на то, чтобы скрываться и отстреливать душителей, на долю представителей далекой земной цивилизации останется меньше грязной работы.

С этой отрадной мыслью Джеймс Моури, он же Шир Агаван, заснул. Его

дыхание было слишком медленным и ритмичным для сири, всхрапы – слишком басистыми, и вместо того, чтобы спать на животе, он растянулся на спине. Но в запертой комнате никто не мог увидеть беззащитного землянина, спавшего глубоким сном.

Когда один человек вынужден заменять целую армию, волей-неволей приходится быстро передвигаться, использовать любой шанс и не тратить зря времени. Моури нужно было обследовать город и подыскать себе убежище получше. Но чтобы сделать первые ходы в игре, ему все равно пришлось бы исходить город вдоль и поперек. Поэтому он решил объединить обе задачи.

Моури открыл чемодан, воспользовавшись специальным ключом с изолирующей прокладкой. Он прекрасно знал, как надо обращаться с чемоданом, и все же тонкая струйка пота скатилась у него по спине. Замок, таивший смертельную опасность, выглядел абсолютно невинно. Но Моури не мог отделаться от ощущения, что однажды изолирующий пластик сотрется и ключ сыграет роль металлического запала. В таком случае взрыв уничтожит все в радиусе ста ярдов.

Кроме заминированного замка в чемодане находилось с десяток небольших свертков и изрядное количество образцов земного полиграфического искусства в виде денег и листовок с клейким слоем. Денег было очень много. Если исчислять его состояние в сирианских гильдерах, он был миллионером.

Моури извлек пачку листовок – не слишком большую, но вполне достаточную, чтобы загрузить его работой на целый день. Затем, опять обливаясь потом, он осторожно закрыл чемодан.

Постоянная возня с взрывным устройством, которое в любой момент может разнести тебя в клочья, – не очень-то приятное занятие, однако это дает определенные гарантии безопасности. Если какой-нибудь ретивый сыщик вздумает обыскать комнату и проверить содержимое чемодана, все улики будут уничтожены. К тому же взрыв вызовет такой переполох, что владельцу опасного багажа все станет ясно за три квартала от дома.

Покинув отель, Моури сел в двухъярусный автобус, пересекавший город из конца в конец, и прилепил первую листовку к заднему стеклу верхнего салона, оказавшегося пустым. Он вышел на следующей остановке, с удовлетворением наблюдая, как десяток пассажиров садится в автобус. Примерно половина из них поднялась наверх.

Текст листовки был набран крупными, отчетливыми буквами: «Война приносит богатство избранным, несчастье – большинству. Придет время – и Дирак Ангестун Гесепт отомстит разжиревшим негодьям и утешит обездоленных».

В этот день подобный призыв подействует сильнее, чем месяц назад. Моури повезло – его прибытие совпало с увеличением военного налога. Похоже, джеймекцы достаточно накалены, чтобы не сорвать листовку в порыве патриотического негодования. Возможно, они расскажут знакомым о появлении загадочной организации, бросающей вызов правительству, военным властям и Кайтемпи. При пересказе новость обрстет дополнительными подробностями,

словно снежный ком. Подобные слухи имеют свойство распространяться очень быстро.

Через пять с половиной часов Моури избавился от восьмидесяти листовок, ухитряясь оставаться незамеченным. Несколько раз он рисковал и едва не попался, но ему везло. Пятьдесят шестая листовка доставила ему особенное удовольствие.

Помогла суматоха, вызванная столкновением двух грузовиков. Водители затеяли злобную перебранку, их окружила толпа зевак. Тем временем Моури шлепнул пятьдесят шестую листовку прямо в центр витрины магазина

– в тот момент, когда разгоряченные зрители прижали его к стеклу. Сделав свое дело, он затесался в толпу и был уже далеко, когда кто-то заметил новое украшение витрины. Позабыв про аварию, люди повернулись к прозрачному стеклу, на котором четко выделялся белый бумажный прямоугольник. Моури стоял в задних рядах.

Обнаруживший листовку тощий пучеглазый сири ткнул в нее пальцем и, запинаясь, пробормотал:

– Вы только посмотрите! Да они чокнулись в этом магазине! Кайтемпи их всех упрячет за решетку!

Моури продвинулся немного вперед, чтобы лучше видеть, и стал читать листовку вслух:

– «...Те, кто сегодня открыто призывают с трибун к продолжению войны, завтра взойдут на эшафоты и будут в слезах молить о пощаде. Дирак Ангестун Гесепт».

Он нарочито нахмурился:

– Вряд ли это сделал кто-то из магазина. Они бы не посмели.

– Н-но кто-то в-все-таки осмелился, – резонно заметил пучеглазый.

– Да, – Моури подозрительно посмотрел на него; – Ты заметил первый. Так, может быть, это ты?

– Я? – пучеглазый полиловел, что соответствовало смертельной бледности. – Я ее и не касался. Вы что, д-думаете, я спятил?

– Тем не менее, кто-то же сделал это!

– Это не я, – взволнованно заявил пучеглазый; он выглядел очень испуганным. – Какой-то придурок...

Другой сири, помоложе и побойчее, прервал пучеглазого:

– Нет, на психа не похоже. Тут кое-что посерьезнее!

– С чего ты взял? – казалось, глаза у тощего сейчас выкатятся из орбит.

– Если бы у парня поехала крыша, он, скорей всего, просто писал бы на стенах. Дураки так и делают. А это, – он кивнул в сторону витрины,

– напечатано в типографии. Кто-то здорово рисковал головой, чтобы прилепить здесь листовку. Я уверен, что за ловкачом стоит подпольная организация.

– Тут так и написано, – перебил его чей-то голос, – Партия Свободы Сириуса.

– Никогда о такой не слышал, – заметил кто-то.

– Вот и услышал теперь, верно? – заметил Моури.

– Н-нужно что-то д-делать, – заявил пучеглазый, бестолково размахивая руками.

Принимать меры входило в обязанности полицейского. Страж порядка, вообразивший, что произошло убийство, уже проталкивался к витрине сквозь толпу. Он посмотрел на тротуар, разыскивая тело, потом нагнулся и стал шарить по асфальту – очевидно, думая, что покойник оказался невидимым. Ничего не обнаружив, полицейский выпрямился, обвел взглядом собравшихся и рявкнул:

– Ну, в чем дело?

Пучеглазый снова ткнул пальцем – на этот раз с таким видом, словно ему был вручен патент на изобретение:

– Взгляните, офицер, что тут наклеплено на витрине.

Полицейский взглянул – и увидел. Он, по крайней мере, дважды прочитал листовку, причем лицо его из сизого стало фиолетовым, а потом багровым. Покончив с чтением, достойный страж порядка повернулся к толпе:

– Кто это сделал?

Никто не знал.

– У всех вас есть глаза – вы что, внезапно ослепли?

Очевидно, дело обстояло именно так.

– Кто заметил первым?

– Я, – сказал пучеглазый гордо.

– Но ты не видел, кто это наклеил?

– Нет.

Полицейский выставил вперед подбородок:

– Ты уверен?

– Да, офицер, – выдавил пучеглазый, начиная нервничать. – Тут случилась небольшая авария, и мы все смотрели, как два в-в-во... – от страха он начал заикаться сильнее и уже не смог продолжить фразу.

Отмахнувшись от пучеглазого словно от назойливой мухи, полицейский обратился к толпе; голос его звучал угрожающе:

– Тот, кто будет уличен в сокрытии личности преступника, разделит с ним вину и получит такое же наказание.

Стоявшие в первых рядах отступили на несколько шагов, а те, кто находился подальше, сразу же вспомнили о своих делах и поспешили удалиться. Лишь около тридцати самых любопытных – и Моури в их числе – не сдвинулись с места.

– Может быть, в магазине что-нибудь видели? – скромно предположил Моури.

Полицейский огрызнулся:

– Не лезь не в свое дело, коротышка!

Затем он громко фыркнул, вошел в магазин и потребовал управляющего. Этот почтенный гражданин вышел на улицу и с ужасом воззрился на свою витрину,

после чего стал проявлять симптомы глубокого нервного потрясения.

– Мы-мы-мы ничего не знаем, офицер. Я уверяю вас... уверяю, что мы тут ни-ни-ни при чем. Ведь эта... эта гадость наклеена снаружи, а не изнутри! Кто-то из прохожих устроил такую мерзость, ясно же! И я ума не приложу, почему он выбрал нашу витрину. Наш патриотизм ни у кого не вызывает сомнений и...

– Кайтемпи понадобится не больше пяти секунд, чтобы это проверить,

– с ухмылкой заявил полицейский.

– Но я сам офицер запаса в...

– Заткнись. – Полицейский ткнул толстым пальцем в возмутительную листовку. – Сорвать!

– Будет сделано, офицер! Так точно, офицер! Я немедленно очищу витрину!

Управляющий подцепил край листовки и попытался оторвать ее от стекла. Но не тут-то было; земная технология достигла совершенства в создании клеящих веществ. После нескольких неудачных попыток управляющий смущенно посмотрел на полицейского, зашел в магазин, взял нож и снова принялся за работу. Ему удалось оторвать по маленькому треугольному кусочку по углам; текст при этом не пострадал.

– Принеси горячей воды и попытайся ее размочить, – скомандовал полицейский, быстро теряя терпение. Он повернулся к толпе и приказал всем убираться. Любопытные неохотно двинулись прочь.

Перед тем, как завернуть за угол, Моури оглянулся: управляющий возил тряпкой по стеклу витрины; рядом стояло ведро, над которым подымался пар. Моури ухмыльнулся: вода, особенно горячая, легко вступала в реакцию с гидрофлуоресцирующим веществом, входившим в состав типографской краски.

По пути Моури прилепил еще пару листовок – там, где их трудно не заметить, где они могли вызвать приличный переполох. Прошло двадцать минут; вода уже должна была прореагировать с краской, и он не устоял – вернулся к злополучному магазину.

Листовки на витрине уже не было, но на ее месте четкие белые буквы красовались прямо на стекле. Теперь уже не только ведро, но и полицейский с управляющим исходили паром; они метались около витрины и яростно орали то на дюжину граждан, пытавшихся прочесть текст, то друг на друга.

Проходя мимо, Моури слышал, как полицейский вопил:

– Мне плевать, что твоя поганая витрина стоит две тысячи гильдеров! Или забей наглухо, или меняй стекло! Либо то, либо другое!

– Но, офицер! Две тысячи...

– Делай, как тебе сказано! Умышленно или нет – ты предоставил свою витрину для подрывной пропаганды! Это серьезное преступление во время войны!

Моури не спеша удалился; его никто не видел и ни в чем не заподозрил. У него еще оставалось восемнадцать листовок, так что работы хватило до темноты. В этот день он нашел себе подходящее убежище.

Глава 3

Моури остановился у гостиничной стойки и с деланным сожалением обратился к портье:

– Ох уж эта война! Все так сложно, ничего нельзя планировать заранее! – Он всплеснул руками; земляне в подобном случае пожимают плечами. – Я должен уехать завтра, может быть, дней на семь. Так неудачно все сложилось!

– Вы хотите отказаться от номера, господин Агаван?

– Нет. Я забронировал его на десять дней и заплачу за это время. – Моури вытащил из кармана пачку гильдеров. – Если я вернусь вовремя, – то смогу снова занять свой номер, в противном случае. – Он опять сделал руками волнообразный жест и добавил: – Ну, что ж, не повезет, так не повезет.

– Как вам будет угодно, господин Агаван, – ответил портье, выписывая квитанцию и протягивая ее постояльцу. Речь шла о чужих деньгах, и его ничуть не волновало, как постоялец их растратит.

– Спасибо, – поблагодарил Моури. – Долгих лет!

– Долгих лет, – ответил портье, но судя по интонации – скончайся клиент прямо у стойки, он бы и глазом не моргнул.

Моури зашел в ресторан и поужинал. Затем поднялся в номер, вытянулся на кровати, дав отдых гудящим ногам, и стал ждать наступления темноты. Когда погасли последние блики заката, он достал из чемодана новую пачку листовок, взял кусок мела и вышел.

На этот раз все было намного проще. Тусклое уличное освещение было ему на руку; к тому же теперь он был хорошо знаком со всеми заслуживающими внимания местами и мог не отвлекаться на поиски квартиры. В течение четырех часов Моури постарался обезобразить листовками как можно больше стен и витрин самых шикарных магазинов, которые днем особенно привлекали внимание прохожих.

Выйдя из отеля в семь тридцать, в полуночи он наклеил ровно сто листовок и вывел большими четкими буквами «ДАГ» на двадцати четырех стенах.

Надписи были сделаны особым мелком земного производства, очень похожим на обычный, но с одной интересной особенностью – мел въедался в поры кирпича при попытке смыть его водой, чем больше тратилось усилий, чтобы избавиться от надписи, тем ярче она проступала на стене. Существовал единственный способ уничтожить надпись – снести стену и построить новую.

Утром Моури позавтракал и покинул отель вместе со своим заминированным чемоданом. Игнорируя динокары, что ждали пассажиров у двери отеля, он влез в автобус. Моури пересаживался девять раз, меняя направления и маршруты без всякого плана. Пять раз он оставлял чемодан в автоматической камере хранения и путешествовал без багажа. Возможно, не стоило так тщательно запутывать следы, но – кто знает! – все могло случиться; он был обязан не только скрыться от реальной опасности, но и предупредить возможность ее появления. Например, вполне возможен такой вариант:

«Мы из Кайтемпи. Предъявите-ка регистрационную книгу Хм-м – вроде имена те же, что и в прошлый раз... Кроме этого Шир Агавана. Кто он такой, а?»

«Из службы лесной охраны, офицер».

«Вы узнали это из его документов?»

«Да, офицер. Они были в полном порядке».

«В каком учреждении он служит?»

«В Министерстве природных ресурсов».

«Вы видели печать министерства на его личной карточке?»

«Не помню... Возможно... но я не могу точно сказать».

«Следует обращать внимание на такие вещи. Вы ведь знаете, что ими заинтересуются при проверке».

«К сожалению, офицер, я не могу запомнить каждую деталь документов, которые проходят через мои руки за неделю».

«Не мешало бы вам посерьезней относиться к работе... Правда, с этим Агаваном все, кажется, в порядке. Сделаю на всякий случай запрос о его личности. Где тут у вас телефон?»

Любопытный агент набирает номер, задает несколько вопросов, бросает трубку и раздраженно обращается к клерку:

«В списках сотрудников министерства Шир Агаван не значится! У этого типа фальшивые документы! Когда он покинул отель? Был ли встревожен? Не говорил, куда направляется? Отвечай, идиот! И ключ от его номера, быстро! Он взял динокар? Опиши мне его поподробнее. Так, у него был чемодан... Какой, а?»

С подобным риском неизбежно сталкиваешься, когда ищешь пристанища в местах известных, находящихся под постоянным наблюдением. Риск невелик, но все же он существует. Когда приговоренный к смертной казни шпион будет ожидать исполнения приговора, мысль о том, что его поймали чисто случайно, покажется не особенно утешительной. Чтобы продолжать борьбу и победить, воин-одиночка должен всегда и во всем быть хитрее врага.

Довольный, что теперь самый настырный сыщик не сможет проследить его маршрут по городу, Моури втащил свой чемодан на четвертый этаж грязной и тесной многоквартирной коробки, вошел в нанятую вчера двухкомнатную квартиру, и в лицо ему ударил спертый воздух, – комнаты пропахли какой-то кислятиной. Остаток дня пришлось посвятить уборке.

Найти его здесь будет непросто. Хозяин, тип с подозрительно бегающими глазами, не потребовал никаких документов, сдавая квартиру Густ Хуркину, мелкому железнодорожному служащему, честному, трудолюбивому, простому парню, который станет платить регулярно и в срок. Хозяин ничего не имел против сомнительных постояльцев – в этом квартале темные личности пользовались уважением: как правило, у них было гораздо больше гильдеров в карманах.

Закончив с уборкой, Моури купил газету и изучил ее от корки до корки в поисках каких-либо упоминаний о его вчерашних похождениях. Но об этом в газете не было ни слова. Сначала Моури почувствовал разочарование, но, поразмыслив, приободрился.

Выступление против войны и открытая оппозиция правительству – это не та новость, которую станут расписывать в передовых статьях; ни один редактор не пропустил бы подобную информацию. Конечно, будь у него выбор – такая сенсация! Но выбора-то у местных журналистов как раз и не было; все их материалы наверняка подвергались цензуре. Это означало, что его деятельность была замечена и уже приняты кое-какие меры, пока еще самые простые.

В любом случае, игра только начиналась. Негромкое жужжание крылышек «осы» уже заставило правительство придержать прессу. Мера недостаточная и неэффективная. Она не сработает, потому что к ней прибегли с единственной целью – потянуть время, пока соответствующие органы выработают план действий.

Чем дольше правительство будет умалчивать о событиях вчерашнего дня, тем активнее они станут обсуждаться населением, перемешиваясь с невероятными слухами, заставляя задуматься многих. Чем дальше и прочнее молчание, тем более многозначительным начнет оно казаться людям, осведомленным о случившемся. А в военное время самый деморализующий вопрос: «Что же еще они от нас скрывают?»

Сотни граждан зададут его завтра, послезавтра и на следующей неделе; имеющие странную силу слова «Дирак Ангестун Гесепт» подхватят тысячи людей, передавая их из уст в уста, – и все потому, что какова бы ни была реальная мощь этой организации, правительство боится о ней сообщать. Так станет ли простой человек доверять руководству, которое твердит о своей неустрашимости, а само боится рассказать о том, что случилось в столице? Резонный вопрос, не так ли?

Болезнь выглядит более злобещей, когда принимает характер эпидемии и поражает отдаленные районы. Именно поэтому первой вылазкой Моури из его нового убежища стала поездка в Радин, город в двухстах сорока милях на юг от Пертейна. Население – триста тысяч; важный промышленный центр – гидроэлектростанция, добыча бокситов, алюминиевый комбинат.

Моури выехал утренним поездом, переполненным самыми разнообразными типами, согнанными войной со своих насиженных мест: тут были угрюмые рабочие, скучающие солдаты, чванливые мелкие начальники, бесцветные личности неопределенного рода занятий. А прямо напротив Моури сел свиноподобный тип, ходячая карикатура на Министра продовольствия Джеймека.

Поезд тронулся и понесся вперед. Пассажиры входили и выходили на промежуточных остановках. Свиное Рыло, не достаивая Моури вниманием, с вельможной рассеянностью взирал на мелькавший за окном пейзаж, а вскоре заснул, приоткрыв во сне рот. При этом он стал еще больше походить на борова; для полного сходства оставалось только засунуть ему в пасть лимон.

Когда до Радина оставалось тридцать миль, дверь в соседний вагон со стуком распахнулась и появился полицейский в сопровождении двух плотных субъектов в штатском, Эта тройка остановилась около ближайшего пассажира.

– Ваш билет, – потребовал полицейский.

Пассажир протянул кусочек плотного пластика; на лице его появилось

испуганное выражение.

Полицейский внимательно с обеих сторон изучил билет и передал его своим спутникам, которые проделали то же самое.

– Удостоверение личности.

Документ был осмотрен столь же тщательно, правда, полицейский проверял его довольно небрежно, но зато оба типа в штатском старались вовсю.

– Ваш пропуск.

Он тоже подвергся тройной проверке и был возвращен вместе с билетом и документами. Пассажир облегченно вздохнул. Полицейский ткнул пальцем в следующего:

– Ваш билет!

Моури, сидевший в другом конце вагона, наблюдал за проверкой с любопытством и смутным чувством тревоги. Однако когда тройка взялась за седьмого пассажира, он встревожился не на шутку.

По неизвестным причинам парочка в штатском разглядывала документы этого человека значительно дольше. Несчастный пассажир начал заметно нервничать. Проверяющие с подозрением уставились на его напряженное лицо. В глазах у них появился хищный блеск.

– Встать! – рявкнул один из них.

Пассажир вскочил и, дрожа, вытянулся перед ними. Хотя вагон не слишком сильно трясло, он шатался. Под присмотром полицейского типы в штатском с профессиональной ловкостью обыскали пассажира. Они вывернули содержимое его карманов, осмотрели и засунули обратно; потом ощупали беднягу с ног до головы, не смущаясь присутствием окружающих.

Один из них, не обнаружив ничего, достойного внимания, выругался сквозь зубы и прикрикнул на пассажира:

– Ну, чего дрожишь?

– Я не очень хорошо себя чувствую, – ответил несчастный слабым голосом.

– Неужели? Что с тобой такое?

– Меня укачивает. Мне всегда плохо в поездах.

– Выдумываешь ерунду! – тип в штатском посмотрел на своего напарника и, потеряв терпение, махнул рукой. – Да садись ты!..

Пассажир, тяжело дыша, опустился на место. От ужаса он весь покрылся фиолетовыми пятнами.

Полицейский задержал на нем взгляд еще на секунду, фыркнул и обратился к номеру восьмому.

– Билет.

До Моури оставалось еще человек десять.

Он не имел ничего против проверки документов – не мешает лишний раз убедиться в их надежности, но обыск! С полицейским наверняка не будет хлопот, зато двое других явно из Кайтемпи; стоило им заглянуть в его карманы – пиши пропало. Пройдет какое-то время, пока на Земле поймут, что его молчание –

молчание могилы, и каменноликий Вулф примется обрабатывать очередного простофилю:

– Повернитесь! Пройдитесь, искривив ноги! Мы хотим сделать из вас «осу»!

Тем временем большинство пассажиров уже прошло контроль и теперь сосредоточенно наблюдало за тем, что творилось в конце вагона, стараясь при этом придать своим лицам выражение максимальной лояльности. Моури украдкой взглянул на Свинорылого, который мирно покачивался напротив, свесив голову на грудь и приоткрыв рот. Спит или только притворяется?

Моури не мог этого точно определить, но времени на колебания не осталось – троица уже приближалась, и он решил рискнуть. У себя за спиной он нащупал узкую, но глубокую щель в обивке кресла между спинкой и сидением. Не спуская глаз со Свинорылого, Моури вытянул из кармана пачку листовок и два мелка и затолкал их поглубже в щель. Спящий не шевелился.

Через две минуты полицейский грубо ткнул Свинорылого в плечо, отчего тот громко всхрапнул и открыл глаза, тупо уставившись на контролеров.

– Ну? В чем дело?

– Ваш билет, – потребовал полицейский.

– Транспортная проверка? – отозвался Свинорылый с неожиданным пониманием. – Ну, ладно, – мясистыми пальцами он извлек из нагрудного кармана пеструю карточку в прозрачном пластике и протянул ее тройке с таким видом, будто это был ключ от райских врат. На лице полицейского появилась заискивающая улыбка. Громилы в штатском вытянулись, как будто их застали спящими на посту.

– Прошу прощения, господин майор, – промямлил полицейский.

– Все в порядке, вы находитесь при исполнении служебных обязанностей, – заметил Свинорылый снисходительно-презрительным тоном. И он обвел глазами вагон, явно наслаждаясь сознанием своего недостижимого превосходства над простыми смертными.

Наблюдая за этой сценой, Моури едва сдерживал отвращение. Его правая нога зачесалась от желания дать кое-кому хорошего пинка по жирной заднице. Чтобы случайно не выдать себя, он крепко прижал ее к полу.

Теперь полицейский, раздраженный публичным унижением, занялся Моури.

– Билет.

Моури предъявил его, стараясь выглядеть спокойным и слегка утомленным. Маска безразличия давалась ему нелегко, так как теперь он находился в центре всеобщего внимания. К тому же его пристально разглядывал Свинорылый и сверлили взглядами двое агентов в штатском.

– Удостоверение!

Оно подверглось тройной проверке.

– Пропуск!

Моури протянул пропуск, внутренне готовясь и команде «Встать!».

Но таковой не последовало. Стараясь поскорее избавиться от начальственного взгляда жирного майора, троица быстро просмотрела документы. Моури засунул

карточки в карман и, стараясь не показать своего облегчения, обратился и соседу:

- Странно, с чего это вдруг такая проверка?
- Не твое дело, – отрубил Свинорылый самым оскорбительным тоном.
- Конечно, конечно, – поспешил согласиться Моури.

На этом разговор и закончился. Свинорылый смотрел в окно и, похоже, спать больше не собирался. Про себя Моури пожелал ему провалиться в ад: не так-то просто будет вытащить листовки, пока этот идиот бодрствует.

Дверь с грохотом захлопнулась – полицейский и агенты Кайтемпи закончили проверку и перешли в следующий вагон. Вдруг поезд остановился так резко, что несколько пассажиров оказались на полу. В хвосте поезда послышались крики.

Тяжело поднявшись, Свинорылый встал, открыл окно, высунул голову наружу и посмотрел назад – туда, откуда доносился шум. Вдруг выхватив из кармана пистолет, он с удивительным для своих габаритов проворством пронесся по проходу и выскочил из вагона. Крики стали громче.

Моури выглянул в открытое окно. Вдоль путей бежало несколько человек во главе с полицейским и агентами Кайтемпи. Он заметил, как они вскинули руки, и в утреннем воздухе раздался звук выстрелов. Было невозможно разглядеть, в кого они стреляли.

Позади всех, пытаясь догнать своих коллег, тяжело трусил Свинорылый. Из всех окон торчали головы любопытных. Моури спросил у ближайшей головы:

– Что случилось?

– Эти трое пришли проверять документы. А какой-то тип, как их увидел, сразу бросился к другой двери и прыгнул с поезда. Они остановили состав и погнались за ним.

– Он не разбился, когда прыгал?

– По нему не скажешь. Во всяком случае, бежал он, как чемпион по мейке. Наверяд ли его догонят.

– Кто же он такой?

– Понятия не имею. Наверное, преступник, которого разыскивают.

– Да уж, – заметил Моури, – если бы за мной гнались люди Кайтемпи, я бы драпал как последний спакум.

– Еще бы! – согласился собеседник.

Моури покинул свой наблюдательный пост и сел на место. Остальные пассажиры приклеились к окнам, полностью поглощенные происшествием. Момент был подходящий. Моури незаметно запустил руку в тайник, вытащил листовки с мелками и засунул их в карман.

Поезд стоял около получаса, но ничего интересного больше не произошло. Наконец состав тронулся; тут же в проходе появился Свинорылый и тяжело плюхнулся на сиденье. Лицо толстяка было таким кислым, что этой кислоты вполне хватило бы, чтобы замариновать всю его жирную тушу.

– Поймали, господин майор? – спросил Моури как можно почтительней.

Свиное Рыло посмотрел на него с открытой враждебностью:

– Не твое дело!

– Конечно, конечно, господин майор, – выдавил Моури.

Они снова замолчали и не проронили ни слова до конца пути. Радин был конечной станцией, и вагон опустел. В толпе пассажиров Моури направился к выходу из вокзала, но не спешил начинать обработку витрин и стен.

Вместо этого он стал следить за Свинорылым.

Оставаться при этом незамеченным не составляло труда. Вряд ли Свинорылому могло прийти в голову опасаться слежки. Он шествовал, как живое олицетворение закона, для которого простые смертные значили не больше, чем пыль под ногами.

Выйдя из-под арки вокзала, Свинорылый свернул направо и тяжелой поступью направился и автостоянке. Там он остановился у длинного зеленого динокара, на шаривая в кармане ключи.

Спрятавшись за выступ стены, Моури наблюдал, как «объект» открыл дверцу и втиснулся внутрь. Тогда он бросился к стоянке такси и забрался в первую свободную машину. Зеленый динокар еще не успел скрыться.

– Куда вам? – спросил водитель.

– Не могу сказать точно, – начал Моури, – я, видите ли, был здесь только однажды и довольно давно. Но дорогу помню и буду говорить, куда ехать.

Мотор загудел, машина набрала скорость; Моури не отрывал взгляда от зеленого динокара и время от времени давал краткие инструкции. Конечно, гораздо проще было бы приказать двигаться вслед за зеленой машиной. Но тогда водитель свяжет его со Свиным Рылом или, по крайней мере, с его динокаром. А в Кайтемпи превосходно умели выколачивать подобную информацию. Моури избрал более сложный способ, зато таксист ничего не заподозрит.

Они миновали центр Радина; наконец зеленая машина резко повернула налево и по пандусу съехала в гараж многоквартирного дома. Такси промчалось еще пару сотен ярдов, прежде чем Моури показал шоферу на ближайшее здание:

– Приехали. – Моури вылез из машины, доставая деньги. – Неплохо иметь хорошую зрительную память, верно, приятель?

– Ага, – протянул шофер. – С вас гильдер шестьдесят.

Моури протянул ему два гильдера и провожал машину взглядом, пока она не скрылась за поворотом. Быстро вернувшись к нужному дому, он вошел в огромный вестибюль и, усевшись в кресло, откинулся на спинку и прикрыл глаза. Он выглядел как человек, дремлющий в ожидании приятеля; неподалеку сидело еще несколько таких же посетителей. Никто из них не обратил на Моури внимания.

Не прошло и минуты, как в противоположном конце вестибюля из двери, ведущей в подземный гараж, показался Свинорылый. Не удостоив никого взглядом, он втиснулся в один из лифтов. На световом табло над дверью замелькали огоньки. Наконец вспыхнула цифра семь, затем отсчет пошел в обратном порядке; загорелся ноль, дверь автоматически открылась, лифт был пуст.

Еще через пять минут Моури зевнул; потянулся, взглянул на часы и покинул здание. В ближайшем телефоне-автомате он набрал номер коммутатора дома.

– Я должен был встретиться с одним человеком внизу, в вестибюле, почти час назад, – объяснил он. – К сожалению, я задерживаюсь. Если он все еще ждет, я хотел бы передать ему, что не смогу прийти.

– Этот человек – наш жилец? – осведомилась телефонистка.

– Да, конечно, но я никак не могу вспомнить его имя... у меня, знаете ли, такая плохая память на имена... Он полный, тяжелые черты лица, живет на седьмом этаже. Майор... майор ну и дырявая же у меня голова!

– Это, наверное, майор Саллана, – подсказала телефонистка.

– Верно! – радостно воскликнул Моури. – Все время в голове вертелось.

– Не вешайте трубку. Я посмотрю, ждет ли он еще.

Последовала минутная пауза, затем вновь послышался голос телефонистки:

– Нет, он уже ушел. Я набрала номер его квартиры, но никто не ответил. Ему что-нибудь передать?

– Нет, не нужно. Ему, наверное, надоело ждать. Да и дело не очень важное. Долгих лет.

– Долгих лет, – отозвалась женщина.

Значит, никто в квартире не снял трубку. Похоже, Свиное Рыло забежал домой и почти сразу же вышел – если только не залез в ванну. Что маловероятно – он бы не успел за это время наполнить ее, раздеться и плюхнуться в воду. Если же толстяк действительно отсутствует, то у Моури есть блестящая возможность, которую, несомненно, не стоит упускать.

Хотя интуиция подсказывала ему, что нужно поторопиться, Моури не сразу направился к дому. Он посмотрел на улицу сквозь стекло телефонной будки. Удостоверившись, что никто не наблюдает за ним, он наклеил одну из своих листовок на дверцу и удовлетворенно усмехнулся: теперь ее заметит каждый, кто зайдет сюда позвонить. Листовка гласила «Войну развязали властолюбцы. Дирак Ангестун Гесепт покончит с войной и с ее поджигателями!»

Снова войдя в подъезд, Моури с напускной уверенностью пересек вестибюль и шагнул в свободный лифт. Он повернулся, собираясь закрыть дверь, и краем глаза заметил, что кто-то спешит к лифтам. Свиное Рыло собственной персоной! Моури вздрогнул.

Майор пребывал в состоянии глубокой задумчивости и еще не увидел Моури, но неизбежно узнал бы его, стоило им столкнуться лицом к лицу. Моури понял, что должен торопиться. Он моментально захлопнул дверь и нажал кнопку третьего этажа. Лифт заскользил вверх, потом остановился. Не открывая дверь, Моури услышал, как соседняя кабина прошла мимо, тогда Джеймс спустился вниз и вышел из здания. Расстроенный и злой, он тихо чертыхался, проклиная свое невезение.

До самого вечера он как сумасшедший носился по городу и наконец успокоился, украсив стены и витрины Радина сотней листовок и дюжиной надписей. Ему удалось избежать свидетелей, хотя несколько раз он, как обычно,

едва успел унести ноги.

Решив, что на сегодня достаточно, он выбросил в канализационный люк половинку испитого мелка и почувствовал себя в большей безопасности. Теперь, если его остановят и обыщут, то не найдут никаких улик.

В десятом часу Моури наконец поел – первый раз после завтрака. Покончив с этим занятием, он нашел в телефонной книге номер Салланы и позвонил, но никто ему не ответил. Тогда он решился. Направившись к знакомому дому, он, как и в первый раз, вошел в вестибюль и без помех поднялся на седьмой этаж. Бесшумно ступая по ковру, устилавшему коридор, Моури читал таблички на дверях, пока не нашел нужную квартиру.

Он постучал.

Молчание.

Он постучал еще раз, погромче, но так, чтобы не привлечь внимание соседей.

Никто не отозвался.

Тут он применил полученные в разведшколе знания. Вытащив из кармана связку ключей, на первый взгляд ничем не примечательных, он занялся замком, и через тридцать пять секунд дверь открылась. Скорость была чрезвычайно важна: войди сейчас кто-нибудь в коридор, его поймали бы с поличным. Но, к счастью, никто не появился, и Моури без помех проскользнул внутрь, осторожно закрыв за собой дверь.

Он сразу же быстро осмотрел квартиру – в ней не оказалось ни спящих, ни пьяных. Все четыре комнаты были пусты; майор Саллана отсутствовал.

Вернувшись в первую комнату, Моури внимательно оглядел ее и заметил лежащий на шкафчике пистолет. Пистолет оказался заряженным, и Моури засунул его в карман.

Затем он вскрыл громоздкий секретер и начал рыться в ящиках, действуя со скоростью и сноровкой профессионального взломщика, – этому его научили в школе.

Когда Моури выдвинул четвертый по счету ящик и увидел его содержимое, волосы у него на голове зашевелились. В квартире майора он рассчитывал найти объяснение столь подобострастного поведения полицейского и агентов Кайтемпи. Несомненно, для этого была причина – и теперь она находилась у него перед глазами.

Да, ради этого стоило пойти на риск! В ящике лежала толстая пачка официальных бланков с надписью вдоль верхнего края: ДИРАК КАЙМИНА ТЕМПИТИ ЛЕШАН РАДИН.

В переводе это означало: «Сирианская Секретная Полиция – Сектор Радин». Не удивительно, что эти головорезы готовы были лизать пятки толстому майору! Свинорылый оказался большой шишкой в Кайтемпи, выше по рангу, чем армейский бригадный генерал, а может быть, и командующий космическим флотом! Да, тут было чем поживиться!

Это открытие заставило Моури поторопиться. Из кучи вещей, сложенных в дальней комнате, он вытащил небольшой чемоданчик, вскрыл его и вышвырнул

на пол хранившуюся там одежду. Затем запихнул в него все бланки из ящика. Чуть позже он обнаружил небольшую машинку, которая при нажатии на ручку оттискивала на бумаге буквы «ДКТ», увенчанные крылатым мечом. Машинка тоже отправилась в чемоданчик.

Покончив с секретером, Моури занялся шкафчиком для бумаг; ноздри у него раздувались, как у почуявшей след гончей. Он выдвинул верхний ящичек – и вдруг уши его уловили какой-то слабый звук. Он замер, внимательно прислушиваясь. Это был скрежет ключа в замочной скважине. Похоже, с первого оборот замок не сработал: скрежет раздался опять.

Моури прижался к стене рядом с дверью, так, чтобы, открывшись, она заслонила его. Ключ снова заскрежетал, замок щелкнул, и Свинорылый ввалился в квартиру.

Толстый майор сделал несколько шагов, прежде чем до него дошло, что случилось. Он остановился как вкопанный и недоуменно воззрился на взломанный секретер. В это время дверь за его спиной захлопнулась и, обернувшись, Свинорылый оказался лицом к лицу с грабителем.

– Добрый вечер, – холодно приветствовал его Моури.

– Ты? – Свиное Рыло уставился на него с видом оскорбленного достоинства. – Что ты здесь делаешь? Что все это значит?

– Я – просто вор. И это значит, что вас ограбили.

– Да знаешь ли ты, мерзавец, что я...

– В таких случаях, – прервал его Моури, – обязательно кто-то становится жертвой. На этот раз ваша очередь. Не вижу причины, почему вам должно постоянно везти, – философски заметил он.

Свинорылый шагнул вперед.

– Сидеть! – резко приказал Моури, вскинув пистолет.

Но майор не сел, хотя и остановился. Он твердо стоял на ковре, его маленькие глазки злобно сверлили гостя, лицо потемнело. Наконец он сказал, сдерживая ярость

– Брось пистолет!

– Это вы мне? – переспросил Моури.

– Ты сильно рискуешь, – заявил Свинорылый с непробиваемым апломбом человека, долгие годы внушавшего ужас окружающим. – Стоит тебе узнать, кто я такой...

– Я это знаю, – не дал ему закончить Моури. – Ты – жирная крыса из Кайтемпи. Профессиональный мучитель, платный палач, бесстыжий соко, готовый пытаться и убивать за деньги и из садистского удовольствия. В кресло – живо!

И все же Свинорылый не подчинился. Хотя принято считать, что все задиры – трусы, майор, видимо, был исключением. Как многие люди подобного сорта, он обладал своеобразной жесткой отвагой. Глаза его сверкнули ненавистью; он сделал неуклюжий, но быстрый шаг в сторону и сунул руку в карман.

И все же глаза, которые так часто и с таким спокойствием наблюдали за

агонией жертвы, на этот раз выдали его. Пистолет Моури коротко рывкнул – тр-р-р-рат, негромко, но весьма эффективно. Несколько секунд Свинорылый, пошатываясь, оставался на ногах; на его лице застыло выражение крайнего изумления. Наконец колени толстяка подломились и он грохнулся на пол. Комната содрогнулась.

Осторожно приоткрыв входную дверь, Моури выглянул в коридор и прислушался. Все было тихо. Ни шагов, ни криков, никто не бежал за помощью, не спешил узнать, что случилось. Если до соседних квартир и долетел приглушенный звук выстрела, там, видимо, приняли его за шум уличного транспорта.

Убедившись, что оснований для беспокойства нет, Моури закрыл дверь, склонился над трупом и внимательно осмотрел его. Свинорылый был мертвее мертвого – короткая очередь из автоматического пистолета оставила семь дырок в его тучном теле.

Моури разочарованно вздохнул. Не каждый день в его руки попадался крупный чин Кайтемпи! Он предпочел бы каким-нибудь способом вытрясти из этого типа ответы на некоторые важные вопросы. Правда, неизвестно, удалось бы это ему или нет, но стоило, по крайней мере, попытаться. Он многое хотел знать. Например, имена несчастных, которых сейчас обрабатывала Кайтемпи, их физическое состояние и места заключения. Коренные жители планеты, спасенные из петли, были бы лучшими помощниками для «осы».

Но труп не может поделиться информацией, и Моури оставалось только, сожалеть об упущенных возможностях.

В целом же он был вполне доволен. Во-первых, ему удалось убрать одного из палачей Кайтемпи – и, следовательно, оказать немалую услугу не только Земле, но и самим сирианам. Во-вторых, дерзкое убийство идеально вписывалось в его план действий; трудно придумать лучшее подтверждение содержащихся в листовках угроз, чем окровавленный труп. Такое свидетельство существования оппозиции трудно оставить без внимания.

Он обыскал труп и нашел сокровище, о котором мечтал с той самой минуты, когда агенты в поезде подобострастно замерли перед Свинорылым. Яркая карточка, запрессованная в прозрачный пластик. На ней имелись знаки, печати и подписи, удостоверяющие, что предъявитель сего – майор Секретной полиции. Однако имя и приметы владельца не указывались; вместо них стоял длинный кодовый номер. По-видимому, в Кайтемпи не слишком доверяли даже друг другу, и Моури мог теперь воспользоваться этим.

Он снова занялся шкафчиком для бумаг. Большинство документов не представляло интереса – их содержание было известно земной разведке. Но зато Моури обнаружил три папки с делами осужденных, имена которых также были закодированы. Очевидно, Свинорылый взял их из местного управления, чтобы изучить на досуге.

Моури быстро просмотрел несколько страниц. Насколько он мог судить, эта безымянная троица оказалась в немилости из-за своих непомерных политических амбиций. Осужденные были потенциальными соперниками лиц, находившихся у

власти. В документах ничего не говорилось об их казни, и Моури решил, что они еще живы – иначе Свинорылый не стал бы тратить время на изучение этих бумаг. Во всяком случае, их исчезновение может доставить неприятности властям.

Он сунул папки в чемоданчик. Затем быстро осмотрел квартиру еще раз, боясь пропустить что-нибудь важное, обыскал одежду, висевшую в спальне и прихожей, но не обнаружил ничего интересного. Наконец он занялся уничтожением улики, которые могли бы навести Кайтемпи на его след.

Он положил пистолет в карман, взял чемоданчик и остановился на пороге, бросив взгляд на мертвое тело.

– Долгих лет!

Свиное Рыло не удостоил его ответом.

Майор в полном молчании возлежал на полу. Его пухлая рука судорожно сжимала листок бумаги с надписью: «Казнен Партией Свободы Сириуса».

Глава 4

Удача не покидала Моури: он успел на вокзал как раз к отправлению поезда в Пертейн. Это было весьма кстати, так как вокзальная полиция от нечего делать могла прицепиться к засидевшемуся в зале ожидания пассажиру. Конечно, ничего не стоило предъявить документы или, в крайнем случае, воспользоваться похищенным удостоверением Салланы; но в его положении лучше было не привлекать к себе лишнего внимания.

Подошел поезд, и Моури проскользнул в вагон; ни один из полицейских, что шатались по перрону, не обратил на него внимания. Вскоре состав тронулся и с громыханием покатил в ночь. В такой поздний час большинство мест в вагоне пустовало. Моури на всякий случай устроился подальше от соседей. Среди них всегда найдется какой-нибудь тип с острым глазом и хорошей памятью. Джеймс поудобнее устроился в кресле, глаза его слипались. После трудного дня Моури был не прочь вздремнуть, надеясь, в случае проверки, на надежность своих документов, удостоверение Кайтемпи или пистолет.

Одно было ясно – если труп обнаружат в течение трех-четырех часов, в местном курятнике начнется изрядный переполох; тогда, скорее всего, поезд остановят и всех пассажиров тщательно обыщут. У Кайтемпи нет описания Моури, но стоит заглянуть в его чемоданчик – и все станет ясно даже самому тупоголовому агенту.

Моури беспокойно дремал под гипнотический перестук колес. Каждый раз, когда хлопала дверь или дребезжало окно, он просыпался, сжимаясь как пружина. В голове у него вертелась мысль о том, что вот-вот срочная радиограмма догонит поезд: «Остановить и обыскать всех пассажиров поезда 11.20 из Радина!»

Однако проверок не было. Состав замедлил ход и, лязгая колесами на стыках, подкатил к перрону столичного вокзала. Сонные пассажиры, в скудном голубоватом свете люминесцентных ламп похожие на трупы, столпились у выхода. Моури помедлил, чтобы оказаться в самом конце. Он неторопливо тащился по проходу среди нескольких кривоногих бездельников, пытаясь

разглядеть, не поджидает ли его на вокзале батальон ухмыляющихся полицейских.

Если его действительно ждет засада, остается только два варианта действия. Во-первых, можно бросить чемодан с драгоценной добычей, первым открыть стрельбу и попытаться исчезнуть в поднявшейся суматохе. В случае успеха он отделается легкими ранениями.

Второй вариант не многим лучше – подойти к самому свирепому верзиле-полицейскому и, сунув кейс ему в руки, сказать с видом простака: «Простите, офицер, но один из пассажиров бросил этот чемодан прямо мне под ноги. С чего это он вдруг?» Если сразу поднимется шум, есть шанс добраться до ближайшего угла, а там броситься бежать со всех ног.

Моури успел взмокнуть от напряжения, пока дошел до конца перрона и убедился, что страхи его были напрасны. Ему впервые пришлось убить человека, и за этот грех он расплачивался страхом, представляя полчища мчавшихся по его следам агентов Кайтемпи, – в то время как охота даже не началась. На перроне у барьера стояли двое полицейских, не проявляя ни малейшего интереса к потоку пассажиров; они зевали от скуки, лениво перебрасываясь фразами. Их взгляды равнодушно скользнули по лицу проходящего мимо Моури.

Но радоваться было рано. На вокзале его чемодан не привлекает внимания, но когда он появится с ним на улице ночного города, полиция вполне может заинтересоваться, куда и зачем направляется прохожий с чемоданом в столь поздний час.

Конечно, можно взять такси, но это тоже небезопасно. Водители имеют хорошую память и любят поговорить. А на допросе в Кайтемпи даже самый молчаливый из них станет весьма разговорчивым.

«– Это вы взяли пассажира с чемоданом, прибывшего поездом в 11.20 из Радина?»

– Да. Молодой парень, в руках – небольшой чемоданчик.

– Заметили что-нибудь подозрительное? Может быть, он нервничал или выглядел усталым?»

– Пожалуй, нет. Обычный пассажир. Он не местный. Говорил с настоящим машамским акцентом.

– Помните, куда отвезли его, а?»

– Да, могу показать».

Немного подумав, он сунул кейс в автоматическую камеру хранения и решил дойти до дома налегке. Теоретически, чемодан мог спокойно оставаться там в течение суток. Но если его обнаружат, то используют как приманку.

В обществе, где для длинных рук компетентных органов нет ничего недоступного, у Кайтемпи имеются ключи от всех замков. Ее агенты могут вскрыть и обыскать каждый почтовый ящик, каждую камеру хранения в радиусе тысячи миль от места происшествия, если кому-то придет в голову, что это поможет найти убийцу. Когда он вернется за чемоданом, нужно будет держать ухо востро – не исключено, что около камер хранения случайно окажутся несколько мускулистых ребят.

Он быстрым шагом приближался к своему дому. До подъезда оставалось уже ярдов пятьсот, когда от темной стены на противоположной стороне улицы выделились два полицейских.

– Эй, ты!

Моури остановился. Они перешли дорогу и молча уставились на него. Затем один перевел взгляд на сверкающее звездами ночное небо, оглядел пустынную улицу и снова уставился на Моури.

– Поздненько гуляешь, а?

– А что здесь такого? – ответил тот извиняющимся тоном.

– Здесь мы задаем вопросы, – отрезал полицейский. – Где это ты был до сих пор?

– В поезде.

– Откуда?

– Из Камасты.

– Куда направляешься?

– Домой.

– На такси вышло бы быстрее, верно?

– Да, – согласился Моури. – Но я опоздал. Уже поздно, все машины разъехались. Так не повезло! – он сокрушенно вздохнул.

– Ну, целая история!

Тут вмешался второй полицейский. Он решил допросить подозреваемого по форме номер семь: угрожающе сузил глаза, выставил челюсть и заговорил хрипловатым голосом. Иногда ему удавалось таким образом добиться виноватого взгляда или, наоборот, выражения абсолютной – и потому крайне подозрительной – невинности. Он был большим специалистом по части тактики номер семь, постоянно тренировался на жене и репетировал в спальне перед зеркалом.

– А может, парень, и духу твоего не было в Камасте, а? Может, ты любишь гулять по ночам и что-нибудь клеить на витрины и стены?

– Нет, что вы, офицер, – сказал Моури, внутренне содрогнувшись. – Что мне, делать нечего? Разве я похож на психа?

– Пожалуй, это не слишком бросается в глаза, – признал полицейский.

– Но какой-то тип, ненормальный или совсем наоборот, начал развлекаться такими делами.

– Ну, конечно, я понимаю, вы хотите его поймать. Я и сам психов не люблю. Меня от них прямо трясоти начинается. – Он сделал нетерпеливый жест. – Если собираетесь делать обыск, то, может, приступим? У меня был тяжелый день: устал, знаете ли, как собака и хочу поскорее домой.

– Нет, думаю, это лишнее. Покажи документы.

Моури достал карточку. Первый полицейский только взглянул на нее, а второй даже не стал себя утруждать.

– Ладно, иди. Но учти, если будешь разгуливать по ночам – нарвешься на неприятности. Идет война, понятно?

– Да, офицер, – ответил Моури робко.

Он спешил убраться от них подальше, возблагодарив Бога и судьбу за то, что предусмотрительно избавился от багажа. Если бы чемодан был при нем, вряд ли бы удалось отделаться так легко. Если бы полицейские попытались обыскать чемодан, ему пришлось бы предъявить реквизированное у Салланы удостоверение. Но Моури не хотел с этим торопиться – пока убийство Свинорылого не обнаружат и скандал не поутихнет.

Добравшись до своего жилища, он разделся, но уснул не сразу. Лежа в постели, он еще раз внимательно рассмотрел удостоверение Кайтемпи. Это был документ исключительной важности, и теперь Моури разрывался между двумя противоречивыми желаниями: избавиться от него или поскорее использовать.

Если учесть особенности социально-политической системы Сирианской Империи, то удостоверение Кайтемпи, несомненно, может наводить ужас на любой принадлежащей сири планете. Один вид крылатого меча заставит девяносто девять процентов гражданского населения бухнуться на колени и прославлять тайную полицию, зарывшись носом в грязь. В этом для «осы» и заключалась ценность подобного документа. Однако Земля не снабдила Моури подобным оружием – он сам добыл его. Очевидно, земная разведка не располагала оригиналом такого удостоверения.

Там, среди звезд, на зелено-голубоватой планете под названием Земля, способны сделать дубликат чего угодно, кроме человеческой жизни; да, пожалуй, и с нее могут снять копию. Возможно, там нуждаются в этом удостоверении. Ведь таким документом можно снабдить каждую «осу» и спасти многих разведчиков, обреченных в иных обстоятельствах на мучительную смерть.

Но для него пожертвовать удостоверением в пользу своего земного начальства равнозначно потере ферзя в шахматной партии. Он долго колебался, но перед тем, как заснуть, все же решил в первое же посещение пещеры отправить подробный отчет о своих успехах и уникальном документе, который ему удалось добыть. Пусть Земля решает, что с ним делать.

В полдень Моури вернулся на вокзал, послонялся там минут десять, делая вид, что встречает кого-то. Придав лицу слегка утомленное, скучающее выражение, он внимательно изучал обстановку. Пятьдесят или шестьдесят пассажиров, с таким же безразличным и утомленным видом, находились неподалеку от камер хранения. Казалось, за камерами никто из них не наблюдал. По вокзалу болталась дюжина типов весьма мускулистого сложения, в манерах которых проглядывало нечто официальное; однако они, в основном, следили за пассажирами на перроне.

Наконец он решил рискнуть, неторопливо подошел к своей ячейке и вставил ключ в скважину, жалея, что не имеет третьего глаза на затылка. Открыв дверцу, Моури вытащил чемоданчик и оглянулся. В этот момент, держа в руках улики своего преступления, он чувствовал себя крайне неудобно. Если что-то должно произойти, то именно сейчас. Тяжелая лапа опустится на его плечо, раздастся торжествующий рев, и люди с хищным оскалом и безжалостными глазами сомкнутся вокруг него...

Но этого не случилось. Он медленно двинулся к выходу, настороженный, как

лисица, слышавшая вдали лай гончих. За вокзальными воротами он вскочил в рейсовый автобус и забился в угол, бросая по сторонам осторожные, внимательные взгляды.

Возможно, никто не заметил его, никто им не интересовался, никто не шел по его следам, и люди Кайтемпи все еще безуспешно обшаривают Радин, не имея ни малейшего представления, где продолжать поиски. Но Моури не мог успокоиться, опасаясь недооценить их профессионализм. Оставался один шанс из тысячи, что он ничего не заметил и привел их напрямик к камере, что его решили оставить на свободе, надеясь выйти на остальных членов мифической Партии Свободы Сириуса.

Он наблюдал за пассажирами, входившими и выходившими на остановках, за пролетающими мимо динокарами и даже за небом, словно ожидал, что над автобусом с минуты на минуту зависнет полицейский вертолет. Он пересаживался раз пять, протаскивал чемодан по темным закоулкам, по проходным дворам и галереям трех универмагов, которые покидал через незаметные боковые выходы.

В результате всех этих маневров Моури убедился в отсутствии слежки; тогда он отправился домой, засунул кейс под кровать и глубоко, облегченно вздохнул. Его предупреждали, что деятельность разведчика способна доставить массу сильных впечатлений. Похоже, так оно и есть.

Вновь покинув квартиру, он купил стопку конвертов и дешевую пишущую машинку. Остаток этого дня и весь следующий он прилежно трудился, печатая краткие послания на фирменных бланках Кайтемпи. Моури не боялся оставить на письмах отпечатки пальцев; их подушечки были обработаны особым способом, так что на бумаге не обнаружат ничего, кроме расплывчатых неясных пятен.

Закончив эту работу, он целый день провел в библиотеке, кропотливо выискивая нужную ему информацию, делая подробные выписки, а вернувшись домой, написал конверты и наклеил марки.

К вечеру Моури успел отправить более двухсот писем редакторам газет, дикторам радио, высшим офицерам и важным правительственным чиновникам, шефам полиции крупнейших городов, известным политикам и членам кабинета министров.

Послание, вызывающе напечатанное под грифом Кайтемпи, снабженное печатью с крылатым мечом, было кратким, но содержательным:

«Саллана первый.

За ним последуют другие.

Список у нас длинный.

Дирак Ангестун Гесепт».

Итак, первая фаза операции была завершена. Моури сжег коробку из-под конвертов и выбросил пишущую машинку в речку, выбрав место поглубже. Если ему придется еще раз заняться письмами, он купит другую и избавится от нее таким же образом. Если потребуется, он сможет купить и выбросить сотню пишущих машинок. Чем больше их будет, тем забавнее. Пусть в Кайтемпи

занимаются анализом его посланий; они обнаружат различные шрифты, принадлежащие неизвестным пишущим машинкам, и решат, что имеют дело с гигантской организацией. К тому же каждая сделанная им покупка ведет к дестабилизации экономики Джеймса, наводняя планету фальшивыми деньгами.

Следующим шагом стал визит в контору по прокату динокаров. Он нанял машину на неделю под именем Ширы Агавана и дал адрес отеля, в котором остановился в первый день. С помощью динокара Моури избавился от пятисот листовок, расклеив их в шести городках и тридцати деревнях вокруг столицы. Работа здесь была связана с большим риском, чем в Пертейне или Радине. В деревнях приходилось труднее всего, и чем меньше было селение, тем больше опасностей его подстерегало. В городе, где обитают сотни тысяч или миллионы людей, никто не обращает внимания друг на друга; но в местечке с населением в несколько сотен человек незнакомца заметят, запомнят, проследят за каждым его шагом.

Во многих случаях деревенские зеваки облегчали Моури задачу, давая возможность налепить листовку, пока все их внимание было приковано к машине. Дважды кто-то записывал номер его динокара – очевидно, просто ради интереса. Он поступил весьма предусмотрительно, используя псевдоним, к которому не собирался возвращаться впредь. Очень скоро полиция свяжет появление листовок с немногословным и таинственным незнакомцем, исколесившим округу на динокаре ХС-17978.

В конце четвертой недели Моури заложил последнюю листовку в фундамент мифического джеймекского подполья. И тут он упал духом.

Газеты и правительственные радиостанции хранили гробовое молчание о подрывной деятельности на Джеймеке. Ни словом они не обмолвились об убийстве Салланы – Свинорылого. Казалось, правительство несколько не беспокоило ни жужжание «осы», ни таинственная и грозная, но – увы – воображаемая Партия Свободы Сириуса.

Моури не видел никаких результатов своей деятельности и не знал, есть ли они вообще. Иногда вся эта бумажная война казалась ему чепухой

– несмотря на утверждение Вулфа, что целую армию можно поставить на колени с помощью двух-трех пропагандистских заклинаний. Получалось, что он, Моури, размахивает кулаками в темноте – возможно, ему и удалось зацепить кого-то по носу, но противник даже не удосужился нанести ответный удар.

В результате первоначальный энтузиазм Моури несколько поостыл. Чтобы подогреть его снова, требовалось какое-то проявление эмоций противоборствующей стороны – крик боли, проклятье или угроза: тогда он поймет, что удар попал в цель. Хотя бы тяжелое дыхание врага!.. Но Джеймс не слышал и этого.

Он больше не в силах был переносить одиночество. Не было товарищей, с которыми он мог бы разделить тяжкий груз неясных предположений и тревожных предчувствий; товарищей, которые нуждались бы в его поддержке, и одобрении, а в нужный момент были бы готовы прийти на помощь. Никого, никого рядом... Ни одной живой души, разделяющей с ним опасности нелегального

существования в чужом мире. Ни единого человека, с кем можно переброситься словом... или хотя бы посмеяться. В роли осы он мог рассчитывать только на собственные душевные силы, а их требовалось поддерживать зримыми свидетельствами успеха его операций – но этого как раз и не было.

Вскоре его хандра превратилась в депрессию такой силы, что Моури целых два дня не выходил из дома, мрачно слоняясь по квартире из угла в угол. На третий день им внезапно овладело растущее чувство тревоги. Моури не стал с ним бороться; в разведшколе ему сотню раз твердили о необходимости прислушиваться к интуиции.

«Осознание того, что на вас ведется серьезная охота, может вызвать аномальное обострение психического восприятия – вплоть до проявления шестого чувства. Именно поэтому матерых преступников так трудно поймать. Многие рецидивисты, которых разыскивала полиция, умудрялись неожиданно улизнуть в самый последний момент, проявляя чудеса изобретательности. На самом деле такой тип вдруг чуял, что пахнет жареным и пора уносить ноги. Для спасения собственной шкуры делайте то же самое. Если вы почувствуете, что кто-то сел вам на хвост, не ждите, не проверяйте, не тяните время – сматывайтесь!»

Да, именно так его учили. Он вспомнил, как в свое время размышлял о природе этого странного чувства – предвидения опасности. Может быть, в его основе лежала телепатия?

Полиция не устраивает облаву без предварительного наблюдения за преступником. Агенты, которым поручена слежка, сосредотачивают внимание на предмете своих забот, – и жертва иногда ощущает некие исходящие извне импульсы, которые воспринимаются на уровне подсознания и создают ощущение опасности.

Нечто подобное Моури чувствовал сейчас. Поэтому, взяв свои вещи, он покинул квартиру с черного хода. Никто не слонялся поблизости, никто не видел, как он выходил, никто не заметил, куда он направился.

Незадолго до полуночи во дворе его бывшего дома появилось четверо крепких парней; они расположились так, чтобы блокировать черный ход. У парадного подъезда со стороны улицы остановились две машины с такими же типами; дверь распахнулась под сильным ударом, и агенты устремились вверх. Они пробыли там часа три и чуть не прикончили хозяина – прежде чем убедились в его полной невиновности.

Моури об этом ничего не знал. Его деятельность вызвала наконец ответную реакцию, но, к счастью, он сумел проворонить столь явное доказательство успеха своих операций.

Он выбрал новое убежище в полутора милях от старого – длинную узкую комнату на верхнем этаже полуразвалившегося здания в самом опасном квартале Пертейна, в районе, где тротуары очищали единственным способом – спихивая мусор на мостовую. Документы здесь никого не интересовали; одна из самых похвальных привычек обитателей этого квартала заключалась в том, что они не лезли в чужие дела. Чтобы снять комнату, оказалось достаточным предъявить купюру в пятьдесят гильдеров. Взамен он получил старый ключ.

Моури пользовался им недолго – он сразу же приобрел надежный замок и врезал его в дверь. А также поставил новые шпингалеты на окно, хотя оно находилось в сорока футах над землей и к нему было трудно пробраться. И наконец, он сделал небольшой люк на крышу, которым предполагал воспользоваться, если лестница будет заблокирована агентами Кайтемпи.

В таком районе стоило опасаться только мелких воришек – крупные не станут размениваться на комнаты в трущобах. Моури решил, что новый замок и шпингалеты на окне окажутся для них серьезным препятствием. Он доверял своим беспокойным соседям не больше, чем сами соседи доверяли друг другу.

Пришлось затратить немало времени на уборку, чтобы привести комнату в жилой вид. Если он когда-нибудь попадет в застенки Кайтемпи, то там будет не до соблюдения правил гигиены; но на свободе ему хотелось жить в чистоте. Когда он закончил свой труд, комната стала такой опрятной, какой, видимо, не была с тех пор, как из нее ушли строители.

Депрессия и чувство нависшей опасности наконец покинули Моури. В хорошем настроении он вышел из дома и бодро зашагал по улице, которая упиралась в заваленный мусором пустырь. Поблизости никого не было; оглянувшись, он положил конфискованный у Свиного Рыла пистолет на краю тротуара – так, что его не заметил бы только слепой. Затем, сунув руки в карманы, чуть искривив ноги, он двинулся обратно. Ярдах в семидесяти ему попался подходящий подъезд; Моури встал там в небрежной позе, с видом человека, не столь глупого, чтобы утруждать себя честным трудом. Такая манера считалась весьма модной в квартале, избранном им для проживания.

Джеймс бездумно созерцал противоположную сторону улицы, но время от времени бросал цепкий взгляд на пистолет, валявшийся на тротуаре.

Дальнейший ход событий еще раз подтвердил, что люди редко смотрят себе под ноги. За четверть часа тридцать человек прошли мимо пистолета, ничего не заметив; один даже наступил на него. Наконец оружие увидел парень со впалой грудью, ногами, кривыми, как колесо, и темно-сизыми пятнами на лице. Он застыл на месте, глядя на пистолет; потом наклонился, чтобы разглядеть его получше, и уже протянул было руку к оружию, но в последний момент передумал и поспешил убраться. Кривоногий парень перешел улицу перед носом Моури; на лице его застыло выражение неудовлетворенного желания и страха.

«Не прочь стащить, но боится», – решил Моури.

Прошли еще двадцать прохожих. Из них двое заметили пистолет, но притворились, что ничего не видят. Не решились они и вернуться, чтобы завладеть оружием, когда поблизости никого не будет. Вероятно, они догадались, что пистолет был опасной уликой, от которой кто-то счел нужным избавиться, и не горели желанием таскать такую штуку в своем кармане.

Человек, в конце концов поднявший пистолет, похоже, не боялся ничего. Крепко сбитый, с квадратной челюстью и раскачивающейся походкой, он даже не замедлил шагов, хотя сразу же заметил оружие. Остановившись на углу ярдах в пятидесяти, он оглянулся с видом человека, заблудившегося в незнакомом районе, затем вытащил из кармана записную книжку и притворился, что ищет в

ней адрес. Тем временем его острые маленькие глазки обшаривали улицу; однако Моури, укрывшегося в тени подъезда, он не заметил.

Через несколько минут он пошел обратно, ловко уронил записную книжку на пистолет, сгреб и то и другое одним движением и спокойно двинулся дальше. В руке его осталась только записная книжка; пистолет исчез куда-то с непостижимой скоростью, свидетельствующей о долгой практике в такого рода делах.

Позволив незнакомцу удалиться на достаточное расстояние, Моури выскользнул из подъезда и последовал за ним. Он надеялся, что идти недалеко. Этот тип с квадратной челюстью был серьезным клиентом; в случае длительной слежки он обнаружит преследователя и попытается отделаться от него любым способом. Моури очень не хотелось упускать свою с таким трудом выслеженную добычу.

Квадратная Челюсть бодро ковылял по тротуару, потом юркнул направо в узкий грязный переулок, а на следующем перекрестке повернул налево. Он шел уверенно и спокойно и, казалось, не подозревал, что за ним следят. В конце улицы Квадратная Челюсть вошел в дешевый ресторан с пыльными окнами и вывеской, настолько облупившейся, что ее невозможно было прочесть. Чуть позже Моури решительно распахнул дверь и вошел.

Воняло потом, прогорклой пищей и зисом. Бармен с желтовато-сизой физиономией встретил Моури неприветливым взглядом, видимо, специально приготовленным для незнакомцев. Дюжина посетителей, сидевших в полумраке у заляпанной некрашеной стены, смотрела не ласковой. Вид у них был довольно-таки кровожадный.

Моури небрежно оперся о стойку и обратился к Железной Роже, стараясь говорить внушительно:

– Неплохо бы выпить чашечку кофе, а, приятель?

– Кофе? – Бармен дернулся, словно его кольнуло шилом. – Клянусь кровью Джеймы, это же спакумское пойло!

– Ага, – согласился Моури. – И я собираюсь облевать им весь пол. – Он хрипло рассмеялся. – Проснись, парень, и налей мне зиса!

Бармен оскалился, оценив шутку, достал с полки стеклянную кружку, которую, несомненно, мыли не чаще раза в неделю, налил до краев низкосортным зисом и протянул Моури:

– С тебя шесть десятых.

Расплатившись, Моури понес кружку к маленькому столику в самом темном углу; двенадцать пар глаз внимательно следили за ним. Усевшись, он внимательно осмотрел зал, не обращая внимания на повисшую мрачную тишину. Он вел себя так, словно был завсегдаем в подобных трущобах. Взгляд его уткнулся в Квадратную Челюсть – как раз в тот момент, когда сия достойная личность, встав с кружкой в руке, прошествовала через зал и уселась за его столик.

Этот акт признания сразу же разрядил обстановку. Напряжение спало, головорезы у стены потеряли всякий интерес к Моури, бармен облегченно

переступил с ноги на ногу, снова раздался тихий шелест голосов. Очевидно, Квадратная Челюсть был одним из почетных клиентов этого заведения и его знакомые пользовались неограниченным доверием.

Сидевший напротив Моури головорез представился:

– Меня зовут Архава, Бутин Архава. – Он подождал ответа, которого так и не последовало, затем продолжал: – Ты не отсюда. С Диракты. И конечно, из Машамы, судя по акценту.

– Ловко подмечено, – отозвался Моури.

– Приходится ловчить. Дураки обычно кончают в петле. – Он хлебнул из кружки. – Будь ты местным, ты не зашел бы сюда. А может, ты – из Кайтемпи?

– Да ну?

– Нет, не похоже... Они не рискнули бы послать сюда тебя одного. Они бы отправили шестерых, а может, и больше. Им известно, что в баре «Сузун» всякое случается.

– Меня, – сказал Моури, – это вполне устраивает.

– А меня – еще больше.

Бутин Архава шевельнулся, и над краем стола показалось дуло пистолета Свинорылого, оно было направлено прямо на собеседника:

– Я не люблю, парень, когда за мной следят. Учти, если эта пушка случайно бабахнет, никто здесь даже не пошевелится... ну, а ты надолго избавишься от волнений. Так что лучше рассказывай. Зачем ты за мной шел, а?

– Выходит, ты все время знал, что я за тобой иду?

– Конечно! И что с того? – Квадратная Челюсть поиграл пистолетом – Ну, говори!

– Ты вряд ли согласишься, когда я скажу, – склонившись над столом, Моури усмехнулся прямо в оскалившуюся рожу. – Я хочу дать тебе тысячу гильдеров.

– Очень хорошо, – сказал Архава с полным равнодушием, – просто прекрасно. – Его глаза сузились. – И ты готов прямо сейчас полезть в карман и вытащить денежки, не так ли?

Моури кивнул, все еще улыбаясь.

– Несомненно – если ты достаточно храбр, чтобы позволить мне это.

– Не купишь, не на такого напал, – огрызнулся Архава. – Хозяин положения – я, и им останусь, ясно? Давай лезь в карман, но если ты вытащишь пушку, тебе же будет хуже. Ну, давай! А я слежу.

Под дулом нацеленного ему в лоб пистолета Моури сунул руку в правый карман, вытащил пачку новеньких двадцаток и протянул через стол:

– Вот, все твои.

Секунду Квадратная Челюсть смотрел на деньги, выкатив глаза; затем сделал неуловимое движение, и пачка исчезла. Пистолет тоже был убран. Архава откинулся на спинку стула и изучающе уставился на Моури; он казался озадаченным и был полон самых черных подозрений.

– А теперь скажи, парень, чего ты хочешь от меня?

– Ровным счетом ничего, – заверил Моури. – Считай, что это – от твоего поклонника.

– И где же он?

– Перед тобой.

– Но ты ведь меня видишь в первый раз, клянусь пятками Джеймы!

– Я надеюсь узнать тебя получше, – сказал Моури. – Я надеюсь познакомиться с тобой настолько близко, чтобы решить для себя один очень важный вопрос.

– А именно?

– Достоин ли ты получить, – Моури хлопнул себя по карману, – значительную большую сумму.

– Не пудри мне мозги, парень!

– Что ж, прекрасно. Разговор окончен. Приятно было познакомиться. А теперь – двигай на свое место.

– Не бухти! – Облизнув пересохшие губы, Архава осторожно оглядел зал и перешел на шепот: – Сколько?

– Двадцать тысяч, – произнес Моури.

Его собеседник всплеснул руками, будто отбивался от назойливой мухи.

– Ш-ш, не так громко. – Квадратная Челюсть опять настороженно покосился в сторону других посетителей бара. – Ты действительно сказал «двадцать тысяч»?

– Ага.

Архава глубоко вздохнул:

– Кого надо пришить?

– За эту цену – только одного.

– Ты серьезно?

– Я только что дал тебе тысячу гильдеров – куда уж серьезнее. Можешь проверить; перережь горло кому надо и получи гонорар – только и всего.

– И ты говоришь, это только начало?

– Да. Если твои услуги меня устроят, то у тебя и дальше будет работенка. Тут целый список, – Моури снова коснулся кармана, – и за каждого я плачу двадцать тысяч наличными.

Он внимательно поглядел на собеседника, сделал паузу и произнес предостерегающим тоном:

– Если продашь меня Кайтемпи, получишь тысяч десять без всякого риска, но потеряешь выгодную работу и огромные деньги – миллион или даже больше. – Моури снова помолчал и добавил с явным сарказмом: – Не стоит закапывать золотоносную жилу, верно?

– Конечно, нет – если ты не псих и все это правда. – Архава был явно возбужден; Моури почти физически ощущал, как мысли в голове бандита скакали словно блохи на раскаленной сковородке. – А с чего ты взял, что я – профессиональный убийца?

– Это мне неизвестно. Но я догадываюсь, что ты – третий парень и не раз имел дело с полицией... Иначе ты не сидел бы здесь и вряд ли поднял бы мой

пистолет. – Квадратная Челюсть вздрогнул, и Моури засчитал себе очко. – Мне нужен именно такой человек, способный сделать для меня грязную работенку, или, в крайнем случае, познакомить меня с кем-нибудь подходящим... Лично мне все равно, кто займется делом, ты или твой дядюшка Сматси. Отсюда попахивает деньжатами, – Моури в третий раз хлопнул по карману, – и тебе нравится их запах. Но чтобы нюхать их в свое удовольствие, придется пошевелиться.

Архава медленно кивнул, сунул руку в карман и пощупал пухлую пачку двадцаток. В его глазах зажегся странный огонек.

– Я не занимаюсь такими делами, они не совсем по моей части, знаешь ли... К тому же их не провернешь в одиночку. Но...

– Но что?

– Пока ничего. Мне нужно подумать. И обсудить все это с парой друзей.

Моури поднялся.

– Я даю тебе четыре дня, чтобы подобрать команду и обмозговать мое предложение. Но через четыре дня ты должен решить – да или нет. Я буду здесь в такое же время. – Он легко, но властно дотронулся до плеча собеседника. – И учти, я тоже не люблю, когда меня выслеживают. Лучше не ходи за мной, если хочешь стать богатым и дожить до старости.

С этими словами Моури вышел. Архава послушно остался сидеть, в задумчивости глядя на дверь. Через некоторое время он заказал еще один зис. Голос его звучал необычно хрипло.

Бармен, подвинув кружку к локтю Архавы, спросил без особого интереса:

– Твой приятель, Бутин?

– Ага... Некто Дасам Хайн.

Так сириане называли коллегу земного Санта Клауса.

Глава 5

Ранним утром Моури зашел в контору по прокату динокаров и взял машину на имя Морфида Пайса, проживающего в Радине. Это было другое заведение. Он не мог рисковать и пользоваться два раза подряд услугами одного и того же агентства; скорее всего, полиция уже побывала в первом и задала немало вопросов хозяину. Если он снова сунет туда нос, его обязательно опознают и постараются задержать под любым предлогом, а сами бросятся звонить в полицию.

Моури неторопливо выехал из города, внимательно управляя машиной, чтобы случайно не привлечь внимание одного из патрульных динокаров, снующих по трассе. Вскоре он остановился у дерева с причудливой кроной и увидел под ним большой валун, похожий на могильную плиту. Сделав вид, что возится с машиной, он подождал несколько минут, пока дорога не опустела. Затем быстро съехал с обочины на траву и углубился в лес ярдов на пятьдесят.

Потом он вернулся пешком к шоссе и убедился, что машину не видно в зарослях густого кустарника. Ногами и длинной веткой расправил примятую

траву, чтобы скрыть следы колес на въезде в лес. Прodelав все это, Моури быстро двинулся к пещере.

Он добрался туда во второй половине дня. Еще в лесу за полмили до места он почувствовал, как начало пульсировать кольцо на среднем пальце его левой руки. Пульсация усиливалась по мере приближения к тайнику. Теперь он мог не блуждать в чаще, а выйти прямо к цели. Кольцо реагировало на сигнал, излучаемый из контейнера под номером двадцать два. В случае, если бы некий посторонний объект размером с человека оказался в пещере, излучение бы прекратилось.

В пещере было еще кое-что, кроме невидимой системы предупреждения. Возможно, любознательных парней, обнаруживших тайник, заинтересует содержимое хранящихся в нем дюралевых цилиндров, включая тридцатый контейнер. Шутки с ним, несомненно, кончатся таким взрывом, что он будет слышен даже в далеком Пертейне.

Добравшись до тайника, Моури вскрыл контейнер номер два и, пока не зашло солнце, поспешил насладиться настоящим земным обедом. Он не был особенным чревоугодником, но успел проголодаться и, подобно изгнаннику, тосковал по домашней пище. Вкус консервированного ананасового сока показался ему божественным – он растянул маленькую баночку на двадцать минут, смакуя каждую каплю.

Поев, он приободрился; затерянные в космической бездне силы, что стояли за его спиной, теперь казались уже не столь призрачными и далекими.

С наступлением темноты Моури выкатил из пещеры контейнер номер пять и установил его на крошечном пляже у ручья. Высокий серебристо-серый цилиндр был направлен к звездам. Сдвинув сегмент обшивки на его боковой поверхности, Моури извлек маленькую рукоятку, вставил ее в паз около основания цилиндра и с силой надавил. Из контейнера послышалось равномерное успокаивающее гудение.

Он снял с цилиндра верхнюю крышку, для чего ему пришлось приподняться на цыпочки, потом уселся на ближайший камень и застыл в ожидании. Наконец в аппарате что-то щелкнуло и звук стал громче. Моури знал, что теперь цилиндр излучает беззвучные сигналы, которые мчатся все дальше и дальше, преодолевая безбрежные просторы космоса: «Вирруи-дзт-пам! Вирруи-дзт-пам! – Вызывает Джеймек! Вызывает Джеймек!»

Ему оставалось только терпеливо ждать. Передача шла не на Землю, родная планета была слишком далеко для прямой связи. Она предназначалась для космической станции связи и оперативного штаба, которые находились гораздо ближе – возможно, в пределах Сирианской Империи. Он не знал их точного местонахождения и, следовательно, как любил повторять Вулф, не мог выдать эти сведения врагу.

Моури не надеялся на быстрый ответ. Там, на станции, затаившейся в космической тьме, одновременно принимали сотни сигналов на сотнях частот, и линии связи были заняты, пока не закончится обмен информацией с очередными абонентами. Приходилось ждать своей очереди.

Прошло три часа; цилиндр, стоявший на галечном пляже, продолжал издавать еле различимое гуденье. Вдруг наверху, рядом с крышкой, замигал маленький красный огонек.

Проклиная свой маленький рост, Моури на цыпочках потянулся к откинутой верхней крышке и вытащил что-то вроде обычной телефонной трубки. Прижав ее к уху, он произнес:

– Джи Эм на Джеймеке.

Прошло несколько минут, прежде чем ему ответили. Голос в трубке дрожал и прерывался, но это был голос землянина, и слова звучали на родном языке. Моури услышал:

– Готовы записать ваше сообщение. Валяйте.

Моури предпочел бы говорить сидя, но соединительный шнур оказался слишком коротким, и ему пришлось стоять. Не слишком удобно для длительной беседы, поэтому он старался говорить побыстрее. «Осиные истории простака Моури», – подумал он невесело и начал подробно излагать состояние дел. Ответа снова пришлось ждать долго. Наконец голос в трубке прожужжал:

– Прекрасно, вы отлично поработали!

– Да? Что-то мне так не кажется. Я всю планету обклеил бумагой, и никакой реакции!

– Реакция есть, и какая! – возразил далекий голос. Его тембр ритмически менялся пять раз в минуту – в такт со сменой частоты передачи. Эта предосторожность затрудняла перехват сигналов противником. – Нам со стороны виднее.

– И что же вам видно?

– Котел закипает медленно, но верно. Их войска уже очень разбросаны; тем не менее, идет крупное перемещение частей из центра Империи на периферию. Они постепенно выдыхаются и все больше расплывают свои силы, боясь потерять внешние планеты. Чем шире они рассредотачиваются, тем слабее их оборона. Чем слабее оборона, тем легче захватывать их планеты. Подождите, я проверю, какова ситуация у вас. – Голос замолк и через несколько минут раздался снова: – Да, как я и предполагал, они не осмеливаются выводить войска с Джеймека, хотя солдаты очень нужны в некоторых других местах. Возможно, сюда даже будут переброшены дополнительные силы с Диракты. И все из-за вас!

– Что ж, приятно слышать – Неожиданная мысль пришла к нему в голову, и он с надеждой спросил: – Послушайте, кто вам это сообщил?

– Служба наблюдения и расшифровки. Они прослушивают вражеские каналы связи.

– А-а-а... – разочарованно протянул Моури. – Он надеялся услышать еще об одном агенте земной разведки на Джеймеке. Впрочем, если бы даже такой агент и существовал, ему бы об этом не сказали. Они не рискнут давать информацию, которую из него могли бы выжать в Кайтемпи.

– А как быть с удостоверением и штампом Кайтемпи? Вы заберете или оставить их у себя мне?

– Подождите, я выясню.

Передача прервалась больше, чем на час, затем Моури услышал:

– Простите за задержку. Огромные расстояния требуют времени для связи. Вы можете оставить эти вещи у себя. Мы недавно получили такие же – их приобрел один из наших агентов.

– Приобрел? Как?

– Ценой собственной жизни. А что стоило ваше удостоверение?

– Жизни майора Салланы, как я докладывал.

– Да, такие документы обходятся недешево. – Последовала пауза. Затем: – Заканчиваю связь. Удачи!

– Спасибо.

Моури неохотно повесил трубку, выключил передатчик, поставил крышку на место и закатил цилиндр обратно в пещеру. Он был готов до утра слушать все что угодно, лишь бы ощущать невидимую связь с далекой родиной.

– Удачи, – сказал голос в трубке, не подозревая, насколько это слово было привычной и ближе, чем чуждое «долгих лет».

Вскрыв один из контейнеров, Моури вытащил несколько пакетов и небольших свертков; часть он распихал по карманам, другие засунул в холщовую сумку, какие носили сирианские фермеры. Он решил не дожидаться рассвета. Теперь он лучше знал лес и был уверен, что найдет дорогу даже в темноте. Идти будет труднее и дольше, но Моури не терпелось поскорее добраться до машины.

Перед тем, как покинуть пещеру, он нажал потайную кнопку на контейнере номер двадцать два, прекратившем излучение, как только Моури очутился в своем тайнике. Через минуту невидимый барьер, который никто не мог преодолеть незаметно, будет восстановлен.

Он быстро вышел из пещеры, нагруженный тяжелыми свертками, и к тому времени, когда кольцо на среднем пальце снова начало пульсировать, успел пройти ярдов тридцать. Моури медленно пробирался вперед, осторожно нащупывая путь. По мере удаления от пещеры пульсация ослабевала; наконец, когда он отошел на восемьсот ярдов, она прекратилась совсем.

После этого ему пришлось, по крайней мере, сотню раз сверяться с компасом, вглядываясь в слабо люминесцирующий циферблат. К шоссе Моури вышел в полумиле от машины – вполне приемлемое отклонение для двадцатипятимильного перехода, две трети которого проделаны в темноте. Через два часа после рассвета он добрался до места; глаза у него слезились от напряжения, ноги болели. Он с облегчением влез в машину, незаметно вывел ее из леса и покатил по шоссе и ненадежному убежищу, которое считал своим домом.

День, на который он назначил randevu Архаве, начался довольно примечательно. По радио и телевидению, через газеты и систему оповещения населения правительство выступило с одним и тем же объявлением. Моури услышал, как загрохотал громкоговоритель за два квартала от его дома; пронзительные крики разносчиков газет раздавались на улице. Спустившись вниз,

он купил газету и прочитал ее за завтраком.

«В соответствии с Актом о военном положении приказом Министерства обороны Джеймека устанавливается: все организации, общества, партии и прочие корпоративные союзы должны пройти регистрацию в Центральном регистрационном бюро Пертейна не позднее двадцатого числа сего месяца. Их руководителям необходимо в деталях указать цели и задачи соответствующих организаций, обществ, партий и других корпоративных союзов, сообщить адреса, по которым проводятся собрания, и полный список членов.

В соответствии с Актом о чрезвычайных полномочиях правительства в военное время и настоящим приказом Министерства обороны Джеймека устанавливается: после двадцатого числа сего месяца любая организация, общество, партия, союз, не прошедшие регистрацию по каким-либо причинам, в соответствии с вышеизложенным приказом будут считаться нелегальными. Членство в нелегальной организации, оказание помощи и сочувствие любому из ее членов будет считаться преступлением против государства и караться смертной казнью».

Итак, они наконец-то сделали ответный ход. Дирак Ангестун Гесепт должна либо официально заявить о своем существовании, либо подвергнуться уничтожению. С помощью простой законодательной уловки они расставили хитроумную ловушку, оставив только две возможности: смерть или моральное уничтожение. Этот психологический трюк выбьет всех слабых и колеблющихся из рядов ДАГ.

У слабых развяжутся языки. Они заговорят. Они выдадут одного за другим всех членов от рядовых до главарей. Смертельная болезнь поразит партию; гниль, появившись в одном месте, распространится на весь организм, уничтожая его. Так обстоят дела – по крайней мере, в теории.

Ухмыльнувшись, Моури еще раз перечитал сообщение, наслаждаясь каждым словом. Правительству придется попотеть, пока оно отыщет провокаторов в рядах ДАГ. Не очень-то много информации можно выжать из людей, которые даже не подозревают о своем членстве в Партии Свободы Сириуса. В несуществующей армии предателей не бывает.

Например, Бутин Архава нанят партией – и с хорошим жалованьем, надо заметить, – но даже не подозревает об этом. Никто не счел нужным ему об этом сказать. Кайтемпи может схватить его и разрезать на куски – но палачи не услышат ни одного слова о Партии Свободы Сириуса.

В середине дня Моури заглянул в Центральное регистрационное бюро. Как и следовало ожидать, очередь тянулась от двери до самого барьера, за которым два надменных чиновника выдавали бланки. Очередь, состоящая из руководителей и служащих торговых союзов, обществ любителей зиса, видеоклубов и других всевозможных организаций, продвигалась медленно. Худощавый старик, скучавший в конце очереди, был региональным секретарем Сирианской ассоциации любителей ящериц. Коренастый толстяк, пыхтевший перед ним, представлял пертейнский клуб ракетомоделистов. Никто во всей очереди, казалось, не был способен даже плюнуть в спакума, не то что заниматься антиправительственной деятельностью.

Встав в очередь, Моури обратился к тощему старику:

– Ну и чушь придумали, правда?

– Ага, одной Джейме известно, зачем это нужно.

– Вероятно, хотят выделить граждан с особыми талантами, – предположил Моури, – радиолюбителей, фотографов и прочих в том же духе. Правительство могло бы с толком использовать людей с техническими познаниями в военное время.

– Так бы прямо и сказали, – нетерпеливо перебил его старик. – Опубликовать список профессий и заставить всех зарегистрироваться – только и всего.

– Да, пожалуй, вы правы.

– Наша ассоциация интересуется ящерицами. Чем мы можем быть полезны?

– Понятия не имею. А чего в них вообще интересного – в ящерицах?

– Вы когда-нибудь пробовали за ними наблюдать?

– Нет, – признался Моури без особого стыда.

– Тогда вам не понять, какое это захватывающее занятие.

Толстячок повернулся и произнес с чувством собственного превосходства:

– Мой клуб строит модели ракет.

– Детские забавы, – огрызнулся старик.

– Это вы так думаете. Но любой из наших парней – потенциальный инженер-ракетчик, а во время войны такие ребята – ценный товар.

– Продвигайтесь, – сказал старик, подтолкнув его в спину.

Они сделали несколько шагов вперед. Старик спросил Моури:

– А ваши чем занимаются?

– Гравировкой по стеклу.

– Ну, это высокое искусство! Я видел несколько очень красивых работ. Но слишком роскошных и дорогих. Такие вещи недоступны человеку со средним достатком. – Он громко фыркнул. – Как могут способствовать граверы по стеклу нашим победам?

– Попробуйте догадаться, – отозвался Моури.

– Возьмем ракеты, – снова встрял толстячок. – Уж они-то необходимы в космической войне и...

– Продвигайтесь, – снова скомандовал старик.

Они добрались до барьера, на котором громоздились стопки бланков, и получили по одному. Затем каждый двинулся в свою сторону, а очередь из вновь пришедших все тянулась и тянулась от двери к барьеру. Моури отправился на главпочтамт и, присев за свободный стол, аккуратно и четко заполнил бланк. Он получил особое удовольствие, используя для этого государственные чернила и государственную ручку.

Название организации: «Дирак Ангестун Гесепт».

Цель организации: «Уничтожение существующего строя и прекращение войны с Землей».

Обычное место собраний: «Любое, где Кайтемпи не сможет нас найти».

Список членов: «Шутить изволите!»

Подпись: «Джейма Шалапутра».

Последнее заставит кое-кого посинеть от злости. Это было рассчитанное оскорбление глубоко почитаемого священного изваяния Джеймы. В вольном переводе подпись звучала как «Джейма Каменная Задница».

Моури купил конверт и уже собрался отослать свое творение в бюро, когда ему пришла в голову еще одна мысль. Он взял заполненный бланк, вернулся в квартиру и с помощью украденного в Радине штампа украсил его печатью Кайтемпи. В таком виде он его и отправил.

Эта затея доставила ему огромное удовольствие. Еще месяц назад было бы чистым ребячеством тратить время на подобные проделки: на письмо, скорее всего, не обратили бы внимания, посчитали бы выходкой сумасшедшего. Но теперь – другое дело. Власти обнаружили свою озабоченность, если не страх. В таком настроении вряд ли они игнорируют его послание. Пожалуй, этот издевательский выпад только подогреет их гнев, что пойдет на пользу дела, так как в ярости человек не способен трезво оценивать ситуацию и мыслить логически.

Тот, кто затеял бумажную войну, использует бумажное оружие – и оно с течением времени может стать не менее разрушительным, чем взрывчатка. Однообразие материала отнюдь не ограничивает выбор тактики. Бумага может содержать замаскированное предупреждение, открытую угрозу, тайный иску, призыв к неповиновению; бумага – это плакаты на стенах, наклейки на окнах, листовки, тысячами разбрасываемые с крыш, карточки, оставленные на сиденьях автобусов или незаметно засунутые в карманы... наконец, деньги.

Да, деньги.

За деньги можно купить дела, подтверждающие слова. Эти разноцветные клочки бумаги заставят сири уничтожать друг друга, избавляя землян от подобной неприятной обязанности.

В назначенный час он отправился в бар «Сузун».

Оказалось, однако, что власти пока что вполне способны оценивать ситуацию и мыслить логически. Ответный удар не ограничивался утренним распоряжением. Они пошли гораздо дальше, организовав облавы на улицах.

Моури чуть не попался с первого же раза. К счастью, ему удалось увернуться, но праздновать успех было рано: избежав одной ловушки, он рисковал попасть в другую. Шансы на печальный исход были велики, так как главная опасность заключалась в непредсказуемости следующего удара.

Он шел к месту назначенной встречи, когда улицу вдруг перегородила цепь полицейских. Вторая цепь выстроилась в четырехстах ярдах за первой. В онемевшую толпу, оказавшуюся в оцеплении, врезалось несколько человек в гражданском – несомненно агентов Кайтемпи. Они тут же начали с профессиональным искусством обыскивать всех, кто попал между двумя кордонами. Тем временем полицейские внимательно следили, чтобы никто не нырнул в подъезд и не сбежал через черный ход.

Возблагодарив судьбу за то, что оказался вне зоны обыска, Моури повернул назад и заспешил домой. Поднявшись в квартиру, он сжег все документы на имя Ши́ра Агавана и растер пепел в пыль.

Все. С этой личностью отныне и во веки веков покончено, аминь! Больше он никогда не воспользуется столь звучным именем.

Распечатав один из свертков, Моури достал новые документы, удостоверявшие, что их владелец – Крег Вулкин, специальный корреспондент одного из ведущих информационных агентств Диракты. В некотором отношении его новая легенда была лучше предыдущей. Она вполне объясняла его машамский акцент. К тому же проверка этих документов займет целый месяц, так как придется запрашивать метрополию.

Вооруженный новыми бумагами, он снова вышел из дома. Хотя Моури в какой-то степени обезопасил себя на тот случай, если ему придется отвечать на каверзные вопросы, риск, что они будут заданы, значительно возрос. Он шел по улице, и странное предчувствие попавшего в облаву зверя овладело им.

Какую цель преследовала Кайтемпи, устраивая повальные обыски? Возможно, ее руководители надеются выловить распространителей подрывных материалов? Или они ищут «соко» – предателей, организовавших ДАГ? А может быть, таким образом пытались изловить мифического Ши́ра Агавана, на чье имя был взят динокар? Но, как бы там ни было, ясно одно: кто-то из джеймекских шишек потерял терпение.

К счастью, до бара он добрался без приключений. Он сразу заметил Архаву, который сидел с двумя приятелями за дальним столиком. Их скрывал полумрак, но сами они прекрасно видели всех входящих.

– Ты опоздал, – в тоне Архавы одновременно послышались упрек и почтительность, пропорциональная размерам предполагаемой сделки. – Мы думали, ты уже не придешь.

– Меня задержала облава. Полиция свирепствует. Вы что, ребята, взяли банк или похитили любимую наложницу военного министра?

– Нет, мы тут ни при чем. – Архава покачал головой и ткнул пальцем в своих компаньонов: – Познакомься – Гурд и Скрива.

Моури слегка кивнул, внимательно рассматривая головорезов. Они были очень похожи, скорее всего – братья. Плоские лица, тяжелый взгляд, заостренные уши плотно прилегают к черепу. Судя по виду, каждый готов продать другого в рабство, если за это хорошо заплатят.

– Мы не слышали твоего имени, – процедил Скрива, ощерившись. У него были редкие острые зубы.

– И не услышишь, – ответил Моури.

– Да ну? – взвился Гурд.

– Это вас не должно волновать, – сказал Моури. – Если твой котелок варит хоть немного, тебе должно быть ясно – не имеет значения, кто снабжает гильдерами: важно, что они есть.

– Да, он прав, парни, – вступил в разговор Архава; глаза у него заблестели. –

Деньги остаются деньгами, откуда бы они ни появились. Заткнитесь.

– Мне просто хотелось знать, – смущенно промямлил Гурд.

Архава продолжил разговор с настойчивостью дельца, почувявшего выгодную сделку:

– Я рассказал парням о твоём предложении. Они заинтересовались – Квадратная Челюсть повернулся к приятелям. – Не так ли?

– Ага, – кивнул Скрива и уставился на Моури. – Тебе нужно кого-то пришить. Так?

– Мне нужно убрать одного человека; каким способом – меня не интересует.

– Что ж, это мы можем... – На его лице появилось выражение такой свирепости, что Моури понял: этот тип еще в младенчестве был достойным клиентом для тюрьмы.

Затем Скрива добавил:

– За пятьдесят тысяч.

Глубоко вздохнув, Моури встал и шагнул к двери.

– Долгих лет!

– Вернись! – Скрива вскочил, замахав руками.

Архава был явно напуган и выглядел так, словно любимый дядюшка неожиданно лишил его богатого наследства. Гурд нервно облизнул губы.

Открыв дверь, Моури остановился на пороге:

– Ну что, будем говорить серьезно или нет?

– Конечно, – взмолился Скрива. – Я просто пошутил! Иди сюда, садись!

– Принеси-ка нам четыре зиса, – обратился Моури к бармену, скучавшему за стойкой. Затем он вернулся за столик. – Только без глупых шуток. У меня нет чувства юмора.

– Забудем об этом, – с готовностью предложил Скрива. – У нас есть несколько вопросов.

– Выкладывай, – милостиво разрешил Моури. Он взял у официанта кружку с зисом, глотнул и покровительственно посмотрел на Скриву.

Тот спросил:

– Кого нам нужно прихлопнуть? И как мы получим деньги?

– Для начала займитесь полковником Хейгом Ридарта. – Моури нацарапал что-то на листке бумаги и протянул его Скриве. – Тут его адрес.

– Ясно, – произнес тот, взглянув на листок. – А деньги?

– Пять тысяч – сейчас, в знак моего доверия; остальные – когда дело будет сделано. – Моури остановился и предостерегающе поднял палец. – Но вашего отчета мне недостаточно. Об убийстве должны сообщить в новостях, а до тех пор я не дам ни гроша.

– Не очень-то нам доверяешь, да? – сказал Скрива, нахмурившись.

– Не больше, чем следует.

– Мы тоже.

– Послушайте, – произнес Моури, стараясь говорить убедительно, – нам придется иметь дело друг с другом, нравится это вам или нет. У меня имеется длинный список. Если вы справитесь с первым заданием и я вас обману, полагаю, вы не будете работать дальше, ведь так?

– Да.

– Вы можете меня заложить, но тогда денег вам не видать – больших денег. Намного больше, чем заплатят в Кайтемпи за десяток таких, как я. Понимаете? Я плачу намного щедрее, чем Кайтемпи, парни. Вы что, не хотите разбогатеть?

– Мне противно даже помыслить о такой глупости, – заверил Скрива. – А где же пять тысяч?

Моури передал под столом пакет. Трое головорезов, шурша бумажками, пересчитали деньги. Затем Скрива поднял голову, лицо его раздурмянилось.

– Считаю, ты нас купил. Кто этот соко, Хейг Ридарта?

– Один жук, который слишком зажился на этом свете.

Тут было не слишком много правды. В справочнике Хейг Ридарта значился как командир отряда космической обороны. Но его имя упоминалось в одном письме, которое Моури нашел в квартире Свиного Рыла. Очевидно, Хейг Ридарта был сотрудником Кайтемпи, в чине не ниже старшего офицера; следовательно, он являлся весьма подходящей кандидатурой для намеченной акции.

– Почему тебе захотелось его убрать? – спросил Гурд, все еще надутый и подозрительный.

Прежде чем Моури успел ответить, Слива зашипел на него:

– Заткнись! Это не твоя забота. Ты можешь не раскрывать пасть хотя бы за двадцать тысяч?

– Мы их еще не получили, – резонно заметил Гурд.

– Получите, не сомневайтесь, – успокоил его Моури. – И даже намного больше. В тот день, когда газеты или радио сообщат о смерти Хейга Ридарты, я приду сюда в это же время, принесу пятнадцать тысяч и сообщу имя следующего клиента.

– Да уж, советую тебе не задерживаться, – сердито пробурчал Гурд.

У Архавы был свой интерес:

– А какая доля пойдет мне – за то, что я нашел ребят?

– Не знаю. – Моури повернулся к Скриве – Сколько вы собираетесь ему дать?

– Кто? Я? – Скрива был очень удивлен.

– Да, ты. Этот господин хочет получить комиссионные. Или, по-твоему, я должен ему платить из своего кармана? Думаешь, я печатаю деньги?

– Кому-то из вас придется раскошелиться, не то... – начал Архава, и это была его роковая ошибка.

Скрива наклонился к нему, дыша прямо в лицо:

– Не то – что?

– Ничего, – просипел Архава, отпрянув – Абсолютно ничего.

– Так-то лучше, – одобрил Скрива; в его голосе зазвучали стальные ноты. –

Так намного лучше. Сиди тихо, будь умницей, Бутин, и тебе достанутся крошки с нашего стола. Если начнешь суетиться, не сможешь проглотить даже крошек. Боюсь, ты уже очень близок к этому. А ведь как плохо, когда парень не может глотать. Тебе бы это не понравилось, правда, Бутин?

Архава сидел неподвижно, прикусив язык. На лице у него проступили багровые пятна.

Снова наклонившись к нему, Скрива прошипел:

– Кажется, я задал тебе вопрос? Тебе бы это не понравилось, а?

– Нет, – хрипло ответил Архава, отодвигаясь вместе со стулом, чтобы оказаться подальше от жуткой физиономии Скривы.

Моури решил, что, пожалуй, наступило время удалиться. Он даже набрался смелости сказать Скриве:

– Смотри, никаких фокусов, если хочешь остаться в деле.

С этими словами он вышел. Но не думал, что кто-то из бандитов рискнет пойти за ним. Они побоятся отпугнуть такого клиента – лучшего из лучших за всю историю существования преступности на Джеймеке.

Моури шел быстрым шагом, обдумывая результаты встречи. Он решил, что поступил мудро, не проявив особой щедрости. Вряд ли бандиты станут больше его уважать, если он начнет швырять деньгами направо и налево – что он вполне мог себе позволить в случае необходимости. Они будут торговаться, попытаются выжать максимальную сумму, что в конце концов приведет только к раздорам.

Пожалуй, он поступил верно, не выделив ничего для Архавы и оставив их препираться из-за денег. Показательная реакция. Группа, даже такая маленькая, сильна настолько, насколько сильно ее слабое звено. Любой из них, готовый заложить всех Кайтемпи, мог сорвать операцию. Очень важно заранее обнаружить потенциального предателя. И тут поведение Бутина Архавы вселяло опасения: «Кому-то придется раскошелиться, не то...»

Проверить эти подозрения можно будет только тогда, когда деньги будут заплачены и сообщники поделят добычу. Ну что ж, если обстоятельства потребуют, его список несколько изменится; следующим в нем будет Бутин Архава. Моури не чувствовал ни жалости, ни угрызений совести. Для него все сириане оставались врагами, и ни один не был ни хуже ни лучше другого.

Моури двигался к дому, погруженный в свои размышления и не замечая ничего вокруг. Он уже решил, что, пожалуй, придется перерезать Архаве горло, когда тяжелая лапа внезапно опустилась на его плечо и чей-то голос рывкнул прямо в ухо:

– Руки за голову, мечтатель! Сейчас посмотрим, что у тебя в карманах. Пошевеливайся! Ты что, глухой? Руки за голову, я сказал!

В состоянии шока он поднял руки и почувствовал, как чьи-то пальцы умело ощупывают его одежду. Рядом с ним стояли в той же позе сорок или пятьдесят застигнутых врасплох прохожих. В ста ярдах от них улицу перегородила шеренга флегматичных полицейских. С другой стороны маячила точно такая же равнодушная цепь. На этот раз он угодил прямо в ловушку.

Глава 6

Моури стоял с поднятыми руками; мысли лихорадочно метались у него в голове. Слава Богу, он избавился от денег, было бы трудно объяснить, зачем у него при себе такая сумма. Если эти типы ищут Шира Агавана, то им крайне не повезло. В любом случае, нельзя допустить, чтобы его забрали для выяснения личности. Если только это возможно... Большинство из тех, кому удалось пережить допросы в Кайтемпи, остались калеками. Придется оглушить мерзавца, который его обыскивает, и мчаться, как ветер, полагаясь на удачу. Смерть от пули полицейского быстрее и легче, чем в камере пыток...

– О! – перебил его мысли громкий возглас. Тип в штатском, проводивший обыск, держал открытый бумажник Моури, разглядывая удостоверение Свинорылого. Суровое выражение исчезло с его тяжелого лица, словно его стерли тряпкой. – Один из наших? Офицер? – Он внимательно посмотрел на Моури. – Но я вас не знаю.

– И не можете знать, – высокомерно произнес Моури. – Я только сегодня прибыл из штаба на Диракте. – Он скорчил гримасу. – И вот какой прием меня ожидал!

– Ничего не поделаешь, – извиняющимся тоном объяснил агент. – Подрывную деятельность нужно подавить любой ценой, а здесь, как и на других планетах, это реальная угроза. Вы же знаете, как обстоят дела в Диракте, – так вот, на Джеймеке не лучше.

– Ситуация вскоре изменится, – авторитетно заявил Моури. – В ближайшем будущем мы планируем большую чистку. После нее хлопот поубавится. Движение недовольных захлебнется, если покончить с руководителями. Когда отрубают голову, тело умирает.

– Надеюсь, вы правы. Нам хватит войны со спакумами, и ни к чему лишняя возня с предателями в тылу.

Он закрыл бумажник и протянул его Моури. В другой руке агент держал документы на имя Крега Вулкина, в которые он даже не заглянул. Подождав, пока Моури засунет бумажник в карман, он вернул ему остальные бумаги и ухмыльнулся:

– Держите ваши фальшивые документы.

– Ничто, выданное в законном порядке, не может быть фальшивым, – сказал Моури, неодобрительно нахмурившись

– Да, конечно, я просто не подумал. – Агент стушевался, стараясь побыстрее закончить разговор. – Простите, что пришлось подвергнуть вас обыску. Я рекомендую вам как можно скорее зарегистрироваться в местном штабе, чтобы они разослали вашу фотографию и мы знали бы вас в лицо. Иначе вас будут часто останавливать и обыскивать.

– Я так и сделаю, – пообещал Моури, не в силах представить что-либо менее соответствующее его намерениям.

– Простите, но я должен заняться другими. – Агент кивнул ближайшему полицейскому и переключил внимание на человека с кислой физиономией, который ожидал обыска. Тот неохотно поднял руки и позволил агенту обшарить его карманы.

Моури направился к цепи полицейских; они разомкнулись и дали ему пройти. В такие минуты, подумал он, необходимо сохранять невозмутимость и спокойствие, излучая неколебимую самоуверенность, которой он, кстати, вовсе не испытывал.

Он прошел ярдов шестьсот и находился уже на углу, когда какое-то инстинктивное предчувствие заставило его оглянуться. Полицейские все еще блокировали улицу, а за их цепью собрались четыре агента Кайтемпи и что-то обсуждали. Один из них – тот самый, что выпустил Моури, – показал в его сторону. Остальные трое повернули головы, потом продолжили спор, яростно жестикулируя. Им потребовалось еще десять секунд, чтобы принять решение:

– Остановите его!

Полицейские в шеренге начали с удивлением озираться; глаза их пытались обнаружить убегающего преступника. Моури почувствовал, как напряглись ноги; он был готов припустить вперед на максимальной скорости. Усилием воли он заставил себя идти ровным шагом.

На улице скопилось довольно много народу; одни глазели на проверку, другие торопились туда же, куда двигался сам Моури. Большинство старались не обращать внимания на происходящее и поскорее унести ноги. Моури шел вместе со всеми, спокойно и не спеша. Такая тактика обманула полицейских; в течение нескольких драгоценных секунд они не шевелились, сжимая оружие и пристально всматриваясь в толпу, чтобы определить виновника переполоха.

Это позволило Моури выиграть время, повернуть за угол и скрыться из виду. В тот момент агенты Кайтемпи наконец сообразили, что полицейские ничего не понимают. Потеряв терпение, они сами бросились в погоню. Полдюжины стражей порядка тяжело топали сзади, все еще не представляя, почему и за кем идет погоня.

Поравнявшись с молодым парнем, который неспешно брел по тротуару, Моури хлопнул его по спине:

– Быстрее! Они гонятся за тобой! Кайтемпи!

– Почему? Я же ничего не...

– Это ты им потом скажешь! Беги же, дурак!

Юноша колебался несколько мгновений – пока не услышал приближающийся тяжелый топот и вопли преследователей, которых пока скрывал угол дома. Он побледнел и рванул по улице с такой скоростью, что мог спокойно обогнать зайца.

Моури не спеша вошел в ближайшую лавчонку – это была кондитерская. Ткнув пальцем в сторону полок, он как ни в чем не бывало, попросил:

– Дайте, пожалуйста, десять вон тех пирожных с орехами и еще...

Пятьдесят служителей закона выскочили из-за угла. Они промчались мимо

магазина, издавая торжествующие вопли. Моури понял, что полицейские заметили бегущего человека, и с видом полного недоумения уставился в окно. Толстый сирианец за прилавком тяжело вздохнул.

– Что происходит? – спросил Моури.

– Гонятся за кем-то, – поставил диагноз Толстячок. Он снова вздохнул и почесал выпирающее брюшко. – Они вечно за кем-нибудь гонятся. Ну и жизнь! Ну и война!

– Не сладко теперь приходится, верно?

– О, да! Каждый день, каждую минуту что-нибудь происходит. Если верить новостям, вчера вечером мы разбили спакумские космические силы в десятый раз. Сегодня мы преследуем остатки флота, который был уничтожен вчера. В течение нескольких месяцев мы с триумфом отступали под натиском полностью деморализованного противника... – Он с отвращением махнул пухлой рукой и вздохнул в третий раз. – Простите, я слишком толстый, и мозги у меня заплыли жиром. Вы, кажется, что-то просили?

– Десять пирожных с жареными орехами.

Последний полицейский тяжелой трусцой продолжал погоню из чистого упрямства. На бегу он для важности два раза выпалил в воздух.

– Вы понимаете, что я имею в виду? – сказал Толстячок. – Итак, вы просили...

– Десять этих маленьких пирожных с жареными орехами. Еще я хочу заказать особый праздничный торт, который должен быть готов через пять дней. Возможно, вы покажете мне образцы или что-нибудь порекомендуете?

Моури ухитрился провести в лавочке минут двадцать, что стоило ему несколько лишних гильдеров. Он мог бы проболтать с хозяином еще дольше, но по его расчетам за двадцать минут погоня ушла достаточно далеко. Не имело смысла больше тянуть время, так можно попасть в руки раздосадованных полицейских, когда они вернуться, чтобы прочесать район.

На полпути домой он едва поборол искушение отдать пирожные мрачному блюстителю порядка, который попался ему навстречу. Но время детских игр прошло, и нужно было соблюдать осторожность. Чем чаще ему приходилось уворачиваться от ударов правительственной мухобойки, тем меньше удовольствия он получал от роли «осы».

В своей комнате Моури не раздеваясь бросился на постель и попытался подвести итоги дня. Он выбрался из капкана, но был на волосок от гибели. Можно было только догадываться, что заставило агентов Кайтемпи броситься за ним. Возможно, вмешательство какого-то начальника, заметившего, как он прошел через кордон.

– Кого это вы отпустили?

– Офицера, капитан.

– Что вы хотите сказать? Какой еще офицер?

– Офицер Кайтемпи, капитан. Я его не знаю, но удостоверение у него в порядке. Он сказал, что только что прибыл с Диракты.

– Удостоверение, да? А вы запомнили номер?

– Когда ж я успел? Да оно подлинное, не сомневаюсь. Попробую вспомнить да, кажется СХВ80313... или, может быть, СХВ80181... Я не уверен.

– Удостоверение майора Салланы значилось под номером СХВ80131! Ты, безмозглый соко, в твоих руках был убийца майора!

– ОСТАНОВИТЕ ЕГО!

Если все так и было, они поймут, что упустили настоящего убийцу Салланы. До сих пор полицейские даже не представляли, где начать поиски; им была известна лишь мифическая таинственная ДАГ. Теперь у Кайтемпи есть три важные нити. Они знают, что убийца в Пертейне. У них есть его описание. Один из агентов Кайтемпи может его опознать.

Другими словами, ему придется туго. Бесчисленные глаза станут выслеживать любого человека, похожего на него. Участься облавы, сети начнут расставляться все шире и затягиваться все плотнее. А ему тем временем придется ходить по улицам, таская в карманах такие вещи, от которых у Кайтемпи потекут слюнки. Нужно будет посещать бар «Сузун», имея при себе кучу денег, и в случае обыска вряд ли удастся доказать, что это милостыня для нищих.

Итак, по крайней мере в Пертейне, от пыточной камеры его отделяет теперь всего один шаг. Моури даже застонал. Он никогда не требовал от жизни слишком многого... Так, пустяки: небольшой дворец, уютный диван, на котором он мог бы растянуться под опахалами преданных слуг... и этого хватит. Но оказаться в сирианской камере смертников... полузамерзшим да к тому же выкрашенным в цвет переспелой сливы... Нет, знаете ли, не и тому он стремился всю жизнь.

Чтобы немного отвлечься от мрачных мыслей, он вспомнил обрывок разговора: «Подрывная деятельность... подавить любой ценой... реальная угроза. Вы знаете, как обстоят дела на Диракте... на Джеймсе не лучше».

Это говорило о многом: он понял, что Дирак Ангестун Гесепт не просто нелепая выдумка Вулфа, состряпанная специально для администрации Джеймена. Нет, у партии был имперский размах; ее деятельность велась более чем на ста планетах, она обладала колоссальной мощью – вернее, псевдомощью – на Диракте, в сердце Сирианской Империи. Ее влияние было в сто раз больше, чем казалось ему с этой отдаленной периферийной планеты. Для сирианских властей партия представляла огромную опасность, подстерегающую у задней двери, пока земляне пытаются высадить переднюю.

Чудесно! Дуйте в трубы, бейте в литавры! Значит другие «осы» тоже усердно трудятся, и хотя их разделяют чудовищные расстояния, они делают общее дело.

Какой-то важный чин из Штаба верховного командования – психолог или законченный циник – сообразил, что жесткие порядки сильно остудили патриотический пыл гражданского населения. Непрерывный поток чрезвычайных приказов, декретов, постановлений, запретов, служебное рвение агентов полиции и Кайтемпи, обыски, проверки, допросы – все это привело к той вялой, пессимистической покорности, которую продемонстрировал Толстячок из кондитерской. Упавший боевой дух требовалось как-то поднять. Что ж, если у граждан есть хлеб, следовательно, им недостает зрелищ.

Для восполнения этого недостатка было разыграно целое шоу. Радио,

телевидение и газеты дружно взялись за дело.

«Великая победа в секторе Центавра!

Вчера крупные космические силы землян были блокированы в районе Альфы Центавра. Яростно атакуя, они пытались вырваться из окружения. Четвертый, шестой и седьмой имперские флоты неожиданным маневром отрезали им путь и отступлению. Враг понес колоссальные потери. Данные уточняются, пока известно, что мы потеряли четыре фрегата и легкий крейсер; всех членов экипажей удалось спасти. Уничтожено более семидесяти кораблей противника».

Это сообщение постоянно звучало в эфире; победные репортажи заполнили газеты. Прилагались фотографии фрегата «Хашим» и тяжелого крейсера «Джеймек», снимки членов их экипажей, сделанные год назад во время отпуска; портрет генерала Пент Гурхана, приветствующего одного из промышленных воротил; статуя Джеймы, бросающая тень на распростертое у подножия знамя Земли; и наконец настоящий шедевр – фотография пятисотлетней давности, запечатлевшая группу хмурых, ободранных бандитов с монголоидным разрезом глаз, снабженная подписью: «Космонавты с Земли, спасенные нашими парнями из подбитого и потерявшего управление корабля».

Один обозреватель мастерски возместил недостаток фактов патетическим описанием героизма космических десантников, спасших землян от смерти в ледяном мраке космоса, растянув его на половину газетного листа. В конце отмечалось, что недостойным землянам очень повезло с противником – столь самоотверженным и благородным.

Моури прочел весь этот хлам, но так и не решил, что это: подтасовки или откровенная, стопроцентная ложь. Пренебрежительно фыркнув, он пролистал газету, не надеясь найти что-либо стоящее. Но на последней странице оказалась маленькая заметка:

«Полковник Ридарта, командир семьдесят седьмого космического отряда сил обороны, прошлой ночью найден мертвым в своей машине. Он был убит выстрелом в голову. Пистолет, из которого произведен выстрел, обнаружен рядом с машиной. Версия о самоубийстве отпадает. Ведется расследование».

Итак, тандем Гурд – Скрива не терял времени даром. Да, деньги – замечательная штука, особенно если земные печатные станки могут производить их в неограниченном количестве и с небольшими затратами. Деньги – страшное оружие, способное наносить врагу потери за миллионы миль от линии фронта.

Эта неожиданная исполнительность создавала новые затруднения. Чтобы продолжить столь успешно начатое сотрудничество, нужно поскорее расплатиться, но на дороге к кафе его может снова подстергать ловушка. И теперь его не спасет удостоверение Свинорылого, хотя за пределами Пертейна оно еще может быть полезным. Документы на имя Крега Вулкина, специального корреспондента, в полном порядке, но если его обыщут и найдут деньги, – пиши пропало.

Пока он колебался, Верховное командование Джеймса решило эту проблему за него. Оно затеяло грандиозное представление – парад победы. Под трубы и барабаны трех оркестров плотная колонна войск, танков, самоходных орудий,

передвижных радарных установок, огнеметов, ракетных батарей и другой боевой техники вошла в Пертейн с запада и с лязгом и скрежетом двинулась на восток.

Вертолеты и реактивные самолеты плыли над самыми крышами домов, стремительные космические разведчики кружили на головокружительной высоте. Тысячи горожан высыпали на улицы, приветствуя войска скорее по привычке, чем из энтузиазма.

Моури понял – этот шанс послан ему свыше. Облавы могут устроить на периферийных улицах и в городских трущобах, но их не будет на главном проспекте, пересекающем Пертейн с востока на запад, по которому движется вся эта впечатляющая выставка. Стоит ему добраться до проспекта – и он может выехать из города. Он начнет действовать в других местах, пока не настанет время снова сосредоточить внимание на столице.

Моури заплатил своему угрюмому домохозяину за два месяца вперед, что вызвало у того только радостное удивление. Проверив, на месте ли его фальшивые документы, он торопливо засунул в чемодан пачки гильдеров, запас свежих листовок, несколько небольших свертков и наконец вышел из дома.

На пути к центру города ловушек не оказалось: полицейские не могли всюду поспеть. Затерянный в толпе зевак, он шел со своим чемоданчиком по проспекту, идти было трудно. Толпа запрудила тротуар до самых домов. Время от времени ему приходилось проталкиваться за спинами поглощенных зрелищем людей.

По дороге ему часто попадались забитые досками витрины – те, что он украсил своими листовками. В некоторых стекла уже заменили, и Моури по пути шлепнул на них двадцать семь прокламаций, пока потенциальные свидетели тянулись на цыпочках, чтобы лучше видеть процессию. Одну листовку он прилепил на широченную, ровную, как стена, спину полицейского: искушение было слишком велико. Бравый страж порядка зачарованно глядел на колонну танков и не обратил внимания на слабый нажим сзади, а в результате был украшен транспарантом от плеча до плеча:

«Кто заплатит за эту войну?

Те, кто ее начал.

Они расплатятся своими деньгами и своими жизнями.

Дирак Ангестун Гесепт».

Через три часа толкотни и давки он добрался до предместий. Хвост процессии все еще шумно тянулся. Зрителей заметно поубавилось, хотя самые рьяные продвигались вместе с войсками.

Дома здесь были слишком шикарными, чтобы привлечь внимание полиции и Кайтемпи. За ними начинались поля, и проспект переходил в шоссе, ведущее в Радин. Моури шел по нему вслед за замыкающими процессию войсками, пока колонна солдат и машин не повернула налево, в сторону Камасты, где находилась крупная военная база. Зеваки отстали. Сжимая ручку чемодана, Моури шагал в сторону Радина.

Настроение у него было паршивое. Он никак не мог отвязаться от мысли, что его выжили из города, и это ему не нравилось. Казалось, с каждым своим шагом

он отступает дальше и дальше, сдает позиции противнику. Он предпочел бы встретить опасность лицом и лицу, а не избегать ее. Но выбора не было.

В разведшколе ему не раз повторяли: «Возможно, собственное упрямство приводит вас в восторг. Ну что ж, в одних обстоятельствах это качество называют отвагой, в других – глупостью. Нам не нужен бессмысленный героизм. Никогда не забывайте об осторожности, даже если она выглядит как трусость. Настоящее мужество – это способность преодолеть собственный характер ради выполнения задания. Именно этого мы хотим от вас. Мертвый герой не может быть полезен своей родине».

Хм! Легко сказать, но нелегко сделать! Погруженный в невеселые размышления, он подошел к металлической табличке на обочине. На ней значилось: «Радин – 33 дена». Моури осмотрелся – дорога была пуста. Достав из чемодана небольшой пакет, он зарыл его у основания столбика.

В тот же вечер он въехал в самый дорогой отель Радина. Если Кайтемпи все же удалось напасть на его след в столице, они наверняка заметят его пристрастие к самым бедным и грязным районам и скорее всего начнут перетряхивать трущобы и притоны. Пожалуй, дорогой отель – последнее место, куда им придет в голову заглянуть. Но все же не следует забывать про регулярные проверки гостиниц, которые время от времени устраивает полиция или Кайтемпи.

Забросив в номер чемодан, он сразу же вышел. Время поджимало. Моури шел быстро, не беспокоясь о возможных облавах, – по какой-то неизвестной причине они проводились только в столице. Из телефонной будки в миле от гостиницы он позвонил в Пертейн. Ему ответил неприветливый голос, экран остался темным.

– Бар «Сузун».

– Скрива тут?

– Кто его спрашивает?

– Я.

– Мне это о многом говорит. Почему бы тебе не включить сканер?

– Слушай, ты, – прорычал Моури, не спуская глаз с темного экрана, – позови Скриву, и пусть он сам разбирается в своих делах. Ты что, его секретарь?

В трубке фыркнули, затем последовала долгая тишина, и наконец послышался голос Скривы:

– Кто это?

– Включи свой экран, и я включу мой.

– Я понял, узнаю по голосу, – сказал Скрива. Он включил сканер, и его не слишком приятная физиономия появилась на экране. Моури сделал то же самое. Увидев его лицо, Скрива нахмурился. – Я думал, ты встретишься с нами здесь. Почему ты звонишь?

– Мне пришлось убраться из города. Я не могу вернуться.

– Вот как? – недоверчиво и угрожающе протянул бандит.

– Да, именно так, – отрезал Моури. – И не пытайся разговаривать со мной таким тоном, на меня это не действует, понятно? – Он сделал небольшую паузу чтобы слова его казались более значительными. – У вас есть динокар?

– Возможно, – уклончиво ответил Скрива.

– Если ты хочешь получить свое, забудь про недоверие и пошевеливайся.

Моури поднес свою трубку к экрану, постучал по ней и дотронулся до ушей, напоминая о том, что разговор может подслушиваться.

– Поезжайте по радинскому шоссе и поищите под дорожным указателем тридцать третьего дена. Не берите Архаву с собой.

– Эй, когда ты...

Он повесил трубку, прервав раздраженную тираду Скривы, и отправился на поиски местного штаба Кайтемпи, адрес которого обнаружил в корреспонденции Свинорылого.

Вскоре он поравнялся с массивным серым корпусом. Стараясь не подходить слишком близко, Моури шагал по другой стороне улицы, исподтишка разглядывая острую крышу; само здание его не интересовало. Еще час он слонялся по городу без всякой видимой цели, изучая крыши домов.

Удовлетворенный результатами, он разыскал городскую ратушу и тоже внимательно обозрел ее верхнюю часть. Еще немного побродив по улицам, явно восхищаясь звездами, он вернулся в отель.

На следующее утро Моури вытащил из чемодана небольшой пакет, засунул его в карман и направился к огромному административному зданию, замеченному накануне вечером. С деловым видом он вошел в вестибюль и поднялся в лифте на последний этаж. Там он обнаружил пыльный, редко используемый проход; в конце его с потолка свешивалась складная лестница.

Вокруг не было ни души. Даже если кто-нибудь появится, вряд ли он проявит излишнее любопытство. Впрочем, Моури заготовил ответы на любые вопросы. Опустив лестницу, он быстро вскарабкался по ней и вылез через люк на крышу. Из пакета он достал крошечный приборчик с зажимами, соединенный длинным тонким кабелем с вилкой на другом конце.

Взобравшись на невысокую мачту, он пересчитал телефонные провода, закрепленные на фарфоровых изоляторах, проверил направление седьмого из них и прицепил к нему свой приборчик. Затем Моури слез с мачты, протянул кабель до края крыши и аккуратно спустил его вниз – так, чтобы он на всю длину свешивался вниз. Его раздвоенный конец болтался в метре от тротуара.

Пока он сидел на крыше, с полдюжины человек прошло мимо болтающегося кабеля, не проявив и нему никакого интереса. Двое мимоходом глянули вверх и, увидев, что кто-то возится на крыше, равнодушно отправились дальше. Никого не интересует рабочий, лазающий по крышам или спускающийся в люк, если только он делает это достаточно уверенно.

Моури вернулся в вестибюль и вышел из здания без всяких помех. В течение ближайшего часа он беспрепятственно повторил эту операцию на другой крыше. На следующий день он приобрел новую пишущую машинку, бумагу и конверты. Было еще далеко до вечера, когда Моури вернулся в гостиницу и приступил к работе. Она заняла остаток дня и значительную часть следующего. Потом машинка нашла вечный покой на дне радинского озера. В результате запасы Моури пополнили двести двадцать писем, предназначенных для отправки в

будущем; еще двести двадцать он немедленно послал тем, кто уже получил первое предупреждение:

«Хейг Ридарта стал вторым.

Список у нас длинный.

Дирак Ангестун Гесепт».

Он надеялся, что получатели не придут в восторг от второго письма, а ведь их ожидало еще и третье!

После обеда Моури наконец нашел время просмотреть вчерашние и свежие газеты, но не нашел в них ожидаемого сообщения. Ничего не говорилось о безвременной кончине Бутина Архавы. Может быть, случилось что-нибудь непредвиденное? Не заартачились ли Гурд и Скрива, узнав имя новой жертвы? Или, возможно, они просто тянут время?

Среди новостей не было ничего необычного. Победа приближалась с каждым днем. Потери в реальном или мифическом сражении у Альфы Центавра получили официальное подтверждение и составили одиннадцать сирианских боевых кораблей и девяносто четыре земных. Эти цифры смаковали передовицы всех газет.

На одной из последних страниц затерялась крохотная заметка, сообщавшая, что сирианские силы по стратегическим причинам покинули Федиру и Федару, сорок седьмую и сорок восьмую планеты Империи. Намекалось, что возможен отход и с Гуми, шестьдесят второй планеты, чтобы спрямить линию фронта.

Ну вот они и признали то, что больше невозможно скрывать: с двумя планетами пришлось расстаться, и третью ждет такая же участь. Хотя об этом и не упоминается, совершенно ясно, что земляне захватили все упущенное сирианами. Моури усмехнулся, вспомнив слова продавца в кондитерской: «Месяцами мы с триумфом отступаем перед деморализованным противником, наступающим в полном беспорядке».

Он дошел до телефонной будки и позвонил в «Сузун»:

– Вы забрали деньги?

– Да, – сказал Скрива, – а ты запаздываешь с оплатой второго дела.

– Я ничего не прочел об этом.

– И не прочтешь. Вряд ли покойного можно опознать.

– Ну что ж, я плачу, когда есть подтверждение. Пока ты его не предоставишь, говорить не о чем. Нет доказательств – нет денег.

– Не бухти, получишь свои доказательства. Можешь взглянуть в любой момент.

Моури быстро обдумал это предложение.

– У вас динокар недалеко?

– Ага.

– Тогда я буду ждать вас на той же дороге у отметки восьмого дена. Часов в десять вечера.

Машина появилась вовремя. Моури прислонился к столбику с металлической

табличкой – смутная тень в ночном полумраке на фоне полей и деревьев. Динокар подъехал ближе, свет его фар разрезал темноту. Скрива вышел, вытащил из багажника небольшой мешок, открыл его и показал содержимое Моури.

– Боже праведный! – воскликнул тот, чувствуя спазмы в желудке.

– Грубовато сработано, – согласился Скрива. – Шея у него оказалась крепкая, нож был тупой, и Гурд торопился. – Бандит посмотрел на посеревшее лицо Моури. – В чем дело? Ты что, такой чистоплюй?

– Пожалуй, крови могло быть поменьше... Что вам стоило просто пристрелить его?

– Соблюдение санитарных норм ты нам не оплачиваешь. Хочешь, чтобы все было чисто и элегантно – подними расценки.

– Ну, что ж... а впрочем, я не жалуюсь.

– Надеюсь, что нет. Бутин начал тащить одеяло на себя. – Скрива пнул мешок. – Ведь так, Бутин?

– Уберите это. У меня портится аппетит.

Мрачно усмехнувшись, Скрива забросил мешок в придорожную канаву и протянул руку:

– Деньги!

Отдав бандиту сверток, Моури молча ждал, пока тот с помощью Гурда пересчитает в машине купюры. Головорезы ласково ощупывали каждую бумажку, причмокивая и обмениваясь поздравлениями.

Закончив, Слива насмешливо оскалился:

– Мы получили двадцать тысяч ни за что, пареньь.

– Почему? – спросил Моури.

– Мы все равно бы его пришили – за твои денежки или бесплатно. Бутин собирался нас заложить. Глаза у него бегали, у этого вонючего соко... Ведь верно, Гурд?

Гурд ограничился жестом, полоснув ребром ладони по шее.

Облокотившись на дверцу машины, Моури сказал:

– У меня есть для вас новая работа. Как, возьметесь? – Не дождавшись ответа, он показал еще один сверток. – Здесь десяток приспособлений, снабженных зажимами; и ним прикреплены мотки тонкого кабеля. Я хочу, чтобы вы подсоединили эти устройства и телефонным линиям в центре Пертейна. Их нужно закрепить так, чтобы сами приборчики оставались незаметными, а кабели свешивались на улицу.

– Но, – возразил Скрива, – если видны провода, то рано или поздно кто-нибудь обнаружит и сами устройства. Не пойму, зачем прятать то, что все равно неизбежно будет найдено?

– Не пойму, зачем я плачу вам хорошие деньги за такие пустяки, – отозвался Моури. – Пять тысяч гильдеров за штуку. Пятьдесят тысяч за все.

Скрива беззвучно присвистнул.

– Я сумею проверить, выполнена ли работа на самом деле, – продолжал

Моури, – поэтому не пытайтесь меня одурачить. Учтите, мы в одном деле. Не будем портить отношения.

Выхватив пакет, Скрива процедил:

– Думаю, ты ненормальный, но кто я такой, чтобы жаловаться при таких ставках?

Зажглись фары, машина взревела и умчалась. Моури смотрел вслед динокару, пока тот не скрылся из виду, затем побрел обратно в Радин, добрался до телефонов и позвонил в местный штаб Кайтемпи. Он не включил сканнер и постарался придать своему голосу распевные интонации, характерные для уроженцев Джеймека.

– Кто-то лишился головы, начальник.

– Что?

– У отметки восьмого дена по дороге в Пертейн лежит голова. Отрезанная, в мешке.

– Кто говорит? Кто...

Моури повесил трубку. Без сомнения, они проверят звонок. В его планы входило, чтобы власти нашли голову Архавы и опознали ее. Он заставит Кайтемпи подыграть ему – и это доставило ему злорадное удовлетворение. Вернувшись в отель, он взял очередной пакет, снова вышел и отправил двести двадцать писем:

«Бутин Архава был третьим.

Список у нас длинный.

Дирак Ангестун Гесепт».

Покончив с этим, Моури в течение часа гулял перед сном, расхаживая по улицам и обдумывая сделанное за день. Очень скоро кто-нибудь заинтересуется свисающими с крыш проводами и вызовет электрика или телефонного техника. Это повлечет спешную проверку всей телефонной сети на Джеймеке – и тогда обнаружатся еще несколько подключений.

В такой ситуации перед властями встанут три довольно неприятных вопроса: кто подслушивал, как долго и что ему удалось узнать?

Он не завидовал жертвам этой мистификации, чья власть с каждым днем становилась все более призрачной – в то время как земляне, согласно официальной версии, терпели поражение за поражением, занимая одну за другой сирианские планеты. Беспокоен сон венценосца – особенно если в его постель забралась оса.

Незадолго до двенадцати Моури свернул на улицу, где находились его шикарные апартаменты, и резко остановился. У ярко освещенного подъезда выстроилась шеренга сверкающих динокаров, пожарная машина и скорая помощь. Между машинами сновали полицейские. Мускулистые парни в штатском вели наблюдение за окрестностями.

Двое из них, появившись в темноте, подошли к Моури.

– Что случилось? – спросил он тоном надзирателя в воскресной школе.

– Не твое дело. Предъяви документы. Пошевеливайся, чего ты ждешь?

Глава 7

Моури осторожно сунул руку во внутренний карман. Агенты внимательно следили за ним, ожидая подвоха, готовые мгновенно отреагировать, если вместо документов увидят что-нибудь другое. Он вынул удостоверение со штампом Диракты и визой Джеймека и протянул его агентам. Оставалось надеяться, что этим дело и кончится.

Но этого оказалось мало. Агенты, видимо, готовы были рыть землю, лишь бы кого-то сцапать. Явно случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Специальный корреспондент, – процедил парень покрупнее, презрительно выпятив губу. Он поднял взгляд на Моури: – Что еще за специальный корреспондент?

– Я командирован сюда с заданием освещать военные новости в ракурсе Джеймека. Меня не интересуют гражданские дела. Ими занимаются обычные корреспонденты.

– Понятно. – Агент окинул Моури долгим пронзительным взглядом. Его глаза были холодными и какими-то скользкими – как у человека, привыкшего наносить удары исподтишка. – Откуда вы получаете информацию о ходе военных действий?

– Из официальных источников, в основном – из Отдела военной информации Пертейна.

– У вас нет других источников?

– Конечно есть. Я прислушиваюсь к разговорам и сплетням.

– И что вы делаете с этим материалом?

– Я анализирую его, готовлю статью и посылаю рукопись в Отдел цензуры. Если они ее одобряют, значит, мне повезло. Если нет... ну, что ж, – он беспомощно развел руками, – я начинаю работать над новой.

– Следовательно, – коварно предположил агент, – вас хорошо знают и в Отделе военной информации, и в Отделе цензуры? Они удостоверят вашу личность, если их попросить, а?

– Без сомнения, – заверил Моури, моля Бога, чтобы это побыстрее кончилось.

– Прекрасно! Назовите имена тех сотрудников, которых вы знаете лучше всего, и мы с ними немедленно свяжемся.

– Что, ночью?

– Не стоит волноваться по поводу позднего времени речь идет о вашей шкуре.

Это переполнило чашу. Моури врезал ему в переносицу, быстро и яростно, вложив в удар всю силу. Агент покачнулся, упал и неподвижно замер на тротуаре. Однако второй парень не был рохлей. Не мешкая ни секунды, он подскочил на своих кривых ногах к Моури и ткнул ему в лицо пистолет.

– Подними лапы, соко, не то я...

С отчаяньем человека, которому нечего терять, Моури стремительно

пригнулся, схватил агента за кисть, завел его руку за плечо и с силой дернул. Агент пронзительно вскрикнул и сделал кульбит в воздухе. Его пистолет упал на асфальт. Моури подобрал его и помчался так, как не бегал никогда в жизни.

За угол, вдоль по улице и – в переулок. Он оказался позади отеля и, пробегая мимо, заметил, что там, где находилось окно его номера, в стекле красуется огромная дыра. Перепрыгнув через кучу битого кирпича и деревянных обломков, он пролетел до конца переулочка и свернул на соседнюю улицу.

Вот оно. Его вычислили – возможно, в результате одной из проверок регистрационной книги отеля. Они обыскали комнату, затем попытались открыть чемодан железной отмычкой. Тут-то и грохнуло! Если в комнате было много народа, взрыв прикончил не меньше дюжины... Это им надолго запомнится! Но если они до него доберутся. Он бежал так быстро, насколько хватало сил, сжимая пистолет и прислушиваясь, не началась ли уже погоня. Вскоре по радио передадут сигнал тревоги, затем – перекроют все выходы из города: железные дороги, шоссе, автобусные линии. Он должен любой ценой оказаться по ту сторону кордона раньше, чем сделают оцепление.

Моури бежал, стараясь избегать главных улиц, где снуют патрульные машины с вооруженными сыщиками. В этот поздний час на улицах было пустынно, в толпе не затеряешься. Дороги опустели, законопослушные граждане уже спали, и бегущий человек с оружием в руках выглядел более чем подозрительно. Но ничего не поделаешь. Если двигаться прогулочным шагом с невинным видом, ловушка захлопнется раньше, чем он успеет выскочить.

Кроме быстрых ног ему помогала темнота. Моури мчался по аллеям, пересек шесть улиц и уже собрался проскочить седьмую, но вдруг замер в тени деревьев. По улице медленно ехала машина, набитая полицейскими и агентами Кайтемпи, которые высовывались из окон, пытаясь смотреть сразу во все стороны.

Он притаился в своем укрытии; сердце учащенно билось, грудь ходила ходуном, струйки пота катились по спине. Как только охотники скрылись из виду, он метнулся на другую сторону улицы и припустил дальше. Еще пять раз, проклиная задержку, он ждал, пока проедет патрульная машина.

В шестой раз Моури остановился по другой причине. Он притаился в подворотне, заметив свет фар автомобиля, поворачивающего на аллею из поперечной улицы. Забрызганный грязью динокар остановился в двадцати ярдах от него. Из машины вылез человек, шагнул к ближайшей двери и вставил ключ в замок. Моури выскочил из подворотни с быстротой кошки, прыгнувшей на воробья.

Дверь открылась, когда взревел мотор, и машина рванулась с места, набирая скорость. Пораженный хозяин потерял полминуты, с открытым ртом глядя вслед стремительно удалявшейся собственности. Затем он громко выругался и бросился в дом – очевидно, к телефону.

«Фортуна изменчива», – думал Моури, сжимая руль. Нет худа без добра, и надежда вдруг начинает подмигивать, когда дела из рук вон плохи. Повернув на широкий, хорошо освещенный проспект, он снизил скорость.

Два грузовика, полные полицейских, промчались ему навстречу, третий

обогнал его динокар. Их не заинтересовала забрызганная грязью машина и ее пассажир, спешащий домой в поздний час. Они охотились за взмокшим от страха и усталости парнем, который, по их предположениям, все еще метался по городу. Моури прикинул, что у него есть минут десять, пока по радиосвязи не объявят об угоне. Пожалуй, стоило пристрелить владельца автомобиля: это дало бы несколько лишних минут. Но сожалеть было поздно.

Через семь минут за окнами промелькнули последние дома Радина, впереди была незнакомая дорога. Машина неслась вперед, свет фар неровно разрезал темноту, стрелка спидометра приближалась к предельной отметке. Еще двадцать минут – и он проскочил большую деревню, темную, погруженную в сон. Через милю за поворотом показался белый шлагбаум поперек дороги, на обочинах блеснули пуговицы и металлические шлемы. Моури стиснул зубы и, не снижая скорости, направил машину прямо в центр шлагбаума. Динокар разбил деревянную планку и помчался дальше, в сторону брызнули обломки. Он ощутил пять ударов по корпусу автомобиля; в заднем стекле появились два круглых отверстия, третье – на стыке лобового стекла и крыши.

Очевидно, по радио передали сигнал тревоги, и силы безопасности попытались оцепить максимальную территорию вокруг города. Он обнаружил себя, прорвавшись через кордон. Теперь им стало известно, в каком направлении он движется; несомненно, об этом они могут судить гораздо лучше, чем он сам. Ему никогда не доводилось ездить тут – окрестности казались совершенно незнакомыми, и не было карты, чтобы сориентироваться. Что еще хуже – он остался без документов и почти без денег. Взрыв чемодана лишил Моури всего снаряжения – кроме того, что было в карманах. Правда, есть еще краденая машина и пистолет.

Вскоре он выехал на перекресток; на обеих сторонах дороги тускло поблескивали указатели. Резко затормозив, Моури вылез из машины и подошел к ближайшей табличке. На ней значилось: «Радин – 27 ден». На другой – «Валапан – 92 дена». Так, значит, он едет в Валапан. Конечно, вся полиция там уже поставлена на ноги и попытается на этот раз его не упустить.

С левой стороны на указателе было написано: «Пертейн – 51 ден». Он снова сел в машину и повернул налево.

Хотя признаков погони не ощущалось, но это еще ни о чем не говорило. Возможно, именно сейчас какой-нибудь умник с радиопередатчиком и большой картой рассылает патрульные машины так, чтобы заблокировать его динокар, и ждет поступления новых данных.

У отметки девятого дена Моури увидел еще один перекресток, место было знакомое. Впереди уже виднелось зарево ночных огней Пертейна, а где-то справа начиналась тропа, ведущая к пещере в лесу. Рискнув проехать еще несколько миль в сторону Пертейна, он расстался с машиной. Когда ее найдут, наверняка сделают вывод, что беглец решил затеряться в большом городе. Прекрасно – они зря потратят время и силы на розыски в столице.

Он пошел назад, к лесу, по обочине дороги. Чтобы добраться до дерева с надгробной плитой, понадобилось еще два часа. За это время он одиннадцать раз нырял в лес, прячась от патрульных машин, битком набитых полицейскими.

Похоже, целая армия поднята на ноги среди ночи и направлена на его поиски – отличный результат, как сказал бы Вульф.

Наконец он углубился в лес, направляясь к пещере.

В пещере все было без изменений. Моури возблагодарил небеса, добравшись до нее; здесь он чувствовал себя в большей безопасности, чем где-либо на этой враждебной планете. Вряд ли агентам Кайтемпи удастся проследить его путь через двадцать миль девственного леса – даже если они вылезут из кожи.

Присев на один из контейнеров, он некоторое время колебался между долгом и желанием. В соответствии с инструкцией, при каждом посещении пещеры ему следовало включать передатчик и посылать на базу отчет о проделанной работе. Моури прекрасно представлял, что произойдет, если он подчинится инструкции. Последует приказ оставаться в убежище и не предпринимать больше никаких действий. Потом за ним пришлют корабль и перебросят на какую-нибудь другую сирианскую планету, где он сможет начать все сначала. На Джеймек доставят его приемника.

Моури такая перспектива не устраивала. Можно долго толковать о несомненных преимуществах замены засветившегося агента новым – для разведчика это означает провал, поражение. Он, Джеймс Моури, отказывается считать себя побежденным. Пошли они к дьяволу! Возможно, Кайтемпи что-то и учуяла, но это еще не значит, что им удастся его схватить!

Кроме того, уже выполнен первый этап плана и даже часть второго. Остается третий этап – наращивание давления до такой степени, что противник не сможет защищать переднюю дверь, всецело занятый обороной задней.

Третий этап заключался в бомбардировке стратегических объектов – как его собственными силами, так и с помощью нанятых людей. Моури располагал необходимым снаряжением для первого и деньгами для второго. В еще нераспакованных контейнерах денег хватит на покупку дюжины боевых кораблей – и еще останется команде на сигареты. В одном из серых цилиндров хранились сорок безобидных на вид игрушек, каждая из которых могла поднять на воздух что угодно – в нужном месте и в нужное время.

Он не мог начинать наступательные действия без приказа, так как обычно третьему этапу предшествует массированная атака космических сил Земли. Но можно продолжать готовить почву для дальнейших действий, все время напоминая о существовании Дирак Ангестун Гесепт, устроить еще несколько покушений, забросать столицу листовками. Это и есть его главная цель – вызывать головную боль у власть предержащих.

Нет, он не выйдет на связь. Надо еще немного поработать – и плевать он хотел, схватит его Кайтемпи или нет. Им удалось выкурить его из Кадина – но они не заставят Джеймса Моури покинуть планету! Это уж слишком.

Вскрыв пару контейнеров, он разделся и застегнул на талии широкий пояс, набитый гильдерами, – от чего сразу же потолстел. Сверху Моури напялил плохо скроенное громоздкое одеяние – обычный костюм сирианских фермеров. Пара накладок, закрепленных под скулами, сделала его лицо шире и круглее. Затем он выщипал брови, сделав их кустистыми, а волосы подрезал на сельский манер.

Свое преобразование Моури завершил с помощью краски, которая придала его лицу неровный лиловатый оттенок, характерный для сириан с плохой кожей. Последним штрихом была инъекция в щеку, около правой ноздри – через два часа на этом месте будет красоваться оранжевое родимое пятно.

Теперь он превратился в средних лет фермера, грубого работягу, любителя хорошо поесть и опрокинуть лишнюю кружку зиса. В соответствии с новыми документами его звали Ратан Гусулкин, землепашец. В них также значилось, что он эмигрировал с Диракты пять лет назад. Это объясняло его машамский акцент – единственное, чего он не мог скрыть.

Прежде чем начать новую жизнь – и новую роль, – он с удовольствием поел и позволил себе четыре часа сна – роскошь, которой ему так не хватало в последние сутки. Затем Моури отправился в путь. Не доходя мили две до Пертейна, он закопал пакет с пятьюдесятью тысячами гильдеров под южной опорой моста. Где-то поблизости на дне реки покоилась его пишущая машинка.

Он позвонил в «Сузун» из первой же будки, встретившейся ему в Пертейне. Трубку сняли сразу; голос был незнакомый, резкий, экран оставался темным.

– Это бар «Сузун»? – спросил Моури.

– Да.

– Скрива здесь?

После небольшой паузы последовало:

– Он где-то здесь, наверху либо на заднем дворе. Кто его спрашивает?

– Его родная матушка.

– Ну, загибаешь! Я ведь слышу, что.

– Какое тебе дело? – рявкнул Моури в трубку. – Скрива здесь или нет?

Тон голоса внезапно изменился, став вдруг неестественно ласковым:

– Не вешай трубку. Я сейчас попробую его найти.

– Не стоит беспокоиться. А Гурд здесь?

– Нет, его не было сегодня. Подожди минуточку, я пошел за Скривой. Он или наверху, или...

– Послушай, парень, – приказал Моури и, вытянув губы, оглушительно свистнул. Затем швырнул трубку на рычаг, вышел из будки и пошел прочь

– быстрым шагом, но так, чтобы не привлекать внимания. Напротив в дверях магазинчика торчал скучающий продавец, разглядывая Моури с ног до головы. Его заметили и четверо парней, оживленно болтавших у витрины лавки. Пять свидетелей, пять описаний внешности Ратана Гусулкина.

«Не вешай трубку!» – настаивал незнакомец, тщетно пытаюсь скрыть привычную властность, Это был не бармен, и в голосе не чувствовалось нагловатой развязности, характерной для завсегдатаев «Сузуна». Он говорил повелительным тоном, как полицейский или агент Кайтемпи. Да, не вешай трубку, дурачок – мы еще не вычислили, откуда ты звонишь!

Пройдя триста ярдов, Моури вскочил в автобус. Обратили ли внимание продавец и люди у магазина, как он уехал? Автобус затрясся по разбитой

мостовой, патрульная машина поравнялась с ним и резко затормозила у телефонной будки. Автобус свернул за угол. Моури подумал, что был на грани провала.

Без сомнения, в баре «Сузун» засада. Стремительность, с которой у будки появились полицейские, подтверждала это. Оставалось только гадать, что заставило их заняться баром в районе трущоб. Возможно, нитью послужила отрубленная голова в мешке.

А может быть, попались Гурд и Скрива, развешивая провода над улицами. Он живо представил, как они топали тяжелыми башмаками по крышам, поднимая шум на всю округу. Слепленные жаждой наживы, они были там заметны так же хорошо, как пара подвыпивших слонов.

Если их поймали, то заставят говорить. Когда щипцами один за другим отрывают ногти или тыкают электроды в уголки глаз, даже самые непрощаемые становятся разговорчивыми. Да, они заговорят. Но не смогут рассказать ничего интересного. Только странную историю о ненормальном типе с машамским акцентом и бездонным кошельком. Ни слова о Дирак Ангестун Гесепт. Ни звука о земной интервенции на Джеймек.

Но есть еще пятеро, которые могут сообщить кое-что поинтереснее.

«— Видели, кто только что вышел из будки?»

— Ага. Деревенщина, толстый такой. Вроде спешил.

— Куда он направился?

— Вон туда. Сел в сорок второй автобус.

— Как он выглядел? Опишите-ка его поподробнее, Ну, живо!

— Среднего роста, средних лет, круглолицый, еще цвет лица такой нездоровый. Брюхо у него — будь здоров. На щеке родинка. меховая куртка на нем и коричневые холщовые брюки, на ногах — тяжелые башмаки. Ну, знаете, типичный фермер.

— Достаточно. Джалек, гони за автобусом. Где микрофон? Надо передать его приметы. Если поторопимся, поймем его.

— Хитрый, гад! Сразу почуял неладное, когда Латим снял трубку. Свистнул ему в ухо и слинял. Держу пари, не поехал он на этом автобусе. Где-то здесь у него машина.

— Хватит трепаться, давай за автобусом! Двоих уже упустили, упустим третьего — придется объясняться.

— Ага, знаю».

Моури вышел из автобуса и тут же пересел в другой, идущий в обратную сторону. Но на этот раз он не собирался колесить по городу, запутывая следы. Теперь все было значительно забавнее: у Кайтемпи почти наверняка есть его описание, и на ноги, похоже, поднят весь Джеймек.

Пересаживаясь в третий раз, он попал на экспресс, идущий за город. Из экспресса он вышел, не доезжая милю до места, где были спрятаны пятьдесят тысяч, — для тех, кому, если трезво сопоставить факты, оставалось жить не более пятидесяти часов. Он вновь направлялся и заветной пещере в лесу.

Но сейчас было не время заботиться о деньгах. Того и гляди на дороге покажутся патрульные машины. Поиски толстопузого фермера вряд ли ограничатся одним Пертейном. В любой момент может начаться прочесывание пригородов. Пока светло, лучшее, что он мог предпринять,

– исчезнуть и больше не показываться в прежнем обличье.

Двигаясь быстрым шагом, Моури без помех добрался до леса. Некоторое время он шел по обочине дороги, скрываясь за деревьями всякий раз, когда слышал шум мотора. Но движение становилось все более интенсивным, и он наконец потерял надежду найти свой ориентир до наступления темноты. К тому же он очень устал, глаза слипались, ноги гудели.

Забравшись подальше в лес, он нашел удобную, хорошо замаскированную ложбинку и, удовлетворенно вздохнув, растянулся на мягком мху. Он долго лежал, задумчиво глядя на небо в просветах между листьями.

Вульф уверял, что один человек может отвлечь на себя целую армию. Интересно знать, сколько человек поднято сейчас на ноги и какая от этого польза. Самое трудное в одинокой жизни «осы» – невозможно выглянуть из-за кулис и оценить, хотя бы приблизительно, реакцию противника на представление.

Сколько драгоценных человеко-часов стоила врагу его деятельность? Тысячи? Десятки тысяч? Миллионы? Куда бы пошли эти человеко-часы, если бы он не заставлял использовать их с другой целью? Этим в конечном счете и измеряется успех его пребывания на Джеймеке.

С такими мыслями он и заснул. Уже опустилась ночь, когда Моури проснулся, свежий и полный сил. Настроение его улучшилось. Все могло быть хуже, значительно хуже. Например, если бы он отправился в «Сузун», прямо в распростертые объятия Кайтемпи. А там бы быстро разобрались, что за рыбка угодила в сети, – применив свои излюбленные методы получения информации. Моури далеко не был уверен в своей стойкости. В Кайтемпи молчат лишь те, кто успел покончить с собой, прежде чем начался допрос.

Пробираясь в темноте к пещере, он благодарил судьбу, мудрость или интуицию, надоумившую его позвонить в бар. Затем его мысли обратились к судьбе Гурда и Скривы. Если их поймали – что очень важно, – у него больше нет союзников, опять придется действовать одному. А найти им замену будет не так легко.

Если же им удалось унести ноги, то как с ними связаться? «Сузун» был единственной явкой. Они, вероятно, тоже жаждут встретиться с ним. Но в таком большом городе, как Пертейн, можно искать друг друга месяцами. Эту проблему надо как-то решить.

Добравшись до пещеры на рассвете, Моури снял башмаки, сел на гальку у ручья и опустил гудящие ноги в воду. Он все еще прикидывал, как разыскать Гурда и Скриву, если те по-прежнему на свободе. Когда-нибудь Кайтемпи снимет засаду в баре – либо удовлетворившись достигнутым, либо потеряв терпение. Тогда можно будет зайти туда и попытаться что-нибудь разузнать. Но когда это случится – через месяц? Через год?

Конечно, в новом обличье он сможет побродить около бара, пока не встретит

кого-нибудь из завсегдатаев, знакомых с Гурдом и Скривой. Но это рискованная затея: вполне возможно, «Сузун» долгое время останется в центре внимания Кайтемпи и агенты в штатском будут хватать всех подозрительных в радиусе полумили от бара.

Потратив целый час на обдумывание различных вариантов, он наконец нашел приемлемый способ установления контакта с братьями – если только они на свободе и способны соображать. Может быть, что-нибудь и выйдет. Этих головорезов дураками не назовешь, к тому же надежда на неиссякаемый поток гильдеров должна стимулировать их природную хитрость.

Он оставит им записку на прежнем месте, под отметкой тридцать третьего дена по дороге в Радин. Ведь за последнее задание им причитается пятьдесят тысяч гильдеров – вполне достаточно, чтобы подстегнуть их умственную деятельность.

Тем временем взошло солнце, его лучи пробились сквозь кроны деревьев, и в пещере стало тепло. День был прекрасный, Моури не смог противостоять искушению устроить себе выходной и отложить все дела на потом. Он нуждался в отдыхе: постоянное бегство, тревожный сон и нервное напряжение измотали его до предела.

Целый день он грелся на солнце рядом с пещерой, наслаждаясь тишиной, покоем и привычной земной пищей. Никто его не беспокоил, патрули не прочесывали лес, в небе не шныряли самолеты-разведчики.

Очевидно, противнику не приходило в голову устраивать поиски в лесной глуши – ведь он действовал только в густонаселенных районах. Что ж, с их точки зрения такой вывод логичен. Дирак Ангестун Гесепт слишком большая разветвленная организация, чтобы поместиться в пещере.

Оса выросла до таких гигантских размеров, что никто не будет терять время на ее поиски в кроличьих норах.

Этой ночью он спал крепко и спокойно, как ребенок. Следующее утро Моури провел в приятном безделье; в полуденную жару искупался в ручье. Ближе к вечеру он занялся туалетом и для начала коротко постригся на армейский манер. Еще одна инъекция – и родимое пятно на щеке исчезло. Он перекрасился с ног до головы; цвет кожи стал светлее, с легким пурпурным оттенком. Специальные пластинки, заменившие удаленные зубы мудрости, сделали его лицо шире, челюсти – массивнее.

Он полностью сменил одежду. Туфли военного образца, гражданский костюм из дорогого магазина, шейный платок, повязанный так, как носили офицеры космического флота. Картину довершили часы в платиновом корпусе и платиновый браслет, на котором болтался покрытый орнаментом опознавательный жетон.

Теперь он выглядел как человек из высших слоев общества, новый набор документов, покоившийся в кармане, подтверждал это. Их владелец, полковник Крисна Халопти, сотрудник Управления военной разведки, имел право требовать содействия со стороны любых сирийских властей.

За незаконное присвоение высшего офицерского звания полагается смертная

казнь, но какое это имеет значение – он и так приговорен. Нельзя умереть дважды.

Удовлетворенный результатами своих усилий, Моури уселся на контейнер и написал короткое письмо:

«Я пытался встретиться с вами в баре, но там было полно соко. Деньги для вас я закопал у основания левой южной опоры моста Асако. Если вы свободны и хотите еще поработать, оставьте записку с вашими координатами».

Не поставив подписи, он сложил записку и засунул ее в пластиковый конверт. В карман он положил маленький бесшумный автоматический пистолет. Оружие было сирийского производства, и среди документов Моури имелось поддельное разрешение на него.

Новая роль была еще опаснее предыдущих. Проверка официальных списков состава вооруженных сил мгновенно выведет его на чистую воду. Зато будет на руку традиционное преклонение сири перед чинами и званиями. Если вести себя достаточно самоуверенно и надменно, даже Кайтемпи не осмелится его заподозрить.

Часа через два после наступления темноты Моури нажал кнопку на двадцать втором контейнере и отправился в путь. На этот раз его чемодан был больше и тяжелее, чем обычно. Ему снова предстоял изнурительный двадцатимильный переход – угораздило же его выбрать убежище так далеко от дороги. Но в конечном счете это не слишком дорогая плата за безопасность.

На этот раз идти пришлось дольше: Моури не хотел сразу выходить на дорогу – полковнику военной разведки не пристало ловить попутку. Поэтому он двинулся вдоль лесной опушки к перекрестку, где находилась автобусная остановка.

Стоя за деревьями, Моури дождался скоростного экспресса, на котором доехал до центра Пертейна. В течение получаса он обзавелся динокаром. Но этот раз Моури не стал брать машину напрокат – она была нужна ненадолго. Прогуливаясь, он нашел дино, который его устраивал, забрался в кабину и уехал.

Выехав из столицы по дороге на Радин, у отметки тридцать третьего дена он остановился, подождал, пока шоссе не опустело, и зарыл письмо у столбика. Затем вернулся в Пертейн и аккуратно припарковал машину там, откуда ее угнал. Все это заняло чуть более часа; вероятно, хозяин даже не заметил пропажи автомобиля и никогда не узнает, что им кто-то воспользовался.

Следующей целью был Центральный столичный почтамт. Моури вытащил из чемодана полдюжины тяжелых свертков, надписал на них адреса и отправил. В каждой из посылок находился массивный металлический ящик, внутри которого лежали дешевые часы и листок бумаги. Часы зловеще тикали – достаточно громко, чтобы привлечь внимание мнительного человека. На листке было краткое послание:

«Эта коробка могла бы убить вас.

Две такие коробки в подходящее время в подходящем месте, соединенные, могут убить сотню тысяч. Кончайте с войной, или мы покончим с вами.

Дирак Ангестун Гесепт».

Бумажные угрозы, больше ничего, но достаточно серьезные, чтобы еще больше растревожить противника. Эти посылки напугают получателей и зададут новую работу Кайтемпи. Без сомнения, военные предоставят телохранителей каждой большой шишке на Джеймеке – только для этого понадобится целый полк.

Начнут проверять почту и вскрывать все подозрительные посылки в специальной камере. Перевернут весь город в поисках компонентов атомной бомбы. Силы гражданской обороны приведут в состояние боевой готовности, на улицах начнут хватать людей с подозрительными свертками и пакетами. Воцарится хаос.

Да, после трех убийств и обещаний продолжить список власти не посмеют отмахнуться от угроз ДАГ и не сочтут их бредом сумасшедшего. Им придется считаться с возможностью замены игрушечных бомб на настоящие.

Шагая по улице, Моури представлял себе, как его адресаты в панике швыряют посылки в ведра с водой, пока их секретари названивают в саперную часть. Увлеченный этим занятием, он не сразу обратил внимание на резкий свистящий звук, раздавшийся над столицей. Остановившись и оглядевшись по сторонам, он, однако, не заметил ничего необычного. Казалось, что народу на улицах убавилось, но многие, как и он сам, стояли и растерянно озирались по сторонам.

Глава 8

И тут полицейский хлопнул его по плечу.

– Спускайся, ты, остолоп!

– Спускаться? – Моури недоуменно посмотрел на него. – Куда? В чем дело?

– В убежище! – заорал полицейский, размахивая руками. – Ты что, не узнаешь сигнал воздушной тревоги?

Не дожидаясь ответа, он ринулся дальше, крича другим прохожим:

– Спускайтесь! Все вниз! Вниз!

Повернувшись, Моури направился к ближайшему административному зданию и по узкой крутой лестнице спустился в подвал. Он с удивлением обнаружил его полным народом. Несколько сотен человек сошли в убежище, не дожидаясь напоминаний. Они сидели на деревянных скамьях, стояли, прислонившись к стенам, толпились посередине подвала, и Джеймсу пришлось сесть на собственный чемодан.

Сидевший рядом с Моури старичок, уставившись на него слезящимися глазами, раздраженно сказал:

– Воздушная тревога! И что вы думаете по этому поводу?

– Ничего, – ответил Моури. – Что толку об этом думать? Все равно от меня ничего не зависит.

– Но ведь мы недавно разбили спакумский космический флот, – заверещал старичок, обращаясь в лице Моури ко всем, находившимся в убежище. – Об этом тысячу и один раз твердили по радио и в газетах. Спакумский флот уничтожен!

Так почему же объявляют тревогу, а? Ну-ка, объясните мне.

– Возможно, это учебная тревога, – попытался успокоить его Моури.

– Учебная? – старик в ярости плюнул. – Кто сказал, что учебная? Да и зачем нам учебные тревоги? Если спакумские силы разбиты, незачем нам прятаться! Нам не от кого прятаться! И нам не нужны учебные тревоги!

– Что вы ко мне привязались? – сказал Моури; въедливый старикан уже утомил его. – В конце концов, не я же дал сигнал тревоги.

– Но какой-то поганый идиот его дал! – настаивал старичок. – Какой-то лжец, соко, который выкручивает нам, что война почти закончена, хотя до этого еще очень далеко! Откуда нам знать, сколько правды в их словах? – Он опять плюнул на пол. – Сначала блестящая победа в секторе Центавра, потом объявляют воздушную тревогу. Они, наверное, думают, что мы – сборище...

Тут к нему подскочил коренастый, плотный мужчина и заорал:

– Заткнись!

Но старичок слишком увлекся своими излияниями, чтобы сохранить осторожность, слишком разгорячился, чтобы обратить внимание на властные нотки в голосе коренастого. Он гаркнул в ответ:

– Не собираюсь! Я шел домой, а меня сюда затолкали – какому-то болвану, видите ли, приспичило включить сирену и...

Коренастый мужчина отвернул лацкан куртки, под которым обнаружился значок тайной полиции, и свирепо гаркнул:

– Я сказал, замолчать!

– Что вы себе позволяете? В моем возрасте я не собираюсь...

Резким движением Коренастый выхватил резиновую дубинку и изо всех сил ударил старика по голове. Тот упал как подкошенный.

Кто-то выкрикнул из толпы:

– Какой позор!

Несколько человек что-то пробормотали, люди заволновались, но никто ничего не сделал.

Ухмыляясь, Коренастый обвел толпу вызывающим взглядом и дважды пнул старика – в лицо и в живот. Подняв голову, он уставился на Моури и с вызовом спросил:

– Ну?

Моури спокойно произнес:

– Вы из Кайтемпи?

– Предположим. Тебе-то что за дело?

– Просто решил полюбопытствовать.

– Совершенно ни к чему. Не суй нос куда не следует, парень.

Толпа снова зашевелилась и неодобрительно загудела. В убежище спустились двое полицейских и уселись на нижней ступеньке лестницы, вытирая вспотевшие лица. Нервы у них, похоже, были на пределе. Агент Кайтемпи присоединился к ним, вытащил из кармана пистолет и положил на колено. Моури загадочно

улыбнулся. Старик все еще не пришел в сознание, дыхание с хрипом вырывалось из его горла.

Постепенно в подвале воцарилась полная тишина, снаружи не доносилось ни звука. Люди напряженно прислушивались, стараясь уловить любой шорох, доносившийся с улицы. И вот через полчаса послышались отдаленные хлопки пусковых установок, затем – резкий пронзительный вой ракет противовоздушной обороны.

Напряжение сразу же увеличилось – всем стало ясно, что это не салют. Где-то недалеко находится спакумский корабль, и его смертоносный груз может в любой момент обрушиться на их головы.

Еще один ракетный залп. Снова тишина. Полицейские и агент поднялись, прошли в глубь подвала и сели лицом к лестнице. В убежище было слышно только учащенное дыхание людей; некоторые дышали судорожно, словно им не хватало воздуха. На всех лицах читался страх, в воздухе кисло запахло потом. Моури подумал, как чертовски нелепо будет погибнуть под бомбами земного корабля.

Через десять минут пол содрогнулся, стены заходили ходуном и все здание затряслось. С улицы долетел звон бьющегося стекла – очевидно, докатилась ударная волна. Но других звуков не последовало – ни грохота мощного взрыва, ни монотонного рева двигателей промчавшегося в стратосфере корабля. И эта тишина была на редкость зловещей.

Только через три часа раздался сигнал отбоя. Облегченно вздыхая, люди поспешили наружу, равнодушно переступая через тело старика, – он так и остался лежать в убежище. Полицейские отправились налево, коренастый агент Кайтемпи – в другую сторону. Моури нагнал его и вежливо произнес:

– Отделались легким испугом. Полагаю, взрыв произошел достаточно далеко.

Агент что-то буркнул.

– Я хотел поговорить с вами, – продолжал Моури, – но в убежище было слишком много народу.

– Да? Ну, давай, поговорим.

В ответ Моури вытащил удостоверение, офицерскую карточку и показал их Коренастому.

– Полковник Халопти, военная разведка.

Просмотрев документы, агент несколько смягчился.

– Так что же вы хотели сказать – что-нибудь об этом упрямом старом болване?

– Нет, он свое получил. Здорово вы с ним разделались. – Моури отметил самодовольное выражение, появившееся на лице агента, и добавил: – Такой старикашка вполне мог завести всю толпу.

– Да, это так. Лучшее средство управления этим стадом – вовремя обезвредить заводил.

– Когда прозвучал сигнал тревоги, я направлялся в городской штаб Кайтемпи – просить в помощь себе надежного агента, – объяснил Моури. – А вы, я вижу, парень не промах – как раз такой мне и нужен. Как вас зовут?

– Саграматолу.

– А, так вы из системы К-171? Там у всех такие сложные имена.

– Да. А вы, как я понимаю, с Диракты. Халопти – диракское имя, и к тому же у вас машамский акцент.

Моури рассмеялся.

– Экие мы с вами проницательные – ничего от нас не скроется!..

– Да уж.

Коренастый посмотрел на Моури с явным любопытством и спросил:

– Зачем я вам понадобился?

– Я собираюсь взять руководителя одной из ячеек ДАГ. Все надо сделать быстро и без шума. Если послать за ним полсотни человек – его дружки успеют лечь на дно. Лучшая тактика – хватать их по одному. Как говорят спакумы – «Тише едешь, дальше будешь».

– Да, так лучше всего, – согласился Саграматолу.

– Я мог бы справиться и один, но мне нужен человек на случай, если этот тип попытается смыться через черный ход. – Он сделал паузу, дав возможность собеседнику вникнуть в смысл его слов, и закончил: – Если вы сможете мне помочь – это украсит ваш послужной список.

Глаза у агента сузились и сверкнули; слова Моури явно воодушевили его. Коренастый кивнул головой.

– Я был бы рад, если только в штабе не возражают.

– Можете спросить их, – небрежно ответил Моури, внутренне похолодев. – И знаете, что будет?

– Что?

– Они не разрешат пойти вам и подсунут мне офицера постарше чином,

– Моури сделал презрительный жест. – Я сам – полковник, но в данном случае предпочитаю, чтобы со мной был крепкий опытный работник, которого я выберу лично.

Коренастый выпятил грудь.

– Да уж, можете получить такого кадра. Знаете, офицеры бывают разные.

– Вот именно! Ну так что, вы пойдете?

– Конечно! Мне достаточно вашего слова. Когда мы начнем?

– Немедленно.

– Прекрасно, – сказал Саграматолу, что-то соображая про себя. – Во всяком случае, еще три часа я на дежурстве.

– Замечательно. У вас есть динокар гражданского образца?

– Все наши дино не должны отличаться от обычных.

– На моем – военная эмблема, – солгал Моури. – Лучше возьмем ваш.

Коренастый согласился без возражений – еще бы, такой шанс отличиться! Палачи, служившие в Кайтемпи, страдали особой формой алчности – их не могла не соблазнить возможность найти еще одну жертву.

Они вышли к стоянке, и Саграматолу сел за руль большого черного дино. Забросив чемодан на заднее сиденье, Моури сел рядом. Машина выехала на улицу.

– Куда?

– Южный район, за заводом Рид Энджин. Дальше я покажу.

Театрально рубанув рукой по шее, Коренастый сообщил:

– Мы уже по горло сыты мерзавцами из ДАГ. Давно пора с ними разделаться. Как вы их выследили?

– Мы засекли эту ячейку на Диракте. Один из них попался нам в руки и заговорил.

– Пришлось с ним повозиться? – причмокнув, предположил Саграматолу.

– Да.

– Только так можно что-то выколотить из них, – он свернул за угол, еще раз причмокнул. – Если хорошенько поработать, у них развязываются языки. Правда, это не спасает их от смерти.

– Само собой, – одобрительно подтвердил Моури.

– Недавно мы забрали дюжину в баре, что в квартале Лаксин, – сообщил Саграматолу. – Тоже раскололись. Но пока что не сообщили ничего дельного. Сознались во всех мыслимых преступлениях, кроме членства в ДАГ. Утверждают, что об этой организации им ничего не известно.

– Как вы вышли на этот бар?

– Одному болвану отрезали голову – с трудом его опознали. Оказалось, он был завсегдатаем заведения. Мы навели справки и схватили несколько его любящих друзей. Шестеро уже сознались в убийстве.

– Шесть человек? – Моури нахмурился.

– Да. Они прикончили своего приятеля в разное время, в шести разных местах, имея на то шесть разных причин. Грязные соко, конечно, врут, но мы из них выжмем правду!

– Судя по вашим словам, больше похоже на обычные бандитские разборки. Где же здесь политические мотивы?

– Не знаю. Начальство это с нами не обсуждает. Вроде бы точно известно, что с тем типом расправилась ДАГ, значит, кто бы это ни сделал, он связан с организацией.

– Может быть, бандитам просто заплатили, – предположил Моури.

– Возможно. Их тоже могли обмануть – Коренастый с отвращением фыркнул. – Нам и с войной достаточно хлопот, а тут еще эти подпольщики... Просто с ног сбились. Так больше продолжаться не может.

– А как облавы на улицах, дали что-нибудь?

– Сначала нам вроде бы везло, но потом о них стало всем известно. Мы решили прекратить облавы дней на десять. Пусть мерзавцы успокоятся и почувствуют себя в безопасности. Тут-то мы их и накроем!

– Отличная мысль! Да, в наше время приходится шевелить мозгами!

– Не без этого, полковник!

Моури тронул агента за плечо.

– Вот мы и приехали. Сейчас налево, а потом сразу направо.

Машина промчалась мимо ограды машиностроительного завода, въехала на узкую ухабистую улицу и свернула в другой переулок. Вокруг тянулись полупустынные кварталы трущоб – ветхие здания, перемежавшиеся пустырями и помойками. Они остановились и вышли из динокара.

Оглядевшись, Саграматолу сказал:

– Типичный рассадник всякой заразы. Пару лет назад мы выкурили отсюда шайку религиозных фанатиков. Они справляли свои мерзкие обряды в одном из старых складов.

Моури брезгливо сморщился:

– Вы хотите сказать, что они исповедовали религию спакумов?

– Да, настоящие верующие! Но на виселице языки у них вываливались не хуже, чем у любого грешника. – Саграматолу ухмыльнулся – воспоминания, видимо, были приятными. Потом он взглянул на Моури. – Теперь куда?

– По этому переулку.

Моури первым вошел в длинный грязный переулок, заканчивающийся тупиком. Через несколько минут они уперлись в глухую двенадцатифутовую стену. Переулок был пуст, лишь слабый гул движения на ближайшей магистрали да скрип ржавого дорожного указателя, раскачивавшегося на ветру, нарушали тишину.

Моури кивнул на дверь в стене:

– Черный ход. Мне нужно две-три минуты, чтобы обойти кругом и добраться до парадного подъезда. А потом могут быть любые неожиданности. – Он попытался открыть дверь, но она не поддавалась. – Заперта.

– Лучше открыть, чтобы ему было куда бежать, – предложил Саграматолу. – Когда он поймет, что приперт к стенке, то может попытаться застрелить вас, чтобы улизнуть с главного хода. Тогда я не смогу помочь. Эти соко становятся опасными, когда им нечего терять. – Агент полез в карман и вытащил связку отмычек. Ухмыляясь, он добавил:

– Лучше позволить ему сбежать – тогда он попадет прямо мне в руки.

С этими словами Саграматолу повернулся к двери, оказавшись спиной к Моури, начал возиться с замком. Моури оглянулся.

В переулке никого не было.

Вытащив пистолет, он спокойно, с расстановкой произнес:

– Ты пнул старика, когда тот валялся без сознания.

– Да, конечно, – отозвался агент, все еще пытаюсь открыть замок. – Надеюсь, этот придурок уже сдох. – Внезапно голос Саграматолу осекся: офицер понял всю неуместность замечания Моури. Агент обернулся, опираясь рукой о дверь; дуло пистолета смотрело ему в лоб. – Что это? Что... что ты...

Выстрел был не громче хлопка пневматического пистолета. Мгновение

Саграматолу держался на ногах, во лбу у него зияло голубоватое отверстие. Его рот раскрылся в идиотской гримасе. Потом колени агента подогнулись, и он рухнул лицом вниз.

Сунув пистолет в карман, Моури склонился над телом. Не теряя времени, он обыскал труп Коренастого, проверил содержимое бумажника, но взял только полицейский значок. Быстро покинув переулок, он сел в машину, доехал до центра города и затормозил неподалеку от магазина подержанных динокаров. Он прошел пешком остаток пути до площадки, где стояло множество выдавших виды машин. К Моури мгновенно подскочил тощий сири, его хитрые глазки блеснули, когда он оценил дорогой костюм, часы и платиновый браслет клиента – тут пахло поживой!

– Вам повезло, – вкрадчиво объявил Тощий. – Вы попали в единственное место на Джеймеке, где можно купить за бесценок хорошую вещь. Торгуем чуть ли не в убыток себе. Не теряйтесь! Идет война, цены вот-вот подскочат, в любом случае не прогадаете. Вот, взгляните на этого красавца! А цена! Подарок, просто подарок! Это...

– Со зрением у меня все в порядке, – прервал его Моури.

– Да-да, конечно! Я только хотел обратить ваше внимание...

– Я знаю, что мне нужно, – оборвал продавца Моури. – И не собираюсь ездить на такой развалине. Я не самоубийца.

– Но...

– Как вы заметили, идет война! И очень скоро запчасти будет совершенно невозможно достать. Мне нужна машина, которую я мог бы разобрать на детали. – Он показал на ближайший динокар. – Например вот эта. Сколько?

– Она в прекрасном состоянии, – принялся расписывать продавец, стараясь не встречаться с Моури взглядом. – Мотор совсем новенький. И посмотрите на номер... прошла перерегистрацию.

– Это я вижу!

– ...и ни одной дырочки в корпусе... Я ее даром отдаю, просто даром.

– Сколько?

– Девятьсот девяносто, – сказал продавец, еще раз взглянув на костюм и платиновые безделушки.

– Грабеж, – ответил Моури.

Они торговались с полчаса, и в итоге Моури заполучил дино за восемьсот двадцать. Он заплатил и уехал на новой машине. Приобретение Моури так скрипело, дребезжало и стонало, что было ясно: Джеймса надули, по крайней мере, на двести гильдеров. Однако сожалений он не испытывал.

Проехав с милю, он остановился на пустыре, заваленном металлоломом. Здесь, вдали от свидетелей, Моури начал трудиться над своим дино: разбил фары и лобовое стекло, снял колеса и номерные знаки, разобрал мотор – одним словом, превратил его в ободранный остов. Затем, подогнав к пустырю машину убитого агента, он погрузил в нее свою добычу.

Через полчаса, утопив в реке колеса, номерные знаки и еще кое-какие части с

динокара Саграматолу, он поставил на него новые номера и отбыл. Итак, обмен номеров стоил ему восемьсот двадцать фальшивых гильдеров – пожалуй, не слишком дорогая плата за безопасность.

Зная, что облав пока опасаться нечего, Моури мотался по городу до наступления темноты. Поставив машину в подземный гараж, он купил газету и прочитал ее за ужином.

По версии этого печатного органа, единственный земной истребитель, упоминающийся не иначе как «трусливый налетчик», сумел прорваться через линию космической обороны и сбросить бомбу на укрепленный арсенал в Шугруме. Взрыв произвел незначительные разрушения, а «налетчик» был тут же уничтожен.

Если верить статье, налет был не опаснее блошиного укуса – вдобавок, блоху немедленно прихлопнули. Интересно, сколько читателей проявили подобное легкоеверие? Шугрум находился на расстоянии трехсот миль от столицы – и тем не менее Пертейн изрядно трянуло. Поглядеть бы, что осталось после взрыва... скорее всего – кратер в пару миль диаметром...

На второй странице газеты сообщалось, что силами охраны правопорядка и законности схвачены сорок восемь предателей – членов Партии Свободы Сириуса. Ведется следствие. Однако ни подробностей, ни имен, ни конкретных обвинений в статье не было.

Такая практика характерна для общества с тайным судопроизводством, где любого могут схватить прямо на улице и никто никогда больше не увидит его. В Сирианской Империи не существовало института присяжных заседателей и открытых судебных процессов. Если арестованный родился под счастливой звездой, его, возможно, и выпустят – искалеченного, без извинений и возмещения ущерба. Но, как правило, родственники несчастного не получали даже урны с прахом.

Сорок восемь схваченных обречены – независимо от того, кто они на самом деле или за кого их принимают. С другой стороны, вся эта газетная писанина – вранье. Власть имущих наконец допекло, и они нашли шестерых козлов отпущения, объявив их членами ДАГ и для пущей важности умножив их число на восемь. Циничное искажение фактов – обычный пропагандистский прием в военное время.

На одной из последних страниц в крохотной заметке сообщалось об отступлении сирианских сил с планеты Гума – «чтобы более эффективно использовать их в зоне боевых действий». Отсюда следовало, что захваченная Гума расположена далеко от линии фронта, – нелепость, очевидная для любого читателя, способного мыслить логически. Но девяносто процентов населения не трудились размышлять; они проглатывали любую предложенную им чушь – и были вполне довольны.

Но гвоздем номера была редакционная статья. Эта помпезная проповедь строилась на утверждении, что для полной победы необходимо напрячь все силы, и, следовательно, в политической жизни империи нет места плюрализму. Все до единого должны сплотиться и активно поддержать решение правительства вести

войну до победного конца. Сомневающиеся и колеблющиеся, ворчуны и нытики, лентяи и тунеядцы – такие же предатели, как шпионы и саботажники. С ними надо покончить раз и навсегда – быстро и безжалостно.

Да, это уже вопль паники – хотя Дирак Ангестун Гесепт прямо не упоминалась. В военное время все пропагандистские материалы спускаются сверху – и там, наверху, кое-кто явно почувствовал себя крайне неуютно. Оса невелика, но жалит больно. Возможно, некоторые из этих типов получили маленькие, неприятно тикающие посылочки, и им не слишком понравился переход от общих угроз к конкретным действиям.

Когда наступила ночь, Моури направился к себе на квартиру. Он пробирался туда крайне осторожно – любое убежище неожиданно может превратиться в ловушку. Помимо агентов полиции или Кайтемпи, приходилось опасаться хозяина, который безусловно заинтересуется, увидев в комнате нового жильца, да еще такого respectable на вид. Хозяин, конечно, изрядный пройдоха и умеет держать язык за зубами, но в Кайтемпи он расскажет что угодно, лишь бы спасти свою шкуру. Доверять ему не стоит. Как, впрочем, и никому другому в этом враждебном мире.

Вокруг дома все было чисто, засады не было. Моури незаметно проскользнул к себе. В комнате все было так, как он оставил, никаких следов обыска. Он растянулся на кровати, вытянув гудящие ноги, и принялся обдумывать положение дел. Очевидно, теперь придется приходиться и уходить из дома только в темноте. Можно, правда, попытаться найти другое пристанище – в квартале попримечнее, более соответствующем его новому обличью, но Моури не хотелось терять время, да это и не было столь необходимо.

На следующий день ему пришлось не раз пожалеть о взорванном в Радине чемодане и его содержимом. Моури пришлось провести целое утро в публичной библиотеке, занимаясь кропотливой и скучной работой по восстановлению списка имен и адресов. Следующие два дня ушли на подготовку нужного количества писем, и когда работа наконец была завершена, Моури с облегчением вздохнул.

«Саграматолу – четвертый.

Список длинный.

Дирак Ангестун Гесепт».

Итак, он убил одним выстрелом нескольких зайцев. Во-первых, отомстил за несчастного старика, что доставило ему огромное удовлетворение. Во-вторых, нанес Кайтемпи еще один удар, разделившись с ее агентом, а заодно приобрел машину, которую невозможно опознать. И наконец, он еще раз подтвердил решимость ДАГ во что бы то ни стало прорваться к власти.

Чтобы джеймекская администрация не расслаблялась, вместе с письмами Моури отослал еще шесть посылок. Внешне они не отличались от предыдущих внутри слышалось такое же тихое тиканье, но на этом сходство и заканчивалось. Через определенное время – от шести до двадцати часов после отправки – или при попытке вскрытия каждая посылка взорвется с такой силой, что адресата размажет по стенам.

На четвертый день после возвращения в свою квартиру в Пертейне Моури

незаметно выскользнул из здания, взял машину и наведлся к отметке тридцать третьего дена по дороге на Радин. Несколько патрульных машин обогнали его по пути, но их экипажи не проявили интереса к одинокому динокару. Доехав до отметки, Моури слегка разворошил землю у основания столба и нашел свой собственный целлофановый пакет, в котором теперь лежала маленькая карточка. Он прочел: «Асако 19-1713».

Сработало!

Остановившись у первой же телефонной будки, Моури отключил сканер и набрал номер. Незнакомый голос зазвучал в трубке, но экран остался темным. Очевидно, на другом конце соблюдали те же меры предосторожности.

– Это девятнадцать – семнадцать – тринадцать, – раздалось в трубке.

– С Гурдом или Скривой можно поговорить? – спросил Моури.

– Подождите, – приказал голос.

– Только недолго, – предупредил Моури, – или до свидания.

В ответ что-то буркнули. Моури сжимал трубку в руке, одновременно наблюдая за дорогой, готовый выскочить из кабины, как только интуиция подскажет ему, что пора сматываться. В разведшколе ему советовали всегда прислушиваться к подсознательному чувству опасности. И наверное, его ангел-хранитель все время порхал где-то поблизости – раз Моури до сих пор жив и на свободе.

Джеймс уже собирался удрать, когда услышал низкий голос Скривы:

– Кто это?

– Твой благодетель.

– А, ты! Что-то я ничего не получил от тебя!

– А я от вас. Ты что, перепугался? В чем дело?

– Не телефонный разговор, – сказал Скрива. – Нам лучше встретиться. Ты где?

В голове Моури пронеслись разные мысли. «Ты где?» Что, если Скриву используют как наживку? Они вполне могли добиться от него добровольного сотрудничества – если дали ему понять, каковы будут последствия отказа.

С другой стороны, вряд ли Скрива стал бы спрашивать, где он находится. В Кайтемпи давно определили бы, откуда он звонит. Более того, в их интересах подольше задержать его у телефона, а Скрива явно спешил закончить разговор. Да, пожалуй, все чисто.

– Ты что – онемел? – рявкнул Скрива в трубку; голос его был полон нетерпения.

Это окончательно убедило Моури – все в порядке.

– Я думаю. Что, если мы встретимся у столбика, где ты оставил номер своего телефона?

– Годится.

– Только ты и Гурд, – предупредил Моури, – никого больше.

– Кажется, кто-то перепугался? – спросил Скрива. – Я сейчас буду.

Снова подъехав к отметке, Моури остановил машину на обочине и стал ждать.

Через двадцать минут появился динокар Скривы. Бандит вышел, сделал несколько шагов и в нерешительности остановился. На его лице появилась растерянная ухмылка, затем он сунул руку в карман и торопливо огляделся. Но других машин поблизости не было.

Моури усмехнулся:

– Что тебя беспокоит, парень? Нечистая совесть или пустой кошелек?

Шагнув поближе, Скрива воззрился на него с нескрываемым удивлением.

– Так это ты! Что это с тобой?

Не ожидая ответа, он обошел вокруг машины и сел на переднее сиденье.

– Тебя и не узнать.

– Так и задумано. И тебе не мешало бы измениться к лучшему. Сильно озадачишь полицейских.

– Может быть, – отозвался Скрива, затем, помолчав, сказал: – Они схватили Гурда.

Моури напрягся.

– Как? Когда?

– Этот придурок спустился с крыши и угодил прямо в лапы двух агентов Кайтемпи. Мало того, он еще полез за пистолетом.

– Он должен был выдать себя за электрика... или сказать, что проверяет телефонную линию. Может быть, тогда ему удалось бы выпутаться.

– Гурд никогда ничего не умел объяснять, – возразил Скрива. – Он просто так устроен – не умеет работать языком. Мне все время приходилось вытаскивать его из всяких историй.

– Но тебя же не тронули?

– Я был на другой крыше... за квартал от него. Они меня не заметили. Все кончилось прежде, чем я смог спуститься на помощь Гурду.

– Что с ним случилось?

– То, чего следовало ожидать. Не успел он сунуть руку в карман, как получил дубинкой по голове. Потом его запихали в фургон.

– Не повезло парню, – сочувственно произнес Моури. Немного подумав, он спросил:

– А что стряслось в баре «Сузун»?

– Точно не знаю. В тот момент мы с Гурдом были далеко... и один приятель посоветовал не показываться там. Говорят, туда вломились человек двадцать из Кайтемпи, зацапали всех парней и устроили засаду. Я в «Сузуне» больше не показывался. Наверное, какой-то соко распустил язык.

– Может быть, Бутин Архава?

– Каким образом? Гурд снес ему башку раньше, чем он мог проболтаться.

– Возможно, он сумел кое-что рассказать уже после того, как пообщался с Гурдом... Знаешь, потерял голову и...

Скрива прищурился:

– Ты это о чем?

– Ладно, не обращай внимания. Ты забрал сверток под мостом?

– Ага.

– Хочешь еще, или уже так разбогател, что гильдеры тебя больше не волнуют?

Глядя на Моури и что-то подсчитывая в уме, Скрива спросил:

– Сколько у тебя денег?

– Хватит, чтобы оплатить твои труды.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Не говорит – и не надо, – заверил бандита Моури. – Так что же ты думаешь?

– Мне нравятся деньги...

– Вполне разумно, – согласился Моури.

– Я их просто обожаю... – продолжал Скрива таким тоном, словно рассказывал притчу. – А кому же не по вкусу гильдеры? Ага, кто же их не любит? Вот и Гурд... – Скрива замолчал, потом добавил: – Если кто к ним безразличен – он либо дурак, либо покойник.

– Ближе к делу, – нетерпеливо отозвался Моури. – Хватит ходить вокруг да около, мы не можем торчать здесь весь день.

– Я знаю одного парня, который тоже очень любит деньги.

– Ну и что?

– Он тюремщик, – многозначительно добавил Скрива.

Отодвинувшись к краю сиденья, Моури внимательно посмотрел на него.

– Давай напрямую. Чем он может помочь и сколько это стоит?

– Он говорит, что Гурд и несколько наших старых друзей сидят в одной камере. Их пока не пропустили через мясорубку, но рано или поздно это произойдет. Кайтемпи обычно дает время поразмыслить о будущем... потом легче развязываются языки.

– Обычный метод, – согласился Моури. – Сначала из них сделают психопатов, а потом – калек.

– Да, вонючие соко, – Скрива сморщился и сплюнул в окно. – Когда приходит время, из Кайтемпи приезжают за нужным человеком в тюрьму, показывают ордер и забирают его к себе для допроса. Иногда его привозят обратно через несколько дней... уже инвалидом. А чаще не привозят. Тогда они присылают в тюрьму свидетельство о смерти для отчетности.

– Дальше.

– Этот парень, любитель гильдеров, сообщит мне номер камеры Гурда и обычное время визитов Кайтемпи в тюрьму. Еще он раздобудет экземпляр официального бланка – ордера на выдачу заключенного. – Сделав паузу, Скрива закончил: – Он хочет сто тысяч.

Моури беззвучно присвистнул.

– Думаешь, стоит попытаться вытащить Гурда?

– Ага.

– Я не знал, что ты так его любишь.

– По мне, пусть он сгниет там, – раздраженно сказал Скрива. – Он расплачивается за собственную тупость. С какой стати я должен беспокоиться о нем?

– Ну и пусть сгниет. А мы сэкономим сто тысяч.

– Да, – согласился Скрива, – но...

– Но что?

– Мне не помешала бы его помощь... и там есть еще два подходящих парня. Они бы и тебе пригодились, если найдется работенка. К тому же в тюрьме Гурд заговорит, а он слишком много знает. Лучше его вытащить – пока Кайтемпи не взялась за него... Подумай... и что такое для тебя сто тысяч?

– Слишком большая сумма, чтобы выбрасывать на ветер, – резко ответил Моури. – А к тому же... Где гарантия, что ты не врешь?

Лицо Скривы потемнело от гнева.

– Так ты мне не веришь, да?

– Нужны доказательства.

– Может быть, организовать тебе экскурсию в тюрьму?

– Очень остроумно. Ты, похоже, забыл, что Гурд сообщит массу интересного о тебе, но не сможет ничего конкретного рассказать обо мне

– даже если будет орать до посинения. Вот так, приятель. Я трачу деньги – мои деньги – на решение своих проблем, а не твоих.

– Так тебе на нас с Гурдом наплевать?.. – спросил Скрива все еще угрожающим тоном.

– Я этого не говорил. Я только подчеркнул, что не намерен бросаться деньгами за просто так. Я плачу за результат.

– Что ты имеешь в виду?

– Скажи этому жадному ублюдку, что мы заплатим ему двадцать тысяч за ордер Кайтемпи. Из рук в руки: нам – бланк, ему – деньги. Остальные восемьдесят тысяч он получит после того, как Гурд и остальные парни будут на свободе.

На угрюмой физиономии Скривы промелькнуло удивление, затем – нечто похожее на благодарность и наконец сомнение:

– А если он не согласится?

– Тогда ничего не получит.

– Предположим, он согласится, но не поверит, что я смогу достать остальные деньги? Как мне убедить его?

– Даже не пытайся, – посоветовал Моури. – Для того чтобы подзаработать, ему, как и всякому другому, придется раскинуть мозгами. Если не захочет, останется в нищете.

– Возможно, он предпочтет бедность риску.

– Сомневаюсь. Он ничем особенно не рискует и прекрасно знает об этом. У него есть шанс нагреть нас, но вряд ли он им воспользуется.

– Какой шанс?

– Предположим, мы приезжаем с ордером – а нас уже поджидает Кайтемпи. Значит, парень нас продал. В Кайтемпи ему заплатят не больше пяти тысяч за голову – итого десять плюс наши двадцать за бланк. Так?

– Так, – согласился Скрива, еще не очень понимая, в чем дело.

– Но он потеряет обещанные восемьдесят тысяч. Разница достаточно велика, чтобы служить гарантией его честности – до момента, когда он зацапает всю сумму.

– Так, – повторил Скрива, заметно повеселев.

– После этого – вжик! – сказал Моури. – Сразу рвем когти, и чем быстрее, тем лучше – так, чтобы и дьявол нас не догнал.

– Дьявол? – Скрива удивленно уставился на него. – Это же спакумское ругательство!

Моури pokrылся испариной, но ответил как ни в чем не бывало:

– Естественно. Во время войны каких только словечек не подцепишь! Особенно на Диракте.

– А, конечно, на Диракте, – повторил Скрива, успокоившись. Он выбрался из машины. – Я поеду, встречусь с этим тюремщиком. Надо торопиться. Звякнешь мне завтра в это время, идет?

– Хорошо.

Когда динокар Скривы скрылся из виду, Моури вырулил с обочины и поехал в Пертейн.

Глава 9

На следующий день Моури предстояла довольно легкая и не очень рискованная работа. Он намеревался поболтать с пертейнскими сплетниками – в точном соответствии с методикой постепенного воздействия, которой его обучили в школе.

«Сначала необходимо создать внутреннюю оппозицию. Не важно, существует ли она на самом деле, главное – убедить противника в ее существовании».

Это он уже выполнил.

«Во-вторых, нужно заставить власти опасаться этой оппозиции. Пусть они в панике начнут наносить удары вслепую».

Этого он тоже добился.

«В-третьих, необходимо отвечать на удары противника открытым сопротивлением, чтобы заставить его действовать так же открыто, привлечь внимание общественности к этой борьбе и создать впечатление, что оппозиция уверена в своих силах».

И этого он достиг.

«Четвертый этап осуществят наши космические силы. Мы нанесем мощные удары, чтобы развеять миф о неуязвимости обороны противника. В результате

моральное состояние населения станет нестабильным».

Налет на Шугрум создал нестабильность.

«Пятый этап – распространение слухов. Люди будут готовы поверить им, начнут передавать слухи – и эти истории ничего не потеряют при пересказе. Искусная полуправда, распространившись среди больших групп населения, может посеять тревогу и неуверенность на значительной территории. Но аккуратно выбирайте собеседников. Если вы нарветесь на фанатичного патриота, вам конец».

В каждом городе на обитаемой планете в любой части галактики местный парк – прибежище праздношатающих и болтунов. Именно туда и направился Моури утром. Парк пользовался популярностью в основном у стариков и старух. Молодежь и люди средних лет предпочитали держаться подальше от таких мест: их всегда могли спросить, почему они не на работе.

Усевшись рядом с мрачным, громко сопевшим стариком, Моури уставился на клумбу лохматых цветов и упорно разглядывал их, пока Сопун наконец не повернулся к нему и не произнес, желая начать разговор:

– Вот и еще двух садовников забрали!

– Да? Куда же?

– В армию. Если заберут остальных, я не знаю, что станет с этим парком. За ним должен кто-то присматривать.

– Да, тут надо потрудиться, – согласился Моури, – но я думаю, война сейчас – главное.

– Конечно, война всегда на первом месте, – отозвался старик с некоторым неодобрением. – Пора бы ее кончать. Но она все тянется и тянется. Иногда я сомневаюсь, кончится ли она вообще когда-нибудь.

– Да, это вопрос, – поддакнул Моури.

– Все наверняка не так здорово, как они сообщают, – продолжал Сопун ворчливо. – Иначе с войной уже давно бы покончили. Она не тянулась бы так долго.

– Лично я думаю, что дело плохо. – Моури помедлил и продолжал доверительным тоном: – Я даже знаю это наверняка.

– Вы знаете? Откуда?

– Возможно, не стоит рассказывать такие вещи... Впрочем, скоро это все равно станет известно всем.

– Что именно? – настаивал старик с настойчивым любопытством.

– Да о том, что случилось в Шугруме. Мой брат вернулся оттуда сегодня утром и рассказал мне.

– Ну, что же он рассказал?

– Он поехал туда по делам, но не смог добраться. В сорока денах от города поставлено оцепление, и его завернули. В зону не пускают никого, кроме военных, спасательных отрядов и врачей.

– Неужели?

– Мой брат сказал, что встретил одного парня... ему удалось спастись: убежал в чем мать родила – вся одежда сторела... Он рассказал, что Шугрум почти стерт с лица земли. Камня на камне не осталось. Триста тысяч погибших. Тошнит от зловония. Говорит, все настолько ужасно, что газетам запретили давать репортажи с места событий... даже упоминать об этом.

Уставившись прямо перед собой, сопящий старичок помалкивал и казался здорово напуганным.

Моури добавил еще несколько красочных деталей, посидел немного и отчалил. Все, что он рассказал, обязательно будет повторено, в этом он мог не сомневаться. Дурные новости распространяются быстро. Чуть позже, в полумиле от старичка, он подцепил на крючок человека с выпученными маленькими глазками и злым лицом – такие обыкновенно рады услышать о какой-нибудь беде.

– Даже в газетах боятся упоминать об этом, – закончил Моури очередной вариант своей истории.

Пучеглазый нервно сглотнул.

– Если один спакумский корабль смог прорваться и сбросить мощную бомбу, смогут и другие.

– Да, правда.

– На самом деле они ведь могли бы сбросить и не одну бомбу. Почему они этого не сделали?

– Возможно, они проводили пробный налет. Теперь, убедившись, что это нетрудно, они вернуться с настоящим грузом. Тогда от Пертейна мало что останется. – Моури потянул книзу мочку правого уха и цыкнул; на Земле в подобном случае он провел бы ребром ладони по горлу.

– Но кто-то же должен о нас позаботиться, – занервничал Пучеглазый.

– Я собираюсь позаботиться о себе сам, – сообщил Моури. – Выкопаю за городом щель поглубже.

Оставив собеседника парализованным от страха, Моури пошел дальше и вскоре выбрал похожего на труп типа, очевидно, владельца похоронного бюро на пенсии.

– Мой близкий друг – командир эскадры космического флота, – рассказал по секрету, – что спакумская атака превратила Гуму в практически необитаемую планету. Он думает, что спакумы не разбомбили Джеймс только потому, что собираются в ближайшее время его захватить.

– И вы в это верите? – спросил Грбовщик.

– Не знаешь, во что верить, когда правительство заявляет одно, а получается совсем другое. Но, конечно, это только личное мнение моего приятеля. Правда, он служит в космическом флоте и знает много такого, о чем мы и понятия не имеем.

– Но ведь было официально заявлено, что спакумский флот уничтожен.

– Да, они еще повторяли это, когда бомбы уже падали на Шугрум, – напомнил Моури.

– Верно! Я сам почувствовал взрыв! В моем доме вылетело два стекла и бутылка с зисом грохнулась со стола.

К середине дня жуткие истории о катастрофах в Шугруме и на Гуме, а также советы опасаться кошмарного бактериологического оружия и других ужасов, услышали тридцать посетителей парка. Получившие эту информацию явно не собирались держать ее при себе. Уже к вечеру тысяча человек узнает невеселые новости. А к полуночи не меньше десяти тысяч начнут распространять панические слухи. К утру их будет сто тысяч – и так далее, пока слухи не захлестнут весь город.

В условленное время он позвонил Скриве:

– Какие новости?

– Бланк у меня. Деньги готовы?

– Ага.

– Надо заплатить до завтрашнего утра. Что, если мы встретимся на старом месте?

– Нет, – сказал Моури. – Привычки вредят здоровью. Давай выберем другое место.

– Где?

– Есть некий мост, под которым ты нашел деньги в прошлый раз. Как насчет пятой отметки за мостом в южном направлении?

– Годится. Можешь приехать сразу?

– Мне нужно еще взять машину. Это недолго. Жди меня в семь.

Он добрался до отметки вовремя; Скрива уже ждал. Передав деньги, Моури взял ордер и внимательно изучил его. С первого взгляда было ясно: сделать копию ему не по силам. Бланк был так густо покрыт сложным орнаментом с замысловатыми завитушками, что походил на банкноту большого достоинства. Конечно, его могли бы скопировать на Земле, но ему с этим не справиться – даже при помощи обширного инструментария для подделки документов, который хранился в пещере.

Бланк был использован три недели назад, его, видимо, выкрали из тюремной картотеки. В нем содержалось указание об отправке на допрос в Кайтемпи заключенного по имени Мабин Гаруд, но оставалось место еще для десяти фамилий. Число, имя и номер заключенного были напечатаны в соответствующих графах. Внизу красовалась размашистая подпись чернилами – очевидно, чиновника Кайтемпи.

– Ну, бумага в наших руках, – начал Скрива. – Что же дальше?

– Я не смогу скопировать ордер, – сообщил Моури. – Слишком трудно и займет много времени.

– Ты хочешь сказать, нам не удастся его использовать? – в голосе Сливы прозвучало сердитое разочарование.

– Я этого не говорил.

– Так что же делать? Заплатить этой вонючке двадцать тысяч или вбить бланк ему в глотку?

– Можешь заплатить. – Моури еще раз тщательно осмотрел документ. – Думаю, поработав сегодня ночью, смогу вытравить дату, имя и номер. Подпись,

конечно, оставим.

– Рискованное дело! Подчистку легко обнаружить.

– Да, когда это сделано не мной. Я смогу восстановить поверхность бумаги и стертые линии рисунка. – Моури сделал паузу и задумчиво проговорил: – Пожалуй, без этого можно будет обойтись. Если немного повезет, новый текст ляжет на старое место. Вряд ли они станут рассматривать бланк через микроскоп.

– Будь они столь предусмотрительны, мы бы не гуляли до сих пор на свободе, – философски заметил Скрива.

– Мне понадобится пишущая машинка. Придется утром купить.

– Я могу достать тебе машинку на вечер, – предложил Скрива.

– Да? К какому времени?

– К восьми часам.

– В хорошем состоянии?

– Практически новая.

Моури с удивлением воззрился на бандита.

– Не мое дело, конечно, но зачем тебе пишущая машинка?

– На продажу. Я продаю разные вещи.

– Вещи, которые случайно попадают тебе в руки?

– Именно так, – подтвердил Скрива без тени смущения.

– Впрочем, меня это не интересует. Главное, ты ее достанешь. Встречаемся в восемь.

Машина Скривы тронулась. Подождав, пока она скроется из виду, Моури тоже поехал в город. Он перекусил и к восьми вернулся к отметке на шоссе. Вскоре появился Скрива с пишущей машинкой.

– Мне нужны полные имена Гурда и двух его приятелей, – сказал Моури. – Кроме того, необходимо узнать их тюремные номера. Можешь это сделать?

– Я их уже знаю. – Вытащив из кармана клочок бумаги, Скрива назвал номера, а Моури записал их.

– Тебе известно, когда из Кайтемпи обычно приезжают за заключенными?

– Да. Обычно между тремя и четырьмя часами дня. Раньше – никогда, очень редко – позже.

– Сумеешь ли ты выяснить к завтрашнему полудню, находятся ли еще Гурд и остальные парни в тюрьме? У нас будет бледный вид, если мы приедем за заключенными, которых уже отправили в Кайтемпи.

– Я проверю, – заверил Скрива. Его лицо напряглось. – Ты что, собираешься на дело завтра?

– Когда-нибудь все равно придется. Чем дольше мы станем откладывать, тем больше риск. А чем тебе не нравится завтра, а?

– Ничем, просто я не думал, что мы начнем так скоро.

– Почему?

– Я считал, что на подготовку уйдет больше времени.

– Готовить больше нечего, – заявил Моури. – Бланк есть. Я подделаю ордер на выдачу трех заключенных. Затем – либо они нам поверят, либо нет. Если да – все в порядке. Если, нет – стреляем первыми и сматываем удочки.

– Можно подумать, это так легко, – возразил Скрива. – Все, что у нас есть, – поддельная бумага. Ее недостаточно, чтобы...

– Да, этого мало, согласен. К тому же десять против одного – в кутузке удивятся, увидев незнакомые лица. Придется принять дополнительные меры.

– Какие еще меры?

– Не беспокойся, это мое дело. Раздобудь только пару помощников. Парням придется лишь сидеть в машинах с серьезным видом и не болтать. Каждому – пять тысяч.

– Пять тысяч? Да за такие деньги я наберу целый полк! А пожалуй, и два полка. Не знаю только, хороши ли они будут в бою.

– Это неважно, лишь бы ребята солидно выглядели. И предупреди – им не надо изображать крутых парней, как в баре «Сузун», понятно? Они должны походить на агентов Кайтемпи. – Моури подтолкнул локтем своего собеседника. – То же самое относится и к тебе. Когда мы приступим к операции, все трое должны быть чистыми и опрятными, в отглаженных костюмах и аккуратно завязанных галстуках. Я хочу, чтобы вы выглядели так, словно собрались на свадьбу. И если ты меня с этим подведешь – я выхожу из игры. Можешь сам выручать своих дружков – я тебе не помощник. Начальник тюрьмы наверняка не такой идиот, чтобы не отличить уголовников от полицейских.

– Может, нам серьги в уши вдеть? – ядовито поинтересовался Скрива.

– Лучше бриллиант на пальце, чем грязная шея, – отрезал Моури. – По мне, так пусть будет перебор с украшениями, лишь бы вы не выглядели как шайка бродяг. Ваш шикарный вид никого не удивит – многие ищейки обычно любят пустить пыль в глаза. – Он сделал паузу, ожидая, что Скрива что-нибудь ответит, но тот молчал. Моури продолжил: – Кроме того, ребята должны быть надежные, а то, боюсь, получив по пять тысяч от меня, они захотят получить еще столько же в Кайтемпи.

Тут Скрива был в своей стихии. Он мрачно усмехнулся и пообещал:

– Никто из них не скажет ни слова – это я тебе гарантирую.

Такое заявление прозвучало достаточно зловеще, но Моури пропустил его мимо ушей.

– И последнее: нужны два динокара. Можно воспользоваться нашими, но тогда придется менять номера. Что скажешь?

– Угнать пару дино не сложнее, чем выпить кружку зиса. Фокус в том, чтобы освободиться от них как можно раньше. Чем дольше мы будем их использовать, тем больше шансов, что нас заметут.

– Придется поторапливаться, – сказал Моури. – Возьми их перед самой операцией. Мы оставим наши машины на стоянке с другой стороны моста Асако. Как только выедем из тюрьмы – прямым ходом туда и пересаживаемся на свой транспорт.

– Ага, так лучше всего, – согласился Скрива.

– Тогда договорились. Я буду ждать у восточных ворот городского парка завтра в два часа. Ты заедешь за мной со своими ребятами.

Тут Скрива почему-то забеспокоился; его взгляд внезапно стал подозрительным. Он нервно потер ладони, открыл и закрыл рот. Моури, с интересом наблюдая за ним, спросил:

– Ну, в чем дело? Ты что, передумал?

Скрива сделал усилие, стараясь собраться с мыслями, и выпалил:

– Послушай, что тебе Гурд? А тем более другие? Зачем ты платишь хорошие деньги и рискуешь своей шкурой, чтобы вытащить их из тюрьмы? Мне этого не понять.

– Многое в жизни трудно понять. Например, непонятно, кому нужна война, но мы увязли в ней по уши.

– Плевать на войну! При чем здесь это?

– При том, – возразил Моури. – Что мне она не нравится, как и многим другим. И если почаще пинать правительство, ему она тоже придется не по вкусу.

– А, так вот в чем дело! – Скрива рассматривал его с искренним изумлением; очевидно, в голове у бандита не укладывалось, что кто-то может рисковать жизнью и деньгами из политических соображений. – Значит, ты хочешь насолить властям?

– Ты против?

– Мне абсолютно наплевать, – сказал Слива и добавил с достоинством:

– Политика – грязная игра. Каждый, кто лезет в нее, – просто псих. В итоге он не получит ничего, кроме бесплатных похорон.

– Ну, это будут мои похороны, а не твои.

– Конечно. Потому-то мне и наплевать. – Скрива явно испытывал большое облегчение, выяснив сокровенные мотивы щедрости Моури. Он кивнул и завершил разговор: – Встречаемся у входа в парк завтра.

– Не опаздывай. Если вас не будет вовремя, меня не ищи.

Как и в прошлый раз, он подождал, пока машина Скривы скрылась из вида, и только тогда направился в город. Он подумал: хорошо, что Скрива обычный уголовник. Его просто не интересует политика, этика, патриотизм и другие подобные материи, если на них нельзя заработать. Очевидно, свою деятельность в последнее время он рассматривает как весьма прибыльную, хотя и противозаконную; однако ему не приходит в голову назвать ее предательством. Различие между уголовщиной и изменой выше его понимания.

Любой мерзавец из компании Скривы продаст Кайтемпи родную мать – но не из чувства долга перед отечеством, а просто за пять тысяч гильдеров. С такой же легкостью они продадут Моури и удовлетворенно положат деньги в карман. Они не заложили его с потрохами только потому, что им не выгодно сворачивать шею курице, несущей золотые яйца. Так что если Скриве удастся раздобыть помощников и машины, завтра он появится на месте вовремя. В этом Моури был уверен.

Ровно в два часа дня большой черный динокар остановился у восточных ворот парка; Моури сел в машину, и дино рванул с места. Другой дино, более потрепанный, следовал чуть позади первого.

Скрива, сидевший за рулем, был таким нарядным и респектабельный, каким вряд ли его когда-нибудь видели. От него слегка пахло модным лосьоном и, казалось, чувствовал он себя не в своей тарелке. Не отрывая взгляда от дороги, он ткнул через плечо большим пальцем в парня, расположившегося на заднем сиденье. Этот тип с нависшими бровями и квадратной челюстью был вымыт, выбрит и отполирован не хуже Скривы.

– Познакомьтесь с Литором. Самый шустрый верт на Джеймеке.

Моури повернул голову и вежливо кивнул. Литор ответил ему пристальным взглядом. Моури потер лоб, вспоминая, что же такое «верт». Кажется, он никогда раньше не слышал этого слова, а сейчас не решился спросить, что оно значит. Быть может, это не просто местный жаргон; слово могло войти в обиход за годы его отсутствия. Проявлять свое невежество, пожалуй, не стоило.

– Парень в другой машине – Брэнк, – пояснил Скрива. – Тоже классный верт. Правая рука Литора. Так, Литор?

Самый шустрый верт на Джеймеке что-то проворчал в ответ. Надо отдать ему должное, он очень походил на угрюмого агента Кайтемпи.

Изрядно попетляв по боковым улочкам, они выехали на главную магистраль и остановились. Мимо двигалась колонна тяжелых грузовиков, набитых солдатами и военной техникой. Казалось, она никогда не кончится; машины тянулись нескончаемым потоком. Скрива начал тихо бормотать ругательства.

– Посмотри, как эти парни глазают по сторонам, – заметил Моури, наблюдая за солдатами. – Должно быть, их только что перебросили сюда.

– Ага, с Диракты, – подтвердил Скрива. – Сегодня приземлились шесть транспортов. Ходят слухи, что вылетело десять, но добрались только шесть.

– Неужели? Плохи же здешние дела, если, не считаясь с такими потерями, сюда перебрасывают дополнительные силы...

– А что вообще есть в жизни хорошего... кроме пачки гильдеров в два моих роста? – Скрива оскалился и плюнул в окно в сторону гроыхающих грузовиков. – На сколько они нас еще задержат? Так и будем торчать здесь, пока двое придурков не поднимут шум из-за пропавших машин? Полиция решит, что мы специально ее дожидаемся.

– Ну и что? – спросил Моури. – Ведь твоя совесть чиста, не так ли?

Скрива опять презрительно сплюнул. Наконец колонна военных грузовиков прошла. Динокар рванулся с места, вылетел на дорогу и помчался вперед.

– Полегче, приятель, – посоветовал Моури. – Будет очень обидно, если нас остановят за превышение скорости.

Скрива затормозил неподалеку от тюремных ворот. Второй динокар встал рядом. Бандит повернулся к Моури.

– Прежде чем идти, я хотел бы взглянуть на бумагу.

Вытащив ордер из кармана, Моури протянул его Скриве. Тот внимательно

изучил бланк и передал Литору.

– Кажется, порядок. Как ты полагаешь?

Литор бесстрастно взглянул на своего шефа.

– Либо сойдет, либо нет. Скоро узнаем.

Почувствовав что-то зловещее в этом замечании, Скрива вновь засомневался. Он повернулся к Моури.

– Значит, входим, показываем бумагу и ждем, пока не приведут парней, так?

– Именно так.

– А что, если кроме бумаги они потребуют показать удостоверения?

– Покажем, – Моури хлопнул себя по карману. – Специально припас для такого случая.

– Да? И откуда же?

– Какая разница? Выглядит оно вполне убедительно, – ушел от ответа Моури. – А ты прикрепи на лацкан эту штуку, – он протянул Скриве значок Саграматолу. – При необходимости сунешь им в нос.

С удивлением рассматривая значок, Слива спросил:

– Где ты его взял?

– Подарил один приятель из Кайтемпи. Я очень обаятельный, понимаешь?

– За дурачка меня держишь? Никто из этих вонючих соко даже не подумает...

– С ним случилось несчастье, – вставил Моури. – Ну, а дальше, сам понимаешь. Мертвые агенты обычно очень любезны.

– Прикончил его?

– Не надо быть таким любопытным, – нравоучительно заметил Моури.

– Да какое тебе дело? – подал голос Литор с заднего сиденья. – Не стоит терять время. Давайте, шевелитесь, и покончим с этим или плюнем на все – и по домам.

Взбодренный этим замечанием, Скрива нажал на газ. Но чем ближе была их цель, тем больше Моури мучился сомнениями. Неудача означает петлю. А если и повезет, поднимется такой шум, что придется отсиживаться в норе целый месяц. В результате он получит трех недотеп – возможно, лишнюю обузу на свою шею.

Он уже жалел, что затеял всю эту историю. Без Гурда с приятелями, пожалуй, было бы безопаснее... Конечно, четыре головы лучше, чем одна, и три лишних пистолета тоже не повредят, но он прекрасно обошелся бы без тарарама, который поднимется из-за побега. Вся эта шумиха потянется за ним, как хвост за кометой.

Но отступать было поздно. Они приближались к тюрьме, ее стальные ворота уже поблескивали впереди на фоне каменной стены. Подкатив к ним, обе машины остановились. Моури вышел. За ним следовал Скрива, серьезный и внушительный в своем парадном костюме.

Моури нажал на кнопку звонка. Маленькая дверца, врезанная в стальную створку ворот, приоткрылась с пронзительным скрипом. Вооруженный охранник вопросительно смотрел на них, стоя в дверном проеме.

– Ордер Кайтемпи на выдачу трех заключенных, – объявил Моури с

приличествующим случаю высокомерием.

Кинув взгляд на машины и сидящих в них вертов, охранник пропустил Моури со Скривой, закрыл дверь и задвинул засов.

– Что-то вы сегодня рановато.

– Да, много работы. Мы торопимся.

– Сюда.

Они двинулись за охранником, Скрива шел позади, держа руку в кармане. Охранник провел их в административное здание, где, миновав коридор с решетчатой раздвижной дверью, они оказались в небольшом кабинете. За столом восседал дородный сири с угрюмой физиономией, перед ним красовалась табличка: «Комендант Торник».

– Ордер на выдачу для допроса трех заключенных, – официально заявил Моури. – Вот документы, комендант. Мы очень торопимся и будем признательны, если их приведут поскорее.

Торнии нахмурился, взял бланк и, не посмотрев на него, потянулся к телефону. Набрав номер, он отдал распоряжение привести троих заключенных в кабинет. Затем комендант откинулся на стуле и без всякого выражения уставился на посетителей.

– Я вас раньше не встречал.

– Конечно, комендант. Это естественно.

– Да?

– Дело в том, что эти заключенные не обычные преступники. Мы имеем основания подозревать, что они являются боевиками Дирак Ангестун Гесепт. Поэтому их будут допрашивать и в Военной Разведке, и в Кайтемпи. Я – представитель ВР.

– Да? – отозвался Торник; лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным. – К нам никогда раньше не приезжали сотрудники ВР. Вы можете предъявить удостоверение?

Достав документ, Моури протянул его Торнику. Все шло не так быстро и гладко, как он надеялся. Очевидно, комендант любил потянуть время.

Быстро проглядев документы, Торник вернул удостоверение и заметил:

– Полковник Халопти, ситуация несколько необычная. Ордер в порядке, но я обязан отправлять заключенных только в сопровождении агентов Кайтемпи. Это очень строгое правило, и я не могу его нарушить даже ради полковника Военной Разведки.

– Но меня сопровождают люди из Кайтемпи, – ответил Моури. Он бросил на погруженного в протрацию Скриву многозначительный взгляд. Тот пришел в себя и отвернул лацкан пиджака, демонстрируя нагрудный знак. Моури добавил: – Мне дали трех агентов, пояснив, что их присутствие обязательно.

– Да, все правильно. – Открыв ящик стола, комендант вытащил солидного вида бланк и заполнил его, списав все данные из предъявленного Моури ордера. Закончив свой труд, он с сомнением хмыкнул, посмотрел на бланк, потом перевел взгляд на Моури. – Боюсь, что ваша подпись тут не годится, полковник. Только

представитель Кайтемпи имеет право удостоверить расписку о выдаче заключенных.

– Я поставлю свою подпись, – с готовностью предложил Скрива.

– Но у вас только значок, а не офицерское удостоверение, – возразил Торник. – Вы всего лишь агент.

Проклиная про себя идиотскую приверженность коменданта к формальностям, Моури вмешался в разговор:

– Агент – из Кайтемпи и временно находится в моем подчинении. Я – офицер, но не из службы Кайтемпи.

– Да, но...

– Расписка о выдаче заключенных должна быть удостоверена офицером и представителем Кайтемпи. Следовательно, все условия будут соблюдены, если мы оба ее подпишем.

Торник глубоко задумался, уставившись в стену остекленевшими глазами и мысленно листая страницы инструкций. Наконец, он очнулся и кивнул головой.

– Да, надо соблюдать... соблюдать все правила. Распишитесь оба.

Тут дверь распахнулась, впуслав Гурда с приятелями; все трое дружно позвякивали ручными кандалами. За ними в комнату вошел охранник, вытащил ключ и снял наручники. Гурд, изможденный и равнодушный, не отрывал глаз от пола; выражение лица у него было довольно кислое. Второй парень, видимо – прекрасный актер, по очереди мерял презрительным взглядом Торника, Моури и Скриву. Третий, охваченный телячьим восторгом, блаженно разулыбался, так что Скриве пришлось на него цыкнуть. Улыбка исчезла. К счастью, ни Торник, ни охранник ничего не заметили.

Моури уверенным росчерком подписал бланк; Скрива быстро поставил внизу свою закорючку. Трое заключенных стояли молча. Гурд все разглядывал пол, второй парень злобно кривил рот, третий весьма ненатурально изображал горе. Вид у него был, как на похоронах богатой тетушки. Моури решил, что номер третий – глуп и его ждет ранняя кончина.

– Благодарю, комендант, – Моури повернулся к двери. – Пошли!

В крайнем изумлении Торник подскочил на своем стуле и воскликнул:

– Как, без наручников, полковник? Вы не привезли с собой наручники?

Гурд напрягся, номер второй сжал кулаки, номер третий почти упал в обморок.

Обернувшись, Моури сказал:

– В специализированном транспорте ВР стальные кандалы крепятся к днищу машины. – Он улыбнулся с видом превосходства. – У нас в Военной Разведке полагают, что для побега преступнику нужны ноги, а не руки.

– И то верно, – согласился Торник.

Они вышли вслед за тем же охранником, который привел их в кабинет. Моури и Слива сопровождали заключенных, замыкая шествие. Опять по коридору, через решетчатую дверь, через главный вход и по двору. Вооруженные охранники, патрулирующие по стене, окружавшей тюрьму, безразлично смотрели на них.

Пять пар ушей напрягались, пытаясь уловить крики или топот ног из административного здания; пять кулаков были готовы в любую минуту оглушить провожатого.

Подойдя к воротам, охранник уже протянул руку к засову, собираясь открыть маленькую дверь, когда кто-то снаружи нажал на звонок. Неожиданный резкий звук ударил по нервам. Скрива наполовину выдернул пистолет из кармана. Гурд шагнул к охраннику с искривившимся от злобы лицом. Актер подпрыгнул, словно его стегнули. Простак открыл рот и едва не вскрикнул от испуга – однако только судорожно сглотнул, когда каблук Моури придавил ему ногу.

Только охранник сохранял спокойствие. Повернувшись спиной к остальным и не замечая их реакции на звонок, он трудился над засовом. Наконец дверь открылась; за ней стояли четыре мрачных типа в гражданском.

Один из них кратко сообщил:

– Кайтемпи! За заключенными.

По причине, известной только ему, охранник не считал странным, что одна делегация Кайтемпи сменяет другую. Он пропустил во двор четверку вновь прибывших и придержал дверь, пока выходили те, кто приехал раньше. Однако агенты не направились сразу в административное здание. Правда, они сделали несколько шагов в этом направлении; но потом, будто сговорившись, одновременно обернулись и уставились на Моури и его спутников. Необычный вид заключенных и неопиcуемый ужас на лице Простака привлекли их внимание.

До того, как дверь захлопнулась, выходящий последним Моури успел услышать, как агент рявкнул на охранника:

– Эй, ты! Откуда эти типы?

Он не расслышал ответа, но вопроса было вполне достаточно.

– Быстрее! Бежим – приказал он.

Они бросились к машинам, подгоняемые нетерпением и страхом. Рядом с их динокарами стоял еще один большой неуклюжий автомобиль; за рулем никого не было. Литор и Брэнк проворно распахнули дверцы.

Влетев в первый динокар, Скрива завел мотор; Гурд влез на заднее сиденье и плюхнулся на колени Литору. Двое остальных забрались в машину Брэнка.

Моури, задыхаясь, крикнул Скриве:

– Подожди! Я посмотрю, удастся ли угнать их дино!

Он бросился к третьей машине и яростно дернул дверную ручку. Она не поддавалась. Внезапно ворота распахнулись и кто-то закричал:

– Стоять! Стоять, не то...

Брэнк быстро высунул руку в боковое окно и выпалил четыре раза подряд. Он промазал, но своего добился – кричавший юркнул обратно за ворота. Моури помчался назад и нырнул на сиденье рядом со Скривой.

– Проклятая колымага! Заперта! Сматываемся, живо!

Машина рванулась вперед и помчалась по дороге; Брэнк следовал за ними. Глядя через заднее стекло, Моури видел, как четыре человека выбежали из тюремных ворот и торопливо бросились к своему динокару. Они потеряли

несколько драгоценных секунд, пока открывали дверцы и рассаживались в машине. Моури повернулся к Скриве.

- Эти соко погонятся за нами, – сказал он. – И оповестят по рации патрули.
- Да, но пока нас еще не сцапали.

Глава 10

Гурд спросил:

- Никто не додумался прихватить лишнюю пушку?
- Возьми мою, – ответил Литор, протягивая оружие.

Гурд жадно схватил пистолет и с неприятной улыбкой посмотрел на верта.

– Не хочешь, чтоб тебя поймали с оружием, да? Лучше, если меня с ним сцапают? Настоящий верт, точно!

– Заткнись, – огрызнулся Литор.

– Это кто просит меня заткнуться? – завелся Гурд. Он говорил с трудом, словно у него болело горло. – Парень делает на мне деньги – иначе бы духу его здесь не было! Сидел бы дома, в тепле, да проверял свои запасы левого зиса, а меня бы душили в Кайтемпи. И он еще советует мне заткнуться! – Наклонившись вперед, Гурд похлопал Моури по плечу дулом пистолета. – Сколько он получит с дела, машаец? Сколько ты ему обещал?

Его резко качнуло; машина повернула за угол, пронеслась по узкой улочке, взвизгнув шинами по асфальту, свернула направо, затем налево. Динокар Брэнка на такой же скорости сделал первый поворот, второй, но налево за Скривой не последовал. Его машина понеслась прямо, и вскоре они потеряли ее из виду.

Свернув еще раз, они оказались в переулке с односторонним движением, промчались по нему и выехали на параллельную улицу. Преследователей не было видно.

– Мы потеряли Брэнка, – сказал Моури. – А остолопы из Кайтемпи, кажется, потеряли нас.

– Пожалуй, они гонятся за Брэнком. Когда мы разъехались, им пришлось выбирать, за кем гнаться. А Брэнк был к ним ближе... – Скрива ухмыльнулся. – Нас это устраивает, не так ли?

Моури ничего не ответил.

– Вонючий верт велит мне заткнуться, – пробормотал Гурд.

Они ныряли в темные боковые улочки, мчались, запутывая следы, но не встретили ни одной патрульной машины. Последний поворот – и они устремились к мосту, за которым оставили свои дино. Внезапно сзади раздался резкий сильный щелчок. Моури обернулся, готовый увидеть полицейскую машину, севшую им на хвост.

Однако их никто не преследовал. На заднем сиденье Литор навалился боком на дверцу, как будто спал. Над правым ухом у него красовалась маленькая дырочка, из которой сочилась струйка крови.

Гурд ухмыльнулся Моури и буркнул:

– Одним вертом меньше... А нам спокойнее.

– Теперь в этой машине будет еще и труп, – вздохнул Моури. – Как будто и без того мало хлопот. Не вижу, в чем смысл...

Скрива перебил его:

– Парни из Кайтемпи поторопились, стреляя наугад... Жаль, что они уложили Литора. Он был самым лучшим вертом на Джеймеке.

Он резко затормозил, выпрыгнул из машины, перебежал через площадку и полез в свой дино. Гурд последовал за ним, не выпуская пистолет из рук и не заботясь о том, что его может кто-нибудь увидеть.

Моури задержался у дверцы, пока Скрива заводил машину.

– А как же Брэнк?

– Что – Брэнк?

– Если мы оба уедем, он не сможет найти другую машину!

– Смеешься? В городе, набитом динокарами?

Скрива медленно тронул с места.

– Брэнка здесь нет, и остальное – его забота. Пусть сам справляется со своими трудностями. А нам, пока нет погони, нужно поторапливаться в одно безопасное местечко. Поезжай за нами.

С этими словами Скрива нажал на газ. Моури подождал, пока он не удалится на четыреста ярдов, и последовал за ним, постепенно увеличивая дистанцию. Стоит ли ехать с Гурдом и Скривой, чтобы попасть в очередной бандитский притон? Операция с тюрьмой завершена, он достиг своей цели, продемонстрировав возможности ДАГ. Брэнк потерялся, Литор мертв, так что вертам платить не надо. Если ему понадобятся услуги Гурда и Скривы, у него есть телефон, а также их секретный почтовый ящик под дорожным указателем.

Были еще соображения, по которым ему стоило побыстрее расстаться с братьями. Во-первых, документы на имя полковника Халопти больше не стоят ни гроша; к вечеру в результате проверки выяснится, что они фальшивые. В Пертейне опять становилось слишком жарко. Лучше выбираться из города, пока не поздно.

Во-вторых, ему давно пора передать очередной отчет; он чувствовал угрызения совести из-за того, что не выполнил эту работу в прошлый раз. Если не послать отчет в ближайшее время, другого случая может не представиться. А Земля должна находиться в курсе его дел.

К этому времени первая машина почти скрылась из виду. Повернув направо, Моури двинулся назад, в город. На улицах заметно прибавилось полиции, подкрепленной к тому же войсковыми частями. Патрульные машины сновали, как мухи, но никто не счел нужным остановить и допросить его. Прохожих на тротуарах было меньше, чем обычно, и выглядели они измученными, запуганными, мрачными.

Остановившись у тротуара возле какого-то заведения, Моури сидел в машине, как будто ждал кого-то, и наблюдал за происходящим на улице. Полицейские,

некоторые в форме, другие – в гражданском, патрулировали парами. Армейские держались группами по шесть человек. Их главная задача, казалось, состояла в том, чтобы бросать на прохожих устрашающие взгляды, а также задерживать, обыскивать и допрашивать каждого, кто им не нравился. Они внимательно наблюдали за машинами, разглядывали сидящих внутри, записывали номера динокаров.

Пока Моури сидел в своем дино, на него обратили внимание по крайней мере раз двадцать. Он выдерживал все изучающие взгляды со скучающим видом – и, вероятно, сыграл удачно, поскольку к нему ни разу не подошли. Но так не могло продолжаться вечно. Какой-нибудь особо ретивый агент решит проверить его – хотя бы потому, что этого не сделали другие. Находясь тут, он испытывает судьбу.

Моури отъехал, стараясь аккуратно вести машину, чтобы не привлекать внимание многочисленных полицейских. Случилось, без сомнения, что-то серьезное. Может быть, правительству наконец пришлось признать, что дела на фронте складываются не в пользу Империи? Или же слухи о Шугруме, которые он распространял, оказались настолько близки к истине, что факты больше невозможно скрывать? А что, если парочка важных чиновников вскрыла его посылки и оказалась размазанной по потолку? Ясно было одно: недавний побег не мог вызвать такой переполох, хотя, возможно, и послужил его причиной.

Моури нетерпеливо свернул в густонаселенный район, где снимал квартиру. Он собирался взять вещи и смыться как можно быстрее. На улице, рядом с его домом, как обычно подпирали стену несколько бездельников, бросая по сторонам равнодушные взгляды. Но что-то в них было не то. Грязная одежда и ленивые позы, обычные для мелкой местной шпаны, но уж больно эти молодчики были упитанными... и посматривали вокруг слишком высокомерно.

Волосы у него встали дыбом, и по спине пробежал холодок, словно у почуявшего ловушку зверя. Однако Моури продолжал вести машину так, словно эта улица была для него всего лишь еще одним отрезком долгого, утомительного пути. Взгляд его скользнул вдоль шеренги домов. Около фонаря стояли два загорелых парня в одних рубашках. Неподалеку еще четверо подпирали стену. Шестеро болтали, расположившись вокруг старого, полуразвалившегося грузовика, который приткнулся к тротуару как раз напротив его дома. Еще трое стояли в подъезде. И все они проводили Моури долгим тяжелым взглядом, когда он с безразличным видом проезжал мимо.

Итак, здесь устроена засада, но у них явно отсутствует описание его внешности. Возможно, это всего лишь фантазии, обман воображения. Однако инстинкт подсказывал Моури, что вся улица находится под наблюдением и единственный шанс уйти – ехать без остановок, не проявляя никакого интереса к окружающему. Он даже не рискнул взглянуть на свое окно, чтобы проверить, видны ли там следы взрыва – такого же, как в Радине. Любопытство может дорого ему стоить; достаточно любого неосторожного жеста, чтобы эта шайка начала действовать.

Всего он насчитал сорок крепких парней, слонявшихся вокруг и изображавших примерных бездельников. Приближаясь к концу улицы, он

заметил, как из подъезда вышли четверо и встали на краю тротуара. Их внимание было сосредоточено на его машине; похоже, они собирались остановить его просто так, на всякий случай.

Вовремя среагировав, Моури притормозил и подъехал к двум типам, сидевшим на ступеньках крыльца. Он опустил стекло и высунул голову. Один из сидящих встал и подошел к нему.

– Простите, – сказал Моури смущенно, – кажется, я заблудился. Как добраться до улицы Асако? Мне сказали, что нужно повернуть сначала направо, а на втором перекрестке налево. Но я попал сюда.

– Где вам это сказали?

– У военных казарм.

– Некоторые не могут отличить правую руку от левой, – осуждающе заметил незнакомец. – Надо сначала повернуть направо, на втором перекрестке налево и снова направо – после арки.

– Спасибо. В таком огромном городе легко заблудиться.

– Конечно, когда придурки показывают дорогу левой пяткой. – Он вернулся на крыльцо и снова сел, ничего не заподозрив.

Очевидно, предмет их забот был непохож на бравого полковника Халопти. Возможно, и засаду устроили на кого-то другого, тоже обитающего на этой труппной улице. Но Моури не хотел искушать судьбу и не собирался возвращаться в свою комнату. Если он ошибется, это будет стоить ему жизни.

Четверо, выстроившиеся впереди на краю тротуара, вернулись на место и снова облокотились о стену; видимо, беседа Моури с одним из их соратников успокоила агентов. Они не обратили на его машину внимания. Повернув направо, Моури возблагодарил небеса и нажал на газ. Однако расслабляться пока не стоило. Ехать далеко, а город превратился в гигантскую ловушку.

И действительно, на выезде из столицы его остановил патруль. Несколько секунд Моури колебался – затормозить или промчаться мимо. Он выбрал первое. В прошлом ему уже случалось удачно блефовать; может быть, повезет и на этот раз. К тому же попытка сбежать выдаст его с головой; каждая патрульная машина в округе устремится в погоню. Моури затормозил, надеясь, что все обойдется.

Патрульная машина ехала рядом с ним; сидевший около шофера полицейский высунулся в окно.

– Куда направляетесь?

– В Палмар, – ответил Моури, назвав городок в двадцати денах к югу от Пертейна.

– Это вам так кажется. Вы что, не слышали новостей?

– Нет, я с утра в дороге и был так занят, что даже не мог поесть как следует. Что случилось?

– Город закрыт. Никого не выпускают без специального пропуска. Поворачивайте назад, и советую вам в следующий раз быть в курсе событий. Купите себе вчерашнюю газету.

Голова полицейского исчезла, патрульная машина умчалась.

Моури смотрел ей вслед, и знакомое чувство безысходности охватывало его. Снова он был загнанным зверем. Если бы сейчас кто-нибудь остановил его машину или просто заинтересовался им, это вызвало бы у Моури единственную нервную реакцию: «Вот оно!» Собственно говоря, он, без сомнения, попадет, если будет тянуть время.

Моури колесил по городу, пока не наткнулся на стенд со свежими газетами, еще влажными от типографской краски. Он задержался на несколько минут, читая заголовки. Они были набраны огромными буквами и, по-видимому, могли неприятно поразить любого читателя.

ПЕРТЕЙН НА ВОЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ. ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ – РАСПОРЯЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ – ВСЕМУ НАСЕЛЕНИЮ ГОРОДА НЕ ПОКИДАТЬ ЕГО ПРЕДЕЛОВ. РЕШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВ ДИРАК АНГЕСТУН ГЕСЕПТ. ПОЛИЦИЯ ПРЕСЛЕДУЕТ ПОЧТОВЫХ ТЕРРОРИСТОВ. ДЕРЗКИЙ ПОБЕГ ИЗ ТЮРЬМЫ: ДВОЕ УБИТЫ, ДВОЕ СХВАЧЕНЫ.

Он быстро пробежал короткую заметку под последним заголовком. Агенты Кайтемпи, обнаружив тело Литора, занесли это убийство на свой счет. Таким образом, замечание Скривы было пророческим. Простака застрелили, Брэнка и второго парня взяли живьем. Они уже сознались в принадлежности к революционной партии. Никаких упоминаний, что двоим удалось уйти, и ни слова о полковнике Халопти.

Возможно, власти умышленно скрыли некоторые обстоятельства – чтобы у сбежавших возникло ощущение безопасности. Но он не попадет на эту удочку! Он больше не станет показывать свое удостоверение агентам Кайтемпи и полицейским. Но он не мог заменить его другим. Документы, которые находились поблизости, были заперты в чемодане и окружены кучкой агентов. Другие оставались в пещере, в лесу, дорогу к которому блокировали войска.

Войска. Да, возможно, это слабое звено, место, где ему удастся прорваться... Вероятно, солдаты и армейские офицеры проинструктированы не так тщательно, как полиция и Кайтемпи... К тому же военные обычно не склонны спорить с полковником, даже если тот в гражданском. Пожалуй, только равный по званию офицер мог рискнуть арестовать его и допросить. Но Моури не мог себе представить, чтобы полковник или, скажем, бригадный генерал возглавлял дорожный пост. Более вероятно, что этим вечером любой офицер чином выше младшего лейтенанта греется где-нибудь в штабе или пьет в баре, хвастая своими подвигами... Да, пожалуй, просочиться сквозь сеть легче всего именно в этом месте. Либо он вырвется на свободу, либо останется в городе и будет схвачен.

От столицы расходилось около шестидесяти магистралей. Главные дороги – широкие шоссе, ведущие в Радин и Шугрум, которыми он не раз пользовался, – скорее всего, охраняются более тщательно, чем второстепенные, связывающие Пертейн с небольшими поселками и отдельными предприятиями. Возможно, основные магистрали блокированы не только армией, но и полицией совместно с Кайтемпи.

Многие из второстепенных и проселочных дорог были Моури неизвестны. Но неподалеку начиналась дорога на Палмар, которую он знал. Она шла примерно

параллельно главному большому шоссе и вела в нужную сторону. Выехав на эту дорогу, он не сможет никуда свернуть с нее на протяжении сорока дней. Придется доехать до Палмара и только оттуда перейти на проселочную дорогу, ведущую в Валапан. А там – еще полчаса езды до заветного дерева.

Миная пригороды Пертейна, он постепенно продвигался к выбранной им дороге. Домов становилось все меньше, потом они исчезли совсем. Когда Моури пересекал сельскохозяйственную зону, впереди показалась полицейская машина; мгновение – и она промчалась мимо. Моури с облегчением вздохнул. Возможно, патрульные машины слишком торопились, чтобы тратить на него время, или решили, что у водителя есть пропуск.

Минут через пять он повернул и увидел в двухстах ярдах контрольно-пропускной пункт. Пара военных грузовиков перегораживала дорогу; между ними оставалась щель, в которую едва мог протиснуться динокар. Около дюжины солдат с автоматами, явно сучая, стояли перед грузовиками. Не видно было ни полиции, ни агентов Кайтемпи.

Моури сбавил скорость и остановился, но не выключил мотор. Солдаты уставились на него с тупым любопытством. Из-за ближайшего грузовика появился широкоплечий, приземистый сержант и двинулся к машине.

– У вас есть разрешение на выезд?

– Я в нем не нуждаюсь, – ответил Моури высокомерным тоном четырехзвездного генерала. Открыв бумажник, он показал свое удостоверение, моля Бога, чтобы его вид не вызвал триумфального охотничьего вопля.

Ничего не произошло. Сержант взглянул на документ, вытянулся и отдал честь. Заметив его реакцию, стоявшие рядом солдаты подтянули животы, а на их лицах появилось выражение служебного рвения.

Извиняющимся тоном сержант сказал:

– К сожалению, полковник, должен попросить вас подождать. По инструкции мне следует предварительно доложить дежурному офицеру, если через пост следует лицо, которое имеет право проехать без пропуска.

– Даже если речь идет о сотруднике Военной Разведки?

– Было особо подчеркнуто, что этот приказ относится ко всем без исключения. Я обязан его выполнять.

– Конечно, сержант, – снисходительно согласился Моури. – Я подожду.

Еще раз отдав честь, сержант направился в палатку за грузовиками. Тем временем солдаты застыли, напряженно вытянувшись, помня о присутствии высокого начальства. Очень скоро сержант вернулся, с ним был очень молодой озабоченный лейтенант.

Офицер подошел прямо к машине, отдал честь и открыл рот, но Моури опередил его:

– Можете стоять вольно, лейтенант.

Парень сглотнул, замялся и наконец выдавил:

– Полковник, сержант сообщил мне, что у вас нет разрешения на выезд.

– Да, это так. А у вас есть?

Застигнутый врасплох лейтенант чуть помедлил и с удивлением ответит

– Конечно, нет.

– Почему же?

– Я при исполнении служебных обязанностей.

– Я тоже, – сообщил Моури.

– Да, полковник. – Лейтенант снова замялся; казалось, он был чем-то озадачен. – Вы не могли бы показать мне ваше удостоверение? Это простая формальность. Я уверен, что все в порядке.

– Конечно, все в порядке, – многозначительно произнес Моури, словно по-отечески предостерегал молодого и неопытного офицера от необдуманного шага. И снова вытащил свои документы.

Лейтенант только мельком взглянул на его удостоверение.

– Благодарю вас, полковник. Понимаете – приказ есть приказ.

Затем он решил показать свое усердие: шагнул вперед, четким движением отсалютовал – на что Моури слегка кивнул головой – и, выполнив поворот кругом, щелкнул каблуками и гаркнул:

– Пропустить!

Солдаты послушно расступились. Моури въехал в проход между грузовиками. Миновав пост, он нажал на газ, набирая скорость. Несмотря на успех, он не испытывал радости. Ему было жаль молодого лейтенанта, который очень скоро станет мальчишкой для битвы. Моури представил, что произойдет, когда на пост прибудет старший офицер – проверить, как идут дела.

«– Что-нибудь новенькое, лейтенант?

– Ничего интересного. Никаких происшествий. Все спокойно. Пост проехал только один человек – кстати, без пропуска.

– Да? Почему же вы его не задержали?

– Это был полковник Халопти.

– Халопти? Где-то я слышал это имя... Я уверен, его упоминали в штабе...

Лейтенант, желая помочь:

– Он офицер Военной Разведки.

– Ага, ага. Но с этим именем что-то связано... Почему нам никогда не дают точной информации? Лейтенант! У вас есть передатчик?

– Здесь нет. Только на том посту, что расположен на главной дороге. У меня полевой телефон.

– Достаточно. Я позвоню.

Чуть позже:

– Ты, недоумок! За этим Халопти охотятся по всей планете! А он ускользнул у тебя из рук! Да за это расстрелять мало. Ну-на, быстро: когда он проехал? С ним кто-нибудь был? Он мог уже добраться до Палмара? Ну, напряги свои куриные мозги и отвечай! Ты запомнил номер его машины? Конечно, нет... разве можно ждать, что такой болван...»

И так далее, и тому подобное. Да, за ним могут броситься в погоню в любой

момент. Возможно, это случится через два-три часа, возможно – через десять минут. Мысль о последствиях заставила Моури набрать рискованную для такой дороги скорость.

Он проскочил через маленький сонный Палмар, ожидая, что местная полиция вот-вот откроет по нему стрельбу. Ничего не случилось, лишь несколько человек проводили его взглядами из окон. Никто не видел, как за городом он свернул с дороги на проселок, ведущий к шоссе Пертейн – Валапан.

Теперь пришлось снизить скорость. Динокар трясло и подбрасывало на ухабах, а двигался он раза в четыре медленнее. Если кто-нибудь попадетсся навстречу, его машина застрянет тут навсегда – на такой узкой дороге невозможно ни разъехаться, ни повернуть назад. В вечернем небе раздался рев реактивных самолетов; они стремительно пронеслись в вышине, равнодушные к творившимся на земле делам. Вскоре на горизонте появился низко летящий вертолет, помаячил вдали, повернул обратно и исчез. Очевидно, он кружил над Пертейном, инспектируя кольцо оцепления.

Никого не встретив, Моури добрался до шоссе Пертейн – Валапан. Прибавив скорость, он направился к своему дереву. Его обогнали несколько тяжелых военных грузовиков – и больше ни одной машины, ни в город, ни из города. Столица была наглухо заблокирована.

Когда он добрался до «могильной плиты» и развесистого дерева, служивших ему ориентирами, дорога была пустынной. Воспользовавшись этим, Моури выехал на лесную опушку и, пока было возможно, продолжал свой путь на машине. Вернувшись пешком назад, он аккуратно уничтожил следы автомобильных шин на въезде в лес и проверил, не видно ли машину с дороги.

Наступила ночь – значит, его путь к пещере снова будет медленным и трудным. Он отверг соблазн переночевать в машине и начать путешествие на рассвете. Но все же лучше скорее добраться до пещеры – там будет удобнее и намного безопаснее. Он сможет полакомиться настоящей земной пищей, а затем вытянуться в полный рост и спокойно уснуть, вместо того чтобы по-сириански свернуться клубочком и дремать вполглаза на сиденье динокара. Итак, он решил добраться до пещеры и, не откладывая дело в долгий ящик, пока еще не совсем стемнело, тронулся в путь.

Когда забрезжило утро, Моури подходил к своему убежищу – усталый, с воспаленными глазами. Его кольцо пульсировало уже пятнадцать минут, и он был уверен, что неприятные неожиданности ему не грозят. Миновав галечный пляж, он вошел в пещеру и приготовил себе еду, а после еды заполз в спальный мешок и отключился. С отчетом придется подождать, к тому же для выполнения новых инструкций нужна свежая голова.

Должно быть он действительно нуждался в отдыхе, так как проспал весь день. Когда Моури открыл глаза, уже снова сгущались сумерки. Приготовив ужин, он с наслаждением съел его и почувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

Насвистывая и при этом безбожно фальшивя, Моури слегка размялся и, бросив взгляд на нераспечатанные контейнеры, ощутил укол сожаления: как много еще не сделано! В одном из контейнеров находилось все необходимое – включая

документы, – чтобы еще тридцать раз изменить и внешность, и положение в обществе. Но в сложившейся ситуации он успеет сделать это в лучшем случае раза три. Другой был набит пропагандистскими материалами и оборудованием для печати листовок и новых писем. Моури мечтательно улыбнулся.

«Айт Литор – пятый.

Список длинный.

Дирак Ангестун Гесепт.»

Но это теперь не работает – агенты Кайтемпи записали Литора на свой счет. Хорошо бы использовать имена тех, кто пострадал от взрывов бомб, посланных по почте, но такой информации у него нет. Впрочем, время пропаганды прошло. Вся планета встала на дыбы, с Диракты брошены подкрепления, развернуты крупные воинские силы, готовые ударить по несуществующей революционной армии. В таких обстоятельствах письма с угрозами – просто булабочные уколы.

Выкатив пятый контейнер, он установил его на пляже, включил передатчик и стал ждать. Так прошло часа два. И вот: «Вирруи-дзт-пам! Вирруи-дзт-пам! Вызывает Джеймек! Вызывает Джеймек!»

Наконец контакт был установлен и прерывающийся из-за помех голос произнес:

– Начинайте. Мы готовы к записи.

– Джи Эм на Джеймеке, – ответил Моури. Затем он начал передавать информацию о последних событиях. Хотя он старался говорить как можно быстрее, передача заняла довольно много времени.

В заключение он сказал:

– Сейчас я не рискую возвращаться в Пертейн. Надо подождать, пока улягутся страсти, а когда это произойдет, сказать трудно. Думаю, что паника распространится и на другие города. Они ничего не обнаружат в столице и начнут систематически прочесывать все остальные населенные пункты.

Наступила долгая пауза, затем далекий голос сообщил:

– Мы не заинтересованы в том, чтобы на Джеймеке воцарилось спокойствие. Наоборот, необходимо еще больше обострить ситуацию. Немедленно приступайте к девятому этапу.

– К девятому? – удивился он. – Я же закончил только четвертый! А как же пятый, шестой, седьмой и восьмой?

– Забудьте о них. Слишком мало времени. К Джеймеку приближается корабль с новой «осой». Мы послали разведчика специально для выполнения девятой стадии, так как от вас долгое время не было сообщений и возникло подозрение, что вы провалились. Но теперь ваш преемник останется на борту, подберем для него другую планету. Не теряйте времени, приступайте и работе.

– Но девятый этап предполагалось осуществить непосредственно перед захватом планеты!

– Вы совершенно правы, – сухо подтвердил голос. – Повторяю, времени у вас мало.

Передатчик отключился. Сеанс связи закончился. Моури закатил цилиндр

обратно в пещеру. Затем он вышел наружу и поднял взгляд и звездам.

Задача девятого этапа заключалась в еще большем рассредоточении и дезорганизации воинских ресурсов противника, в максимальном давлении на его ослабленную, скрипящую военную машину. Это, возможно, будет одной из последних капель.

На заключительной стадии требовалось придать неразберихе и панике всеобъемлющий характер, добившись ее распространения не только на суше, но и в морских просторах планеты. На Джеймеке нанести такой удар было сравнительно просто. Колонизированный мир, населенный существами одной расы, не знал ни международных конфликтов, ни локальных войн и поэтому не нуждался в мощном флоте. Все военно-морские силы Джеймека состояли из отряда быстроходных легковооруженных катеров береговой охраны.

Даже торговый флот по земным меркам был невелик. Сири не успели освоить Джеймек до конца: только шесть сотен судов бороздили его моря по двадцати хорошо изученным маршрутам. И самый крупный корабль имел водоизмещение не более пятнадцати тысяч тонн. Тем не менее, оборонный потенциал планеты во многом зависел от бесперебойных морских перевозок. Задержка рейсов или значительное отклонение от графика движения нанесла бы большой урон экономике Джеймека.

Неожиданный переход от четвертого этапа к девятому означает, что приближающийся земной корабль несет груз специальных понтонов, которые скрытно будут сброшены вдоль известных морских трасс. В разведшколе Моури подробно ознакомился с этой тактикой и хорошо представлял свою роль в операции. Задача была той же, что и раньше – заставить противника размахивать кулаками, отбиваясь от несуществующей угрозы.

Устройство понтона было крайне простым – больше всего он напоминал обыкновенную нефтяную бочку с двадцатифутовой трубкой, торчавшей из крыши. К верхней части трубки крепился яркий наконечник. Внутри бочки находился несложный механизм, приводившийся в действие магнитным датчиком.

Понтон плавал у самой поверхности воды таким образом, что наружу торчал только наконечник и четыре-пять футов трубки. При приближении к стальному корпусу судна на четырехста ярдов срабатывал магнитный датчик и все устройство уходило под воду. Когда корабль удалялся, понтон снова всплывал.

Чтобы эта акция оказала желаемое воздействие, необходимо было заранее подготовить почву. Еще в начале войны противнику подкинули информацию о планах секретного производства крошечных подводных лодок с экипажем из трех человек, целая флотилия которых легко могла бы поместиться в грузовом отсеке космического корабля. Теперь Моури оставалось только привлечь внимание к проблемам морских перевозок, устроив несколько взрывов на торговых судах.

Моряки Джеймека не хуже прочих умели умножить два на два. Если все пойдет по плану, то при виде торчащей из воды трубки судно устремится в ближайший порт, взывая о помощи. Другие корабли, получив сигнал тревоги, либо потеряют много времени на обход опасного места, либо вообще останутся в

порту. Судостроительные заводы прекратят выпуск и ремонт грузовых судов, переключившись на изготовление бесполезных эсминцев. Бесчисленные самолеты, вертолеты и даже космические разведчики займутся патрулированием и стрельбой по обнаруженным понтонам.

Самое забавное в этой игре то, что совершенно не важно, обнаружит ли противник обман. Вояки могут поднять понтон, разобрать на части и продемонстрировать его действие каждому моряку на планете – это никого не убедит. Если взорваны два корабля – могут взорваться и еще двести. Перископ остается перископом, и быстрого способа отличить настоящий от поддельного не существует. Ни один капитан не захочет выяснять истину, рискуя нарваться на торпеду.

Алапертейн (малый Пертейн) был самым крупным портом Джеймека с населением в четверть миллиона. Он находился в сорока денах к западу от столицы и примерно в семидесяти денах к северо-западу от пещеры.

Скорее всего, там еще довольно спокойно, полицейские и Кайтемпи менее подозрительны, менее активны, чем в Пертейне: Моури никогда не бывал в этом городе и, следовательно, активности Дирак Ангестун Гесепт в нем не наблюдалось. Скоро ситуация изменится, но Моури не чувствовал жалости к властям Алапертейна.

Да, на Земле знают, что делать, и он должен подчиняться приказу. Придется навестить Алапертейн и выполнить задание как можно скорее. Он справится один, без Гурда и Скривы – после побега они слишком опасные союзники.

Открыв контейнер, Моури достал толстую папку с документами и просмотрел их, выбирая, какую из тридцати личин ему стоит надеть на этот раз. Каждая предназначалась для выполнения определенной задачи. Среди них было полдюжины вполне подходящих, способных оправдать его интерес к докам, причалам и кораблям. Он выбрал документы мелкого чиновника планетарной Службы морских перевозок.

Через час, загримировавшись в соответствии с новой ролью, Моури превратился в пожилого костлявого бюрократа, взирающего на мир сквозь очки в стальной оправе. Он полюбовался в зеркало на свою работу и ворчливо пробурчал несколько слов. Перевоплощение было завершено.

Конечно, длинные волосы были бы здесь более кстати, но приходилось довольствоваться короткой военной стрижкой полковника Халопти. О парике не могло быть и речи; за исключением очков, правила маскировки запрещали все, что можно сорвать, снять или содрать. Поэтому Моури выбрил себе лысину на макушке и на этом покончил с прической.

Наконец он взял новый чемодан и открыл его пластмассовым ключом. Несмотря на регулярное повторение этой рискованной операции, он продолжал ее ненавидеть – его не покидало ощущение, что чемодан в один прекрасный момент может закапризничать. Возможно, уже не одна «оса» погибла подобным образом, а земное начальство просто замяло дело.

Из другого контейнера Моури извлек три мины; две он собирался пустить в дело, одну взял про запас. Мины имели полусферическую форму; плоскую

сторону охватывало выступающее магнитное кольцо, а на выпуклой находилась кнопка часового механизма. Каждая весила одиннадцать фунтов, и вместе они составляли ношу, от которой Моури с радостью бы избавился. Упаковав их в чемодан, он набил карманы деньгами, проверил пистолет и, включив контейнер двадцать два, отправился в путь – снова в крошечной тьме.

Он был сыт по горло долгим и трудным путешествием от пещеры к дороге. На фотографии местности, которую он рассматривал в стереоскоп на корабле, расстояние выглядело небольшим, но в действительности требовалось немало времени и сил, чтобы его преодолеть, особенно если идти в темноте с тяжелым чемоданом. Моури не раз проклял сделанный им выбор, хотя прекрасно понимал, что отдаленность убежища служила надежной защитой.

Уже совсем рассвело, когда он подошел к динокару и с радостью закинул чемодан на заднее сиденье. На дороге было тихо, ни одной машины. Моури быстро вернулся к своему дино, выехал из леса и, выйдя из кабины, уничтожил следы колес. Затем он направился в Алапертейн по самой дальней от гудящей столицы дороге.

Через пятнадцать минут ему пришлось остановиться. Дорогу заполнили военные грузовики, с урчанием выбиравшиеся на шоссе. С них спрыгивали солдаты и неровными рядами углублялись в лес по обеим сторонам дороги. Дюжина мрачных мужчин в гражданском сгрудилась в кузове грузовика под охраной четырех солдат.

Пока Моури наблюдал за происходящим, к машине подошел капитан и спросил:

- Откуда следуете?
- Из Валапана.
- Вы там живете?
- Да. В Киестре, на выезде из Валапана.
- Куда направляетесь?
- В Алапертейн.

Его ответ, казалось, удовлетворил офицера. Он собрался отойти.

Моури обратился к нему.

- Что случилось, капитан?
- Прочесываем лес. Вылавливаем трусов и отвозим туда, где им положено находиться.

– Трусов? – Моури был озадачен.

– Ага. Позапрошлой ночью некоторые желтопузые соко удрали из Пертейна и ушли в леса. Слишком пекутся о своей шкуре, понятно? Вчера утром их примеру последовали и другие. Если бы мы не приняли меры, сегодня полгорода отправились бы в лес. Прямо тошнит от этих гражданских!

– Но почему они бегут?

– Из-за слухов. – Он презрительно фыркнул. – Слишком много болтают.

– А вот из Валапана никто не бежит, – продолжил разговор Моури.

– Пока нет, – ответил капитан.

Он пошел по шоссе, подгоняя лениво тащившуюся вдоль опушки группу солдат.

Последние грузовики прошли, и Моури нажал на газ. Похоже, правительство собирается как следует закрутить гайки, а население так перепугано, что ищет спасения в лесу. Совпадение начала кампании с побегом, видимо, чистая случайность.

Под мерный шелест шин динокара Моури задумался о судьбе Гурда и Сливы. Поймали их, или им удалось схорониться где-то внутри кольца? Проезжая через какой-то поселок, он чуть не поддался мгновенному искушению позвонить своим бандитам, но в последний момент изменил решение и, хотя это было совершенно бесполезно и довольно рискованно, он все же остановился на минуту, чтобы купить утреннюю газету.

В ней не было ничего интересного – обычная смесь бравады, угроз, обещаний, указаний и предостережений. В одной заметке категорически утверждалось, что арестованы восемьдесят членов Дирак Ангестун Гесепт, «в том числе один из главарей». Моури невольно посочувствовал несчастному которого наградили столь высоким званием. Ни о Гурде и Скриве, ни о полковнике Халопти нигде не упоминалось.

Выбросив газету, он продолжал свой путь. Незадолго до полудня Моури был в центре Алапертейна и спросил у прохожего, как проехать в порт. Хотя он снова проголодался, тратить время на еду не хотелось. Алапертейн не был закрыт, на улицах было спокойно, и ни одна патрульная машина, ни один полицейский не заинтересовались Моури. Стоило поспешить и воспользоваться благоприятной ситуацией, пока она не изменилась к худшему. Поэтому, забыв на время про обед, он направился прямо в порт.

Поставив свой дино на стоянке местной судостроительной компании, Моури подошел к воротам, что вели к первому пирсу, посмотрел через очки на полицейского и спросил:

– Как пройти в кабинет управляющего портом?

Полицейский ткнул пальцем:

– Вон туда, как раз напротив третьих ворот.

Через несколько минут Моури уже был в конторе. Он нетерпеливо забарабанил пальцами по стеклянной перегородке – пожилой человек, раздраженный и усталый после долгого пути. В окошечке показалась голова младшего клерка.

– Что вам угодно?

Сунув ему под нос свои документы, Моури сказал:

– Мне необходимо знать, какие суда покинут порт до рассвета и у каких причалов они стоят.

Клерк послушно вытащил длинную узкую книгу и начал листать страницы. Ему и в голову не пришло усомниться в правомочности подобного вопроса. Бумаги с грифом службы морских перевозок было для него более чем достаточно;

к тому же всем известно, что пока ни Алапертейну, ни кораблям не угрожают космические силы спакумов.

– Пункты назначения вас интересуют? – подобострастно спросил клерк.

– Нет, это не имеет значения. Мне нужны только названия кораблей, номера пирсов и время отплытия.

Моури вытащил огрызок карандаша с блокнотиком и нетерпеливо уставился на клерка поверх очков.

– Четыре корабля, – сообщил тот. – «Китси» уйдет в восемь часов от третьего пирса. «Антус» – в восемь от первого. «Су-катра» – в девятнадцать часов от седьмого. «Су-лиман» отплывает в девятнадцать и от того же пирса. – Он перевернул страницу и добавил: – В девятнадцать часов должен был уйти «Мелами», но обнаружили неполадки в машинном отделении. Скорее всего, рейс отложат на несколько дней.

– Тогда он меня не интересуется.

Моури вернулся к машине, достал чемодан и направился к седьмому пирсу. Дежурный полицейский бросил взгляд на его документы и пропустил на территорию порта без вопросов. Шагнув за ворота, Моури уверенно двинулся к длинному пакгаузу, над которым возвышались краны и несколько труб. Обогнув здание, он вышел прямо к корме «Су-катры».

С первого взгляда было ясно, что сейчас нечего и думать о том, чтобы незаметно прикрепить магнитную мину. Корабль стоял у пирса, и вокруг него сновали грузчики, перетаскивая по трапам на палубу ящики из стоявших внизу машин. Тут же присутствовало и начальство, наблюдая за ходом работ. С другой стороны пирса под погрузкой стоял «Су-лиман».

Некоторое время Моури раздумывал, стоит ли искать «Антус» и «Китси». Его не устраивало, что эти суда стоят у разных причалов, довольно далеко друг от друга. Здесь же два корабля были рядом. Если «Антус» и «Китси» тоже принимают груз, он только зря потратит время.

Похоже, он поспешил и появился тут слишком рано. Лучше всего было бы уйти и вернуться попозже, когда рабочие разойдутся по домам. Однако полицейский у ворот или береговой патруль могут заинтересоваться, зачем ему понадобилось входить на территорию порта после окончания рабочего дня. Любая попытка объясниться скорее всего выдаст его с головой. К примеру:

«– Я должен передать письмо капитану „Су-катры“.

– В самом деле? Как его зовут?»

Или:

«– Мне необходимо доставить исправленную накладную на уголь на „Су-лиман“.

– Да? Разрешите посмотреть? В чем дело – не можете найти? Как же вы собираетесь передать накладную, если у вас ее нет? Если ее нет в карманах, возможно, она в чемодане. Почему бы вам не поискать и там?»

Он двинулся прочь от кораблей, мимо торца пакгауза, который тянулся вдоль всего причала. Его раздвижные двери были приоткрыты, между створками

оставалась щель в три фута. Не раздумывая, он вошел внутрь. Одна стена до потолка была завалена грузами всех форм и размеров, у противоположной еще оставалось свободное место. В центре склада, напротив главных ворот громоздились ящики, коробки и мешки, которые грузчики перетаскивали на «Су-шатру».

Заметив на ближайших к нему ящиках пометку «Мелами», Моури бросил взгляд на суетившихся вдалеке грузчиков. Никто за ним не наблюдал, и он проскользнул за большой контейнер. Теперь его не было видно из глубины пакгауза, зато вполне мог заметить любой, проходивший мимо раздвижных дверей. Подняв чемодан над головой, он пробрался по узкому проходу между двумя другими контейнерами, влез на большой, похожий на гроб ящик и скорчился в темной нише между предназначенным для «Мелами» грузом и стеной пакгауза.

Ему было не слишком удобно. Он не мог сесть и не мог выпрямиться в полный рост. Пришлось оставаться в полусогнутом положении, пока, устав от неудобной позы, он не догадался встать коленями на чемодан. Зато он был в безопасности: «Мелами» задерживается, и никому не придет в голову ворошить этот груз ради забавы.

Моури показалось, что он провел в своем убежище целую вечность. Наконец прозвучал сигнал и рабочий день закончился. Сквозь стену пакгауза были слышны шаги грузчиков, закончивших смену. Никто не потрудился закрыть двери сарая, и он не мог решить, хорошо это или плохо. Запертые двери означали, что на пирсе никого не осталось и территория не охраняется – если не считать полицейского при воротах. Возможно, двери оставлены открытыми, потому что вот-вот прибудет ночная смена или усиленный наряд охраны.

Выбравшись из своей ниши, Моури сел на ящик и потер зудящие колени. Он ждал еще два часа – на случай, если кто-то из особо ретивых служащих остался работать сверхурочно. Наконец терпение его иссякало; он прошел по пустынному пакгаузу и остановился у дверей, выходящих на причал, сквозь которые было видно «Су-катру».

Достав из чемодана магнитную мину, он установил часовой механизм с упреждением на двадцать четыре часа и пропустил через ушко крепления длинный тонкий шнур. Затем выглянул в дверь. На пирсе никого не было, только несколько матросов возились на верхней палубе.

Моури решительно вышел из-под защиты пакгауза, преодолел десять ярдов, отделявших его от корабля, и бросил мину в воду между бортом и стенкой пирса. Тяжелый диск упал с громким всплеском и ушел в воду насколько позволял шнур. Теперь мина находилась в восьми футах под водой; она еще не закрепилась. Моури подергал шнур, чтобы магнитное кольцо повернулось к борту корабля. Мина сразу же устремилась к корпусу и стукнулась о него с лязгом, который, казалось, был слышен вдоль всего пирса. Моури быстро отпустил один конец шнура, потянул за другой и вытащил его из ушка.

Наверху, на палубе, появился матрос, бросил взгляд на пустынный пирс и сплюнул вниз. В это время Моури как ни в чем не бывало уже шагнул к пакгаузу неторопливо и уверенно. Матрос посмотрел, как он вошел в здание склада,

взглянул на звезды, еще раз сплюнул в воду и вернулся к своим делам.

Вскоре Моури повторил всю процедуру у «Су-лимана», забросив вторую мину на глубину восьми футов. Она тоже должна была сработать через двадцать четыре часа. Громкий лязг снова привлек внимание – трое любопытных матросов посмотрели вниз. Однако, поторчав немного у борта и никого не заметив, они быстро забыли про подозрительный звук.

А Моури уже шел к воротам. Навстречу ему попались двое молодых офицеров, возвращавшихся на корабль. Занятые разговором, они не обратили внимания на пожилого чиновника, спешившего домой. Если бы эти парни знали, сколько времени им предстоит по его милости болтаться в воде, они бы с радостью размозжили ему череп.

Когда Моури уходил из порта, у ворот уже дежурил другой полицейский.

– Долгих лет!

– Долгих лет! – отозвался полицейский, равнодушно кивнув головой.

Моури прошел по дорожке вдоль ограды, затем свернул за угол и оказался у ворот третьего пирса, напротив автостоянки. Он бросил взгляд в сторону своего динокара, находившегося в сотне ярдов, и резко остановился. Машина была на месте, но капот был поднят и двое полицейских, склонившись, внимательно изучали двигатель.

Значит, они вскрыли машину отмычкой, чтобы добраться до крышки капота. Вряд ли они занимались этим ради забавы – их явно интересовало нечто вполне конкретное.

Отступив за угол, Моури быстро все обдумал. Ясно, что полицейские проверяют серийный номер двигателя. Через минуту один из них залезет под машину, чтобы списать номер кузова. Итак, в Кайтемпи, сообразив, что машина Саграматолу обзавелась другим номерным знаком, начали проверять все динокары этой модели и года выпуска.

Прямо перед Моури находилась служебная машина любознательных исследователей; со стоянки ее не было видно. Наверное, полицейские специально поставили ее тут, чтобы при необходимости блокировать выезд. Когда они сообразят, какое везенье им подвалило, то ринутся сюда, чтобы устроить засаду.

Моури осторожно выглянул из-за угла. Один из полицейских что-то возбужденно говорил, другой чиркал в записной книжке. Итак, у него есть в запасе минута: прежде чем вернуться, они захлопнут капот и закроют машину, чтобы владелец ничего не заподозрил.

Если действовать с уверенным видом, ни один прохожий не задаст лишних вопросов. Он быстро направился к полицейской машине и нажал на дверную ручку. Заперто. У него не было ни отмычки, ни времени, чтобы ею воспользоваться, – мечта обменять один динокар на другой не осуществилась. Моури открыл чемодан, вытащил запасную магнитную мину и завел механизм на час. Затем лег на землю, протиснулся под машину, прилепил мину в центре днища, вылез наружу и отряхнулся. Семь человек видели, чем он занимается, и никто не сказал ни слова. Как и везде, обитатели Алапертейна предпочитали не иметь дел с полицией.

Схватив чемодан, Моури быстро двинулся прочь. Сворачивая за угол, он обернулся. Один полицейский сидел в машине и что-то говорил в микрофон. Другого не было видно – наверное, остался наблюдать за подозрительным динокаром. Сейчас эта парочка вызовет подмогу и автостоянку оцепит целый полк.

Опять суровые обстоятельства загнали его в угол. Он лишился машины, на которую так рассчитывал; она уже не раз выручала его. У Моури остался только пистолет, комплект фальшивых документов, толстая пачка поддельных купюр и чемодан, в котором не было ничего, кроме взрывного устройства, соединенного с замком.

Он избежался от чемодана, оставив его у входа на центральный почтамт. Небольшой взрыв в людном месте немного расшевелит городские власти. Теперь, когда полиция обнаружила его машину, им стало ясно, что убийца Саграматолу разгуливает по Алапертейну. Они устроят засаду, надеясь его сцапать, а тем временем патрульная машина взлетит на воздух. Затем какой-нибудь законопослушный гражданин сдаст его чемодан служащим почтамта – или, если повезет, в полицейский участок. Его попробуют вскрыть – и грохнет второй взрыв.

Рисуя в воображении эти соблазнительные картины, Моури быстро удалялся от автостоянки. Он прикинул шансы выбраться из города. Еще немного – и Алапертейн станет похож на растревоженный муравейник. Два мощных взрыва вызовут панику. Ему просто необходимо смыться, пока местные власти, следуя примеру столицы, не окружат город кольцом войск.

Глава 11

И тут Моури пожалел, что удостоверение Свиного Рыла погибло при взрыве в Радине. Теперь оно бы ему пригодилось. Он пожалел и о том, что отдал Скриве значок Саграматолу. Хотя он похож на агента Кайтемпи не больше, чем на розового дикобраза, и удостоверение, и значок позволили бы Моури остановить любую машину и приказать водителю отвезти его в любое место, вдобавок так припугнув беднягу, что тот не стал бы задавать лишних вопросов.

У Моури оставалось единственное преимущество: охотники не знали примет убийцы Саграматолу. Возможно, они решили искать человека, похожего на полковника Халопти. Или же руководствуются описанием мифической личности, вырванным у заключенных на допросах. Вряд ли их заинтересует пожилой человек, слишком уставший от жизни, слишком недалекий, чтобы знать, с какого конца стреляет пистолет.

И все же они допросят каждого, кто сейчас покидает город, – даже если он выглядит, как сама невинность. Возможно, агенты Кайтемпи будут обыскивать всех отъезжающих, и тогда пистолет и крупная сумма денег выдадут его. Они могут задержать каждого подозреваемого и тщательно проверить его документы. У них вполне достаточно способов набросить петлю ему на шею.

Следовательно, о путешествии на поезде нечего и думать. То же относится и к

междугородным автобусам. За ними будут вести пристальное наблюдение. Десять против одного, что в случае кражи динокара вся полиция ринется на его поиски. Они решат, что преступник бросил свою машину и заменил ее другой, более надежной. И сейчас слишком позднее время, чтобы купить новый дино – все магазины уже закрыты. Однако... да, он может сделать то, что неоднократно проделывал раньше, – взять автомобиль напрокат.

На поиски агентства ушло около часа. Наступил вечер, и в одних прокатных конторах уже закончился рабочий день, другие собирались закрываться. Пожалуй, для Моури это было даже выгодно – поздний час объяснит его спешку.

– Я хотел бы взять этот спортивный автомобиль на четыре дня. Можно ли оформить его прямо сейчас?

– Да.

– Сколько?

– Тридцать гильдеров в день. Всего сто двадцать.

– Я беру его.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Тогда я приготовлю машину и выпишу счет. Присаживайтесь. Я задержу вас только на несколько минут.

Клерк схватил со стола какие-то квитанции и торопливо удалился в маленькую комнату позади конторки. Дверь еще не успела закрыться, когда до Моури донеслись слова:

– Сисира, клиент очень спешит. Он не выглядит подозрительным, но ты все же позвони и сообщи им.

Прежде чем невидимый Сисира успел набрать номер, Моури уже выскочил из конторы, промчался до конца улицы и два раза повернул за угол. Охотники опередили его. Все агентства проката получили указание сообщать в Кайтемпи о слишком торопливых клиентах. Его спасла неплотно прикрытая дверь. Если бы она захлопнулась и заглушила голос клерка, он все еще ждал бы там – и дождался бы агентов Кайтемпи.

«– Зачем вам этот дино, а? Куда вы собираетесь ехать? Где живете? Кто вы такой? Поднимите руки, мы посмотрим, что у вас в карманах».

Обливаясь холодным потом, Моури торопился подальше от этой автоловушки. Затем с облегчением выбросил очки и огляделся. Мимо проехал автобус с надписью «Аэропорт» и затормозил у остановки. Теперь он вспомнил, что проезжал мимо аэропорта по пути в город. Без сомнения, там тоже все оцеплено, но Джеймс не собирался ехать так далеко. Автобус довезет его до пригородов – вполне достаточно и этого. Без колебаний он забрался в салон.

Хотя Моури плохо знал Алапертейн, он примерно представлял, куда может добраться этим маршрутом, оставаясь еще в городской черте. Скорее всего, кордоны стоят на выезде из города – там, где кончаются дома. В этом пункте пассажиры могут рассматриваться как уезжающие из Алапертейна, и, следовательно, им стоит задать несколько вопросов. Нужно сойти немного

раньше.

Своевременно покинув автобус, он двинулся пешком в том же направлении, надеясь, что удастся проскочить незамеченным. Был поздний вечер, солнце наполовину скрылось за горизонтом, быстро смеркалось.

Моури замедлил шаг, решив, что в темноте легче обойти кордоны. Однако до темноты оставалось еще время, и, чтобы не привлекать внимания, он свернул с шоссе и, надеясь сойти за местного, двинулся в обход по узким боковым улочкам; когда стемнело, он вернулся назад.

Он направлялся к городской черте, настороженно всматриваясь в темноту впереди. Вскоре фонари вдоль шоссе исчезли – как и дома с освещенными окнами – и вдали над аэропортом проступило разгорающееся зарево. Где-то здесь должен быть кордон.

Его обогнал автобус, исчез в густых сумерках и остановился, вспыхнув тормозными огнями. Моури осторожно приблизился и замер в двадцати ярдах от освещенного салона. Автобус был забит пассажирами и багажом. Трое полицейских поднялись в салон; двое проверяли документы, третий дежурил у выхода.

Справа на обочине стояла полицейская машина с открытой дверцей и погашенными огнями. Моури вряд ли заметил бы ее, если бы свет автобусных фар не отразился на полированном корпусе. Он подошел слишком близко – если внутри сидят полицейские, они услышат звук шагов и, как только он поравняется с автомобилем, выскочат и набросятся на него. Но машина была пуста.

Моури спокойно сел за руль, прикрыл дверцу и завел мотор. В автобусе полицейский раздраженно орал на испуганного пассажира; его напарники довольно ухмылялись. Они не слышали ни стука дверцы, ни ровного гудения мотора. Вырулив на шоссе, Моури включил фары. Два луча разрезали темноту, заливая ослепительным светом дорогу и стоящий на ней автобус. Динокар промчался мимо, полицейские и пассажиры проводили его недоуменными взглядами.

Он гнал вперед, радуясь милости судьбы, компенсировавшей ему недавние неудачи. Пока поднимут тревогу, пройдет время; только тогда опять начнется погоня. Судя по выражению лиц полицейских, они ничего не поняли. Вероятно, они подумали, что какой-то шустрый водитель решил проскочить мимо поста, пока они возятся с автобусом.

Но все же полиция наверняка захочет проверить, что случилось. Двое продолжат измывательство над пассажирами, а третий отправится на дорогу. И вряд ли он не заметит пропажу машины.

Ну и веселье тут начнется! Дорого бы он дал, чтобы только поглядеть на их физиономии! Ни патрульной машины, ни передатчика! Им придется отправиться в аэропорт, расположенный далеко за пределами города, или в поту и мыле мчаться в ближайший дом с телефоном. Они позвонят и доложат, что неизвестный злоумышленник угнал патрульную машину. Какую выволочку им предстоит получить!

Тут Моури вспомнил, что в полицейской машине есть рация. Он щелкнул

тумблером и сразу же услышал:

– Десятый патруль. Докладываю. Подозреваемый утверждает, что разглядывал машины на стоянке только потому, что забыл, где запарковал свой динокар. Этот тип едва держится на ногах, речь сбивчивая, от него несет зисом. Возможно, притворяется.

– Десятому патрулю. Доставьте его в штаб, – последовал ответ.

Вскоре девятнадцатый патруль запросил подкрепление, чтобы окружить здание какого-то склада на побережье. Причина не была указана. Три машины получили приказ немедленно отправляться туда.

Моури повернул переключатель на другой канал. Долгое время ничего не было слышно, затем прозвучало:

– Пост К. Это Валтаган. Седьмой вошел в дом.

Из передатчика донесся приказ:

– Не спешить! Могут появиться и те двое.

Кажется, в чей-то несчастный дом сегодня вечером наведается Кайтемпи. Почему – остается только гадать, совсем не обязательно этот ночной визит связан с находкой машины Саграматолу. Кайтемпи хватает кого хочет – они зачисляют граждан в ряды ДАГ по своему усмотрению. Ну, что ж, Кайтемпи может суетиться изо всех сил – ей не удастся ни прихлопнуть «осу», ни уничтожить спакумский космический флот, ни выиграть войну.

Моури переключился обратно на полицейский канал; он надеялся вскоре услышать яростные вопли местного начальства в ответ на сообщение трех ротозеев о пропаже патрульной машины. Пока что по радиии продолжали звучать сообщения о подозреваемых и дезертирах, приказы патрульным машинам и прочую чепуху. Моури почти не слушал эту болтовню и гнал динокар с максимальной скоростью.

Он был в двадцати пяти денах от Алапертейна, когда все переговоры резко оборвались – включился мощный передатчик в столице.

– Сообщение особой важности – всем, всем. Похищена патрульная машина номер четыре. Вероятно, преступник продвигается к югу по шоссе на Валапан и сейчас находится в районе П6-П7.

Немедленно откликнулись больше десяти патрулей, находившихся в этой зоне или недалеко от нее. Штаб в Пертейне начал передвигать их, словно фигуры на шахматной доске, но номера и закодированные названия ничего не говорили Моури.

Одно было очевидно: если он поедет по валапанскому шоссе, очень скоро его обнаружат и все патрули в округе ринутся вдогонку. Пожалуй, бесполезно покидать шоссе, чтобы продолжить путь по сельским дорогам. Они наверняка готовы к такому маневру и уже сейчас предпринимают контрмеры.

Можно оставить машину с потушенными фарами где-нибудь в поле и пойти пешком – ее обнаружат не раньше следующего утра. Но если не удастся заполучить другой транспорт, идти до убежища в пещере придется целые сутки, а может быть, и дольше.

Слушая переговоры в эфире, раздражавшие его обилием загадочных географических названий, Моури понял, на чем основаны расчеты преследователей. Они полагали, что, двигаясь с определенной скоростью в определенном направлении, спустя некоторое время преступник окажется в определенном месте. Эта зона могла быть довольно большой, если учесть возможные объезды и остановки, но не бесконечной. Если заблокировать все выходы из нее, то останется только прочесать каждую дорогу внутри.

Предположим, они ничего не найдут. Десять шансов против одного, что они решат следующее: или беглец изменил направление и сейчас мчится, предположим, на север, или он ехал с большей скоростью, чем предполагалось, проскочил ловушку и теперь находится южнее. В любом случае поиски будут продолжаться либо вблизи Валапана, либо к северу от Алапертейна.

Проскочив на спуск мимо проселочной дороги, он затормозил, вернулся и свернул на нее. На шоссе показалось слабое зарево. Двигаясь по разбитой колее, Моури видел, как оно становилось все ярче. Когда свет фар приблизился, он остановился и выключил свои огни.

Он сидел в машине в полной темноте, когда на шоссе появился динокар. Почти машинально Моури открыл дверь и приготовился бежать, если машина съедет на его дорогу.

Она затормозила на перекрестке.

Моури вышел, остановился, сжимая в руке пистолет, чувствуя, как напряглись ноги. В следующий момент мотор взревел, машина рванулась с места и исчезла в темноте. Он не знал, был ли это патрульный динокар или просто случайный путник. В первом случае можно было предполагать, что полицейские разглядывали погруженную во мрак проселочную дорогу. И отбыли, не обнаружив ничего интересного. Они еще вернутся сюда – когда поиски на главных магистралях окажутся безрезультатными.

Глубоко вздохнув, Моури снова сел за руль, включил фары и двинулся вперед. Вскоре он добрался до фермы, остановился и бросил взгляд на окруженный хозяйственными постройками двор. В доме еще не спали, в окнах поблескивал свет. Он поехал дальше.

Джеймс миновал еще две фермы, прежде чем нашел подходящую. Там не светило ни огонька, большой амбар стоял вдалеке от дома. Притушив фары, он медленно и тихо проехал через грязный двор по узкой дорожке, остановился у распахнутых ворот амбара, вылез из машины, взобрался на сено и лег.

На протяжении четырех часов он неоднократно видел мелькание фар на дороге. Дважды был слышен рокот мотора проезжавшей мимо фермы машины. Каждый раз он приподнимался, сжимая пистолет. Но охотники явно не догадывались, что у него хватит нахальства притаиться внутри кольца облавы. Те, кто скрывался от полиции или Кайтемпи, никогда не вели себя так; обычно они бежали вперед, пока хватало сил.

Постепенно все стихло. Моури снова сел за руль и продолжил гонку. До рассвета оставалось три часа. Если все пойдет гладко, он успеет добраться к своей отметине на лесной опушке еще в темноте.

Из штаба в Пертейне все еще шел поток приказов и инструкций – абсолютно непонятная ему тарабарщина. Но ответов было слышно все меньше. Моури не мог сообразить, хороший ли это знак. Ясно, что патрульные машины, которые вели переговоры, находятся далеко от него, но сколько их молчаливо рыскает рядом с ним? Если противник догадался, что его жертва может прослушивать частоты полицейской связи, то не исключена попытка усыпить ее бдительность.

Итак, Моури ничего не знал о том, где поджидает его засада, но продолжал двигаться к своей цели. Он трясся по грунтовой дороге, которая вывела бы его к шоссе, когда внезапно зеленая стрелка на энергоиндикаторе потемнела, фары погасли, радио отключилось. Машина, проехав по инерции несколько десятков ярдов, остановилась.

Осмотрев панель управления, он не обнаружил неисправности. Покопавшись некоторое время в темноте, Моури выдернул один из контактов энергоприемника и закоротил его. Но голубых искр разряда не появилось.

Значит, подача энергии из столицы прекращена. Все машины в определенном радиусе от Пертейна встали, включая служебный транспорт полиции и Кайтемпи. Только автомобили, находящиеся в зоне действия других энергопередатчиков, продолжают движение – если, конечно, эти передатчики работают.

Оставив машину, он пошел пешком. Вскоре он оказался на шоссе и стал двигаться быстрее – напрягая глаза и пытаясь разглядеть полицейских, которые могли поджидать за любым поворотом.

Через полчаса далеко позади него на дороге вспыхнули огни и послышался рокот моторов. В спешке свернув с шоссе, Моури свалился в канаву, выбрался из нее и залег в невысоких, но густых кустах на опушке. Огни приблизились, затем промчались мимо.

Это был военный разведпатруль, двенадцать человек на диноциклах с питанием от автономных батарей. В блестящих пластиковых комбинезонах, в очках и дюралевых шлемах, они походили скорей на водолазов, чем на солдат. За спиной у каждого висел автомат с круглым магазином.

Видимо, власти раздражены до крайности, если остановили все движение и отправили армейские части на поиски пропавшего полицейского динокара. Пожалуй, с их точки зрения эти действия оправданы. Дирак Ангестун Гесепт взяла на себя ответственность за убийство Саграматолу, и кто бы ни угнал патрульную машину, он, очевидно, член партии. Власти жаждали любой ценой заполучить этого человека.

Моури двигался короткими перебежками, потом отдыхал, переходя на быстрый шаг. Однажды он бросился на землю, уткнувшись лицом в мокрую, пахнущую рыбой поросль, которая на Джеймеке заменяла траву. Мимо прошел патруль из шести человек. В другой раз ему пришлось спрятаться от четверых солдат за деревом. Приближался рассвет, небо из черного становилось серым, и с каждой минутой становилось светлее.

Последний отрезок пути до леса оказался самым трудным. В течение десяти минут приходилось несколько раз прятаться; он не был уверен, что удалось остаться незамеченным – теперь местность просматривалась на большом

расстоянии.

Неожиданная активность в этом районе могла означать, что похищенная машина наконец найдена. Следовательно, очень скоро они начнут поиски беглеца, который идет пешком. И весьма вероятно, что солдаты станут прочесывать не только ближайший к машине участок леса. Не имея возможности определить, как давно брошена машина, охотники решат, что он сделал это четыремя часами раньше, и начнут искать гораздо дальше в сторону Пертейна.

Наконец он выбрался к своей отметке и теперь быстро продвигался по знакомому пути. Быстро светало. Он устал, проголодался и был вынужден отдыхать каждый час по десять минут, но в промежутках шел очень быстро. К середине дня, в часе ходьбы от пещеры, ему пришлось лечь на устланной листьями поляне и поспать. Моури прошел уже тридцать семь миль по земному счету; ему помогали отчаяние, необходимость и невысокая гравитация Джеймека.

Немного отдохнув, он продолжил путешествие и перешел с быстрой ходьбы на прогулочный шаг, когда достиг места, где обычно его кольцо начинало пульсировать. Но на этот раз сигнал безопасности отсутствовал. Он сразу же остановился, пристально вглядываясь в прогалины между деревьями. Лес казался лабиринтом, сотканным из света и тени. Моури встряхнул головой. Может быть, где-то на дереве притаился замаскированный снайпер.

В ушах его зазвучали слова, столько раз слышанные в школе: «Кольцо обеспечивает вашу безопасность; не оставляйте его сигнал без внимания!»

Хорошо им говорить. Легко давать советы, труднее следовать им. Выбор был нелегкий – необходимо решить, идти ли к вожделенному убежищу, где ждали относительный комфорт, еда и необходимое снаряжение, или отказаться от всего того, что помогало ему выжить во враждебном мире. Это был выбор между возможностью остаться неуловимой и грозной осой или превратиться в бесполезное насекомое. Он медлил, борясь с искушением подойти к пещере, посмотреть, что там случилось.

В конце концов Моури пошел на компромисс. Он начал осторожно продвигаться вперед от дерева к дереву, используя как прикрытие все, что встречалось ему на пути. Следуя этой тактике, он приблизился к пещере еще на несколько сот ярдов. Но кольцо никак себя не проявляло. Сняв его, Моури со злостью поглядел на чувствительный кристалл датчика, протер тыльную часть и опять натянул на палец. Ничего.

Спрятавшись за выступающими корнями гигантского дерева, он снова обдумал ситуацию. Неужели кто-то действительно обнаружил убежище и устроил там засаду? Или вышел из строя контейнер-сторож?

Пока он в нерешительности стоял, прислонившись к стволу, в двадцати ярдах от него раздался едва слышный низкий звук. Моури никогда не обратил бы на это внимания, если бы опасность не обострила все его чувства. Звук походил на приглушенный кашель. Этого было достаточно. В пещере кто-то есть, и он не хочет, чтобы его слышали. Убежище раскрыто, и в нем затаились охотники, поджидая владельца.

Не отрывая взгляда от деревьев, Моури пополз назад. Ему потребовался час,

чтобы отойти на милю, так осторожно он двигался. Решив, что расстояние, отделяющее его от пещеры, достаточно велико, он перешел на обычный шаг. Он не знал, куда идти и что делать.

Хотя подобные размышления не имели теперь смысла, он стал прикидывать, как противник сумел выйти на тайник. Самолеты-разведчики, оснащенные металлоискателями, пролетая на низкой высоте, могли обнаружить убежище – но лишь в том случае, если пилоты подозревали о его существовании и вели целенаправленный поиск в этом районе. Он не знал, что могло вызвать такие подозрения.

Скорее всего, на пещеру случайно наткнулись бежавшие в лес обитатели Пертейна. Конечно, они воспользовались случаем загладить свою вину и сообщили властям о находке.

Как бы там ни было, теперь это не играет никакой роли. Он потерял тайник и возможность дальнейшей связи с Землей. У него остались одежда, пистолет и двадцать тысяч гильдеров. Да, он – богач, все состояние которого – собственная шкура; впрочем, и та стоит недорого.

Ясно, пока есть силы, нужно как можно дальше отойти от пещеры – как только местные власти поймут, что наткнулись на тайник земного разведчика, они прочешут весь лес. И это может начаться в любую минуту.

Спотыкаясь, страдая от голодных спазм в желудке, он продолжал идти, ориентируясь по солнцу и стараясь двигаться на юго-восток. Когда наступили сумерки, Моури почувствовал, что больше не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Свалившись в заросли похожего на камыш растения, он закрыл глаза и заснул.

Когда он проснулся, еще не рассвело. Он пролежал в полудреме до восхода солнца, потом снова отправился в путь. Ноги стали слушаться лучше, голова работала яснее, но голод продолжал мучить его.

В воздухе шла кипучая деятельность. Взад и вперед шныряли разведывательные самолеты и вертолеты. Что вызвало подобную активность, оставалось загадкой; не подняли же всю эту технику в воздух ради одного человека. Видимо, размеры тайника навели противника на мысль о целом спакумском десанте.

Моури представил, как растревожена столица, как засуетились все крупные шишки, непрерывно консультируясь с Дирактой. Улыбка искривила его запекшиеся губы. Те два рецидивиста, о которых рассказывал Вулф, и в подметки не годились ему, Джеймсу Моури. Эти типы оказались в центре внимания сорока семи тысяч человек в течение четырнадцати часов. А здесь, пожалуй, вся планета будет стоять на ушах по меньшей мере четырнадцать недель.

К ночи его желудок был наполнен только водой; от голода он беспокойно спал. Утром Моури продолжил свой путь через густой лес, простирающийся до экватора планеты.

Через пять часов он наткнулся на узкую тропинку, которая вывела его на опушку. Он увидел стоявшую в отдалении лесопилку и несколько домов, окруженных огородами. Два мощных грузовика замерли у ворот; Моури прожег

их завистливым взглядом. Около машин никого не было, и он мог беспрепятственно угнать любую. Но сообщение о пропаже направит всю свору по его следу. Сейчас они понятия не имеют, где он и куда направляется. И пусть лучше остаются в неведении подольше.

Осторожно лавируя между деревьями, Моури выбрал время, прокрался на ближайший участок, торопливо набил карманы овощами и взял столько фруктов, сколько мог унести в руках. Вернувшись в лес, он на ходу съел часть своей добычи. Позже, в сумерках, он рискнул развести костер, испек овощи в углях и поужинал, оставив половину на завтра.

В этот день он не встретил ни одной живой души и не раздобыл никакой еды. Следующие сутки были еще хуже: только деревья, деревья и деревья; ни одного ореха, ни одной ягоды, никаких следов обитания человека, ничего съестного. С севера еще доносился слабый гул самолетов, и только это свидетельствовало, что на планете есть жизнь.

Через четыре дня он вышел на грунтовую дорогу к Элверу, поселению к югу от Валапана. Прячась в тени деревьев, Моури двигался по ней, пока не увидел дома. Все выглядело мирно, и ничто не говорило об усиленном наблюдении.

Он находился в самом плачевном состоянии, ослаб от голода, одежда перепачкалась и измялась. К счастью, во время последнего перевоплощения он изменил цвет лица, что надолго отодвинуло необходимость бриться. Короткая стрижка, выбранная для роли полковника Халопти, тоже выручала – иначе теперь он был бы похож на привидение.

Несколько минут Моури руками пытался отчистить одежду и привести себя в порядок. Затем он смело зашагал в поселок. Если даже за еду придется расплачиваться петлей на шее, он готов пойти на это – при условии, что удастся хорошо поесть и вытащить пистолет.

В поселке было несколько магазинов и ресторанчик, где обычно обедали водители грузовиков. Открыв дверь этого заведения, Моури сразу же проследовал в туалет, вымылся и посмотрел на себя в зеркало – впервые за много дней. Он выглядел достаточно изможденным, чтобы привлечь внимание полицейских, однако, по крайней мере, не производил впечатления бездомного бродяги.

Вернувшись в зал, он сел у стойки, стараясь не пускать слюни. Кроме двух стариков, болтающих за столиком и слишком поглощенных беседой, чтобы обращать на что-нибудь внимание, посетителей в ресторане не было. Дородный парень в белом переднике появился за стойкой и с любопытством посмотрел на Моури.

– Что вы хотите?

Моури сделал заказ, получил тарелку и чуть не разрыдался от восторга. Он начал есть, стараясь не заглатывать большие куски, так как официант смотрел на него во все глаза. Закончив, он заказал следующее блюдо и так же неторопливо справился с ним. Это стоило ему немалых усилий. Он с радостью съел бы еще две порции и заказал шесть на вынос.

Когда он делал последний глоток, дородный официант спросил:

– Приехали издалека?

– Всего лишь из Валапана.

– Добрались пешком, да?

– Нет. Мой дино встал в двух денах отсюда. Займусь им позже.

Бармен с удивлением уставился на него.

– Вы приехали на машине? Как же вы выбрались из Валапана?

– Что вы имеете в виду? – спросил Моури; оборот, который принимала беседа, ему не понравился.

– Сегодня въезд и выезд из Валапана закрыт. Мне сказал полицейский.

– А когда закрыли город?

– Около половины десятого.

– Я уехал раньше семи, – заявил Моури. – Мне нужно было заглянуть в разные места по делам, и я отправился пораньше. Вовремя я успел!

– Да, – неуверенно согласился официант. – Но как вы собираетесь попасть обратно?

– Не имею понятия. Но когда-нибудь город откроют, верно? Не может же так продолжаться вечно.

Он расплатился и направился к двери.

– Долгих лет.

Он почувствовал, что убрался вовремя. Толстый официант не поверил ему, но, кажется, еще не решился сообщить куда следует. Этот любознательный тип относился к людям, которые колеблются до последнего, боясь показаться смешными.

Затем Моури посетил ближайший продовольственный магазин. Он купил изрядное количество концентратов, но пакет получился не слишком тяжелый. Здесь к нему не проявили особого интереса и разговор был коротким.

– В Валапане-то, слышали? Кошмар!

– Ага, – зевая, согласился Моури, чтобы поддержать беседу и услышать новости.

– Надеюсь, они прихлопнут всех вонючих спакумов.

– Ага, – повторил Моури.

– Проклятые спакумы! – продолжал продавец. – С вас шестнадцать и шесть десятых.

Выходя с пакетом, Моури окинул взглядом улицу. Парень из ресторанчика стоял у дверей и смотрел на него. Моури дружелюбно кивнул ему и направился к окраине поселка. Он еще раз оглянулся, когда миновал последний дом. Любопытный официант продолжал смотреть ему вслед.

Тщательно отмеряя порции, Моури растянул свои запасы на десять дней. Он продолжал скитаться в лесу, не встречая никого, кроме редких дровосеков, от которых успевал вовремя скрыться. Его путь лежал на запад, к Радину. Несмотря на риск, он собирался вернуться в ту часть Джеймека, о которой имел хоть какое-то представление.

Ближе к городу ему, вероятно, придется пустить в ход оружие, чтобы

заполучить машину и новые документы. Он решил сделать это, даже если придется закопать труп в лесу. Затем он прощупает почву и, если в Радине относительно спокойно, попробует найти убежище. Необходимо что-то предпринять, не прятаться же в лесу всю оставшуюся жизнь. На Джеймеке он был преступником. Что ж... Проявив некоторую инициативу, он и в этом качестве мог добиться успехов.

Моури не имел понятия о том, что попал в круговорот больших событий, что он уже больше не фигура в космической игре и даже своей собственной судьбе он отныне не хозяин.

Через два часа после заката, в последний день своего блуждания по лесам, Моури вышел к магистрали Радин-Камаста и двинулся параллельно дороге по направлению к Радину. Ровно в одиннадцать вечера ослепительно яркая вспышка осветила небо над военной базой в Камасте. Моури ощутил, как земля содрогнулась у него под ногами. Верхушки деревьев качнулись под ударной волной. Чуть позже вдалеке послышался приглушенный гром.

Движение на дороге уменьшилось, а потом и совсем замерло. Тысячи оранжевых змеек взвились над погруженным во тьму Радином и ринулись в ночное небо. Еще одна вспышка в районе Камасты. Что-то длинное, черное, грохочущее промчалось над лесом, на секунду заслонив звезды, обдав жаром деревья.

Издали доносился слабый приглушенный рокот, треск, разрывы и щелчки, а также странный неясный гул, похожий на крики тысяч людей. Моури вышел на опустевшее шоссе и уставился вверх. Звезды померкли, когда в небе появились четыре тысячи боевых кораблей космического флота Земли, уничтоженного уже три раза, если верить сирианским газетам.

Моури, как ненормальный, пустился в пляс на безлюдной дороге. Он простирал руки к небу, орал, вопил, визжал и распевал бессмысленные песни без слов и мотива. Он принялся расшвыривать все свои двадцать тысяч гильдеров, и разноцветные бумажки закружились в воздухе, как конфетти.

В то время как основные силы земного флота пронесли мимо, несколько кораблей начали опускаться, нацелившись в землю бледными зеленоватыми лучами антигравов. Моури завороченно смотрел, как совсем недалеко от него огромная неуклюжая машина, снабженная грандиозными гусеницами, зависла как перышко на двадцати вертикальных призрачных колоннах света и мягко приземлилась под протестующий скрип рессор.

Он помчался на юг, чувствуя, как учащенно бьется сердце. Он бежал, пока не наткнулся на отряд из сорока человек. Солдаты, видимо, услышали топот и явно поджидали его. Эти парни были на голову выше Моури и щеголяли в новенькой, с иголки, зеленой форме. В руках они держали оружие, холодно поблескивающее в звездном свете.

– Полегче, муха навозная, – посоветовал голос, прозвучавший музыкой в ушах Моури: ведь это был язык Земли!

Моури перевел дыхание. Он не обиделся на «муху». Каждый синезадый сири заслуживал такое прозвище.

Моури коснулся рукава солдата, преградившего ему дорогу.

– Меня зовут Джеймс Моури. Я не сири, хотя им выгляжу. Я землянин.

Его собеседник, высокий, сухой сержант, насмешливо ухмыльнулся:

– А меня зовут Наполеон Бонапарт. Я тоже не тот, кем выгляжу. Я император. – Рукой, в которой поблескивал пистолет, сержант ткнул в сторону Моури. – Посадите его в клетку.

– Но я же землянин! – закричал Моури, простирая руки к своим освободителям.

– Да, очень похож, – равнодушно согласился сержант.

– И я говорю на земном языке!

– Конечно. Сто тысяч навозных мух могут на нем говорить. Они думают, что это им поможет. – Сержант снова взмахнул своим оружием. – В клетку его, Роган.

Роган выполнил приказ.

Двенадцать дней Моури слонялся по лагерю военнопленных. Это был крупный лагерь, куда согнали огромное количество сири. И с каждым днем народу все прибавлялось. Узников кормили, за ними был установлен тщательный надзор – и больше ничего.

Среди его товарищей по несчастью было по крайней мере пятьдесят заключенных, которые, хитро подмигивая, уверяли, что им нечего бояться: скоро пленных рассортируют и тогда справедливость восторжествует. Эти проныры утверждали, что долгое время возглавляли Дирак Ангестун Гесепт, и, без сомнения, завоеватели с Земли оценят их заслуги по достоинству. Они пророчили, что земляне скоро начнут награждать друзей и наказывать врагов. Только когда трех из них задушили во сне, хвастовство и угрозы прекратились.

По крайней мере десять раз Моури пытался привлечь внимание часовых, когда рядом не было сириан.

– Эй! Меня зовут Моури, я землянин.

И десять раз он слышал в ответ:

– Как вылитый!

Или:

– Неужели?

Один долговязый парень сказал:

– Не морочь мне голову!

– Это так, клянусь вам!

– Ты и вправду землянин, да?

– Ага, – по привычке ответил Моури на сирианском.

– Вот тебе и «ага»!

Однажды он произнес свою фразу по буквам, чтобы его правильно поняли:

– Послушайте, я з-е-м-л-я-н-и-н.

На что часовой ответил:

– Как же, очень заметно.

Наступил день, когда всех заключенных построили на плацу, в центр его вышел капитан, взобрался на подставленный кем-то ящик, поднес ко рту мегафон и рявкнул на весь лагерь:

– Есть ли здесь Джеймс Моури?

Моури резво выскочил вперед привычной ковыляющей походкой.

– Я!

И он почесался, чем вызвал явное неодобрение капитана. Усмехнувшись, офицер произнес:

– Какого черта вы не сказали об этом раньше? Мы ищем вас по всему Джеймеку. Позвольте заметить, мистер, что у нас есть дела поважнее. Вы что, онемели?

– Я...

– Заткнитесь! Вас вызывают в военную разведку. Следуйте за мной.

Пролаяв это, он проводил Моури мимо охранников у ворот лагеря к сборному домику. По дороге Моури осмелился заикнуться:

– Капитан, много раз я пытался объяснить часовым, что...

– Заключенным запрещается разговаривать с часовыми, – отрезал капитан.

– Но я не заключенный...

– Тогда что вы тут делаете? – Не дожидаясь ответа, капитан распахнул дверь домика и сообщил:

– Вот он, этот бездельник.

Офицер разведки посмотрел на Моури, оторвавшись от бумаг.

– Так вы и есть Джеймс Моури?

– Так точно.

– Ну, что ж, – сказал офицер, – благодаря субпространственному радио нам хорошо известно о вашей деятельности.

– Неужели? – польщенно пробормотал Моури. Он уже приготовился услышать в свой адрес поздравления и похвалы и гордо поднял голову, ожидая венка героя.

Офицер равнодушно зевнул.

– Такой же агент работал на Артишейне, их десятой планете, – сообщил он. – Парень по имени Кингсли. От него давненько ничего не слышно. Похоже, его схватили, и, может быть, от бедняги уже ничего не осталось.

Моури начал понимать, куда он клонит.

– А я-то здесь при чем?

– Мы забросим вас на Артишейн. Отправление завтра.

– Что? Завтра?

– Вот именно. Мы хотим, чтобы вы стали «осой». – Офицер ухмыльнулся, затем озабоченно посмотрел на Моури. – Вы как, в порядке?

– Да, – ответил упавшим голосом Моури. – Вот только что-то с головой...